

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
О. В. Хлевнюк

**РЕПРЕССИРОВАННАЯ
РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ.
СМОЛЕНЩИНА.
1917–1953 гг.**

Москва
2011

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)
К55

*Издание подготовлено в рамках тематического плана
НИР по заданию Рособразования
(Министерства образования и науки РФ)
«Исследование региональных особенностей
репрессивной политики государства в первой половине XX века»,
2007–2011 гг.*

Кодин Е. В.
К55 Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. / Е. В. Кодин. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 270 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1544-8

В книге на примере Смоленщины показана репрессивная практика советского государства по отношению к собственным гражданам в период с 1917 по 1953 гг. В основу работы положены материалы «Смоленского мартиролога» и созданной параллельно с ним электронной базы жертв политических репрессий Смоленской области. Деятельность местных репрессивных органов (ревтрибунала, ЧК, ОГПУ, НКВД) представлена на фоне общероссийской практики государственного террора. Деятельность регионального УНКВД в годы Большого террора показана в увязке с органами суда и прокуратуры.

Большое внимание в работе уделено основным репрессивным кампаниям 1930-х гг.: ликвидации кулачества и подавлению его сопротивления в деревне в период коллективизации; показательным судебным процессам в регионе в 1937–1938 гг. и репрессиям по национальному признаку на Смоленщине. Особенность данного исследования — иллюстрация архивных и документальных материалов диаграммами или таблицами, составленными на основе мартиролога, которые далеко не всегда подтверждают устоявшиеся в исторической науке оценки размаха и практики политических репрессий в советской России. Данные по 1940–1950-м гг. в работе представлены минимально, поскольку каких-либо существенных особенностей репрессивной практики на Смоленщине с общероссийскими процессами в эти годы не выявлено.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-1544-8

© Кодин Е. В., 2011
© Российская политическая энциклопедия, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юридическое толкование понятия «политические репрессии» впервые дал закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». Статья первая закона определила политическими репрессиями «различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделенных судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами».

Историческая наука исследует данную проблему уже не одно десятилетие. Список литературы по репрессиям, особенно эпохи сталинизма, бесконечен и ежегодно расширяется сотнями новых исследований и сборниками архивных документов, ранее имевших гриф секретности.

Одновременно с научными исследованиями по инициативе общества «Мемориал» в центре и в регионах стали готовиться Книги памяти жертв политических репрессий, а вместе с ними и соответствующие электронные базы данных. Смоленщина — один из таких регионов.

В 2001 г. в смоленском издательстве «Смядынь» вышла книга, название которой дала известная поэма А. Т. Твардовского «По праву памяти». То был первый том большого проекта по созданию доступной для всех базы данных жертв политических репрессий Смоленской области. Задумал проект и посвятил ему значительную часть своей жизни А. А. Забелин¹. В книгу вошли имена 8150 жителей Смо-

¹ По праву памяти. Книга памяти жертв незаконных политических репрессий: Т. 1. Смоленский мартиролог: А–Я / Составитель А. Забелин. Смоленск, 2001.

ленщины, расстрелянных за период с 1917 по 1953 гг. Завершить издание последующих томов мартиролога составитель, увы, не успел.

Начатую им титаническую работу продолжил Смоленский государственный университет совместно с архивом УФСБ по Смоленской области. В течение шести лет была проведена большая работа по созданию и уточнению общей базы данных «Смоленского мартиролога». Всего при финансовой поддержке областной администрации и Мемориального комплекса «Катынь» было издано семь томов. Из них две книги первого тома (буквы А–Я) — это так называемые расстрельные списки. Еще шесть томов — со списками репрессированных по другим статьям обвинений².

«Смоленский мартиролог» — это документальное подтверждение и горькое свидетельство политических репрессий и террора государства по отношению к своим гражданам на уровне одного российского региона. Каким он был — политический террор на Смоленщине — в период с 1917 по 1953 гг.? Каковы его масштабы и формы проявления на разных исторических этапах? Кто вершил репрессивное «правосудие» и по какому праву? Кто и почему становился жертвами репрессий по социальному, классовому, идеологическому, национальному и другим признакам?

На эти и другие вопросы Вы, уважаемый читатель, найдете ответы в предлагаемом Вашему вниманию исследовании. Насколько объективны и обоснованны наши выводы и заключения — судить также Вам.

* * *

Подготовка данной работы стала возможной благодаря постоянной финансовой поддержке со стороны Российского гуманитарного научного фонда, Федерального агентства по образованию, Администрации Смоленской области, Мемориального комплекса «Катынь».

Автор выражает глубокую признательность сотрудникам архива УФСБ по Смоленской области за многолетнюю, кропотливую работу по формированию и уточнению картотеки репрессированных на основе хранящихся в архиве соответствующих уголовно-следственных дел.

² Книга памяти жертв политических репрессий. Смоленский мартиролог: Т. 1. Кн. 1: А–К, Кн. 2: Л–Я / Под ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 2006; Т. 2: А–Г. Смоленск, 2003; Т. 3: Д–К. Смоленск, 2004; Т. 4: Л–О. Смоленск, 2004; Т. 5: П–С. Смоленск, 2005; Т. 6: Т–Я. Смоленск, 2007; Т. 7: А–Я (доп.). Смоленск, 2008.

Значительную помощь по подготовке материалов справочного характера оказали работники Государственного архива новейшей истории и Государственного архива Смоленской области.

Отдельные слова благодарности моим коллегам-историкам, предоставившим право использовать результаты своих исследований по отдельным аспектам проблемы: доктору исторических наук, профессору Е. А. Сикорскому, кандидатам исторических наук О. В. Кобец, Б. В. Макееву, П. П. Федоренко, Р. В. Шамшину.

Основная работа по формированию электронной базы данных, ее соответствующей обработке, а также подготовке всех книг «Смоленского мартиролога» и настоящей монографии к изданию была проведена сотрудниками отдела информатизации СмолГУ (Т. К. Комиссарова, Е. А. Ляхимец, Л. М. Павленкова). Мои слова глубокой благодарности им и нашему постоянному редактору Л. В. Бушуевой.

*Е. В. Кодин,
доктор исторических наук,
профессор*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Репрессированная российская провинция, 1917–1953 гг.», проект № 05-01-01463а.

Глава 1

ЭЛЕКТРОННАЯ БАЗА ДАННЫХ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области формировалась на основе картотеки репрессированных по материалам уголовных дел, хранящихся в архиве местного управления Федеральной службы безопасности. Основная работа была проделана работниками архива в 1990-е гг. как результат принятого в 1991 г. закона о реабилитации жертв политических репрессий. Уточнения и дополнения вносились в картотеку на протяжении всех лет работы над проектом.

На основе данных архивно-следственных дел по всем персоналиям заполнялась карточка репрессированного.

Приложение 1

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Карточка репрессированного

Картотека репрессированных		Оформление F9
А.И.О.:	АБОЛИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ	Архив УФСБ
Год рождения:	1909	№ д.с. дела: 2400-с
Место рождения:	Холм-Жирковский р-н д. Бульново	
Место ссылки:		
Национальность:	латыш	Партийность: беспартийный
Социальное:	крестьянин	
Место работы:	к-з "Победа" Издешковского р-на	
Профессия:	колхозник	
Дата ареста:	28.11.1937	
Место ареста:	УГБ УНКВД Смоленской области	
Место содержания:	тюрьма г. Вязьмы	
Датум освобождения:	24.01.1938 г. НКВД и прокурора СССР по ст. 58-7,10,11	
Мера наказания:	расстрел	
Дата исполнения приговора:	10.02.38	
Судовые акты:	реабил. 23.10.1956 г. Военная коллегия ВС СССР	
Создать F2 Редактировать F3 Добавить F4 Копия F5 Удалить F6 Поиск F7 Ввод загла F8 Выход F11		
Всего:	32111	Список

Все 16 поисковых полей карточки дают возможность классифицировать содержащуюся в базе данных информацию о каждом конкретном человеке по месту рождения, жительства и работы, полу, возрасту, национальности, партийности, кем и когда был арестован и осужден, по какой статье, когда и на какой срок. Обязательным условием является факт реабилитации человека с указанием конкретного архивно-следственного дела, из которого родственники могут получить более детальную информацию по имевшей место репрессии.

В настоящее время в общей электронной базе «Смоленского мартиролога» 32 111 персоналий, из них репрессированы в территориальных границах Смоленщины за исследуемый нами период (1917–1953 гг.) — 26 873 человека: приговоренных к расстрелу — 7532 человека (28 %), к другим мерам наказания — 19 341 человек (72 %). Такой массив персоналий, переведенный в соответствующую электронную базу данных, позволяет исследователю обращаться к нему уже как к самостоятельному историческому источнику, дополняющему и уточняющему общие данные по политическим репрессиям в нашей стране в изучаемый период, показывающему общее и особенное в этом процессе на примере отдельного региона — Смоленщины.

Однако, работая с таким информационным источником, следует иметь в виду и некоторые его особенности.

Во-первых, база данных жертв политических репрессий, какой бы полной она ни была, на сегодня все же *не может считаться окончательно сформированным и завершенным историческим источником*. Процесс реабилитации продолжается. База, хотя и не существенно, но постоянно пополняется. Так, например, только за годы работы над проектом (2002–2008 гг.) в нее по фактам реабилитации было добавлено *1030 персоналий*.

Конечно, такие количественные изменения не могут привести к каким-либо принципиальным корректировкам в понимании процесса политических репрессий в регионе. Выявленные тенденции явно останутся неизменными. Однако в ситуации постоянного пополнения базы данных за общими статистическими цифрами могут быть «потеряны» трагические судьбы отдельных людей, которых как бы уже во второй раз «не принимают в расчет» или «списывают со счета»: вначале это сделал политический режим, а теперь и историческая память. И оправдание этому даже объективными причинами самого исследования, когда на определенном этапе уже следует остановиться и начать обработку полученной базы данных, не учитывая единичных дополнений в будущем, не будет приемлемым аргументом для родственников не учтенных в мартирологе. В этом заключается

особая морально-этическая сторона несовершенства базы данных как исторического источника.

Во-вторых, методологически неотработанными остаются на сегодня и сложные вопросы, связанные с постоянными территориальными преобразованиями в стране.

Так, например, в архиве УФСБ по Смоленской области хранятся дела на тех, кто был подвергнут репрессии в Смоленске, *но проживал* в территориальных границах бывшей Западной области (1929–1937 гг.) с административным центром в Смоленске *в районах нынешних соседних областей* — Брянской, Калужской, Тверской, Псковской, Могилевской и других. С одной стороны, для того чтобы картина механизма репрессий была максимально полной, показывающей, что реально происходило в Смоленске, особенно в годы Большого террора, мы не должны вычлнять «несмолян» из общей базы данных при статистической ее обработке. Но, с другой стороны, такой подход даст изначальное увеличение количества жертв политических репрессий на Смоленщине за счет ныне «несмоленских» территорий. И эта цифра будет существенной.

Сегодня в Смоленской области 25 районов. Все они входили в состав губернии и ранее. В территориальных же границах бывшей Западной области количество районов доходило до 125 с общей численностью населения в 6,5 миллионов человек. Из них к Смоленщине почти всегда относились лишь Бельский уезд нынешней Тверской области и Юхновский уезд Калужской области. Все остальные территории, если исследовать только Смоленщину, из базы данных следует исключить. В таком случае *из числа проживавших в границах непосредственно Смоленской губернии и Смоленской области* за период с 1917 по 1953 г. было репрессировано 26 873 человека. Всего же, как отмечалось ранее, в «Смоленском мартирологе» 32 111 человек. Разница, как видим, весьма существенная.

Следует иметь в виду, что в базу данных «Смоленского мартиролога» были включены и многие смоляне, которые родились на Смоленщине, но были репрессированы в других территориях. Это касается тех персоналий, уголовные дела по которым были переданы в архив УФСБ по Смоленской области с уже состоявшимися решениями по их реабилитации. Больше всего таких дел приходится на репрессии по трагичным результатам финской кампании и на период Великой Отечественной войны (3193 человека за 1940–1945 гг.). Очевидно, что включение данных об этих людях в анализ как пострадавших от политических репрессий непосредственно на Смоленщине никак не способствовало бы формированию реально имевшей место картины политического террора в регионе.

В-третьих, требуют своей дополнительной методологической обработки и вопросы, связанные с определенными записями в уголовных делах в разделе «мера наказания». В этом поле вариаций столь много, что для удобства характеристики мы объединим интересующие нас формулировки в несколько укрупненных групп.

В первую войдут те персоналии базы данных, кто уже на этапе предварительного разбирательства дела были оправданы и освобождены, и дела по арестованным были прекращены самим следствием. Решения звучат следующим образом: «оправдан», «дело прекращено, освобожден», «обвинение не предъявлялось», «дело прекращено за нецелесообразностью обвинения», «дело прекращено за недостатком обвинения», «дело прекращено за недоказанностью обвинения», «дело прекращено за отсутствием состава преступления», «дело прекращено без указания юридических оснований к тому», «дело прекращено, в наказание зачтен срок предварительного заключения», «дело прекращено, решения нет». Такого рода записей в базе данных содержится на 479 человек.

Вторую группу составят те арестованные, дела по которым были прекращены с мотивацией социальной направленности: «дело прекращено за несовершеннолетием», «дело прекращено по возрастным соображениям», «дело прекращено в связи с преклонным возрастом», «дело прекращено в связи с преклонным возрастом и неграмотностью подозреваемого», «дело прекращено, имеет 11 детей на иждивении». Таковых в базе данных 50 человек.

В третью группу войдут те, кому были предъявлены конкретные обвинения за совершенные преступления, но они были освобождены по амнистии. В основном такого рода дела относятся к самым первым годам советской власти: амнистии от 6 ноября 1918 г., 25 апреля 1919 г., 7 ноября 1920 г., 4 ноября 1921 г. Всего освобожденных по амнистии в базе данных 124 человека.

В четвертую группу можно объединить все оставшиеся из вычлненных нами и не так часто встречающиеся записи в разделе меры наказания. Так, например, с формулировкой «дело прекращено в связи со смертью обвиняемого» в базе данных 120 человек; «дело прекращено, направлен в психиатрическую больницу» — 9 человек; «дело прекращено, бежал из-под стражи» или «из-под ареста бежал, объявлен в розыск» — 4 человека. Всего в этой группе 178 репрессированных.

Итого в четырех условных группах 831 человек.

Проблема здесь состоит в том, какой ответ мы выберем на вопрос: рассматривать указанные персоналии как жертвы политических репрессий или для этого нет должных оснований? С одной стороны, эти

люди были арестованы, им в большинстве своем были предъявлены обвинения, они какое-то время находились под следствием, а кто-то и под арестом. А с другой стороны, они были сразу же оправданы самим репрессивным органом, дела по ним были прекращены, и потому они не попадают под приведенную в предисловии статью закона о реабилитации жертв политических репрессий, кроме тех, кто был насильственно направлен на лечение в психиатрическую больницу. В то же время в каждом из этих уголовных дел есть официальное решение о реабилитации, дающее право самой жертве политического режима или родственникам на получение соответствующей государственной компенсации за причиненное насилие.

Поскольку последнее обстоятельство свидетельствует о признании государственными органами власти своей вины за ранее причиненный вред личности, то мы не в праве исключить 831 указанного человека из общей статистической базы мартиролога, хотя здесь и очевидна несоразмерность оснований для признания человека жертвой политических репрессий: освобожден за отсутствием состава преступления, или, к примеру, 10 лет исправительно-трудовых лагерей, или расстрел.

Четвертым обстоятельством, которое следует принимать во внимание при работе с базой данных, является отсутствие во многих архивно-следственных делах информации об исполнении приговора с мерой наказания «расстрел» (не указано в делах *249 репрессированных*). Всего в базе данных за 1917–1953 гг. приговоренных к расстрелу 7532 человека. Из них конкретные даты исполнения приговора указаны у 7283 человек. Оснований считать, что и остальные были расстреляны, архивно-следственные дела не дают. Скорее, наоборот — дают основания полагать обратное.

В основном это относится к периоду Великой Отечественной войны. Военнослужащего приговаривали к расстрелу, но приговор не исполнялся, а осужденный направлялся на передовую. В других случаях расстрел заменялся на 10 лет ИТЛ и иными мерами наказания. Пять человек были приговорены к высшей мере наказания *заочно*. Но далее по делам архива их судьбы проследить невозможно. При таких обстоятельствах фактически установленной цифрой расстрелянных по материалам уголовных дел следовало бы считать *7283 человека*. Однако в нашем анализе мы будем принимать в расчет и тех, у кого нет указания о приведении приговора в исполнение, т. е. 7532 человека.

Пятой особенностью базы данных является наличие некоторого дублирования персоналий, не в части прямого повтора одних и тех же записей, а повторных репрессий одних и тех же граждан страны. Так,

например, человек получил срок вначале в 1930 г. в ходе кампании по раскулачиванию, а потом еще и в 1937 г., но уже как бывший кулак по печально известному приказу НКВД № 00447.

Вот, к примеру, судьба крестьянина из деревни Солониново Краснинского района Смоленской области Тихона Григорьевича Злыднева. Далеко не молодого единоличника, 1883 г. р., первый раз арестовали в октябре 1929 г., и решением Особого совещания при коллегии ОГПУ Западной области по статье 58-10, ч.1 УК РСФСР он получил три года концлагерей. Не успел вернуться к свободному труду, как вновь арест, опять та же ст. 58-10, 11 и три года ссылки в Северный край. К 1937 г. он уже не только не оказывал какого-либо сопротивления коллективизации, но даже работал сторожем в артели им. Кирова. Однако последовал третий арест по той же статье и 10 лет исправительно-трудовых лагерей. По всем трем делам Президиум Смоленского областного суда и областная прокуратура в 1957, 1968 и 1992 гг. признали обвинения незаконными и реабилитировали Т. Г. Злыднева.

Также трижды был реабилитирован и Федор Степанович Жаворонков, крестьянин из деревни Крыловщина Демидовского района, 1900 г. р. Его судьба сложилась еще более трагично. Первый раз он был арестован как единоличник в 1930 г. и получил 5 лет концлагерей. Второй арест последовал в 1937 г. В то время он уже также был в колхозе. Но репрессивная машина работает и выдает 10 лет ИТЛ. А затем третий арест — в 1952 г., та же 58-10, и максимальный срок заключения — 25 лет ИТЛ!

Количество таких персоналий в базе данных — *658 человек*. При анализе общего массива репрессированных цифры дублирования должны быть исключены, а на каждом отдельном историческом этапе сохранены.

Таким образом, просто механическая работа с базой данных жертв политических репрессий была бы методологически ошибочной. Несовершенство базы данных как самостоятельного исторического источника обязывает исследователя учитывать массу нюансов, относиться к ней крайне осторожно, чтобы в итоге получить максимально объективное, а не искаженное знание об имевшем место в нашем отечестве печальном явлении — государственном терроре против собственных граждан.

* * *

Итак, анализ электронной базы данных «Смоленского мартиролога» мы начали с определения общего количества человек, ставших

жертвами политических репрессий на территории Смоленщины. Из всей базы данных мы выбрали только тех, кто на момент репрессии проживал в границах Смоленской губернии и нынешней Смоленской области и по которым местными судебными, внесудебными или административными органами были приняты соответствующие незаконные решения, что подтверждается наличием в архивно-следственном деле факта реабилитации.

Таковых 26 873 человека.

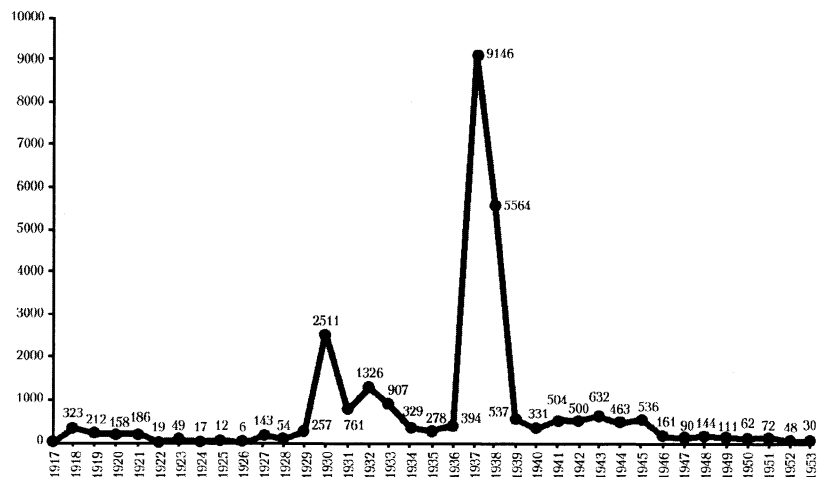
О чем свидетельствует анализируемая нами электронная база данных «Смоленского мартиролога»?

В первую очередь, смоленские материалы со всей очевидностью подтверждают три имевших место в целом по стране всплеска репрессивной практики:

- 1) 1930–1933 гг., когда велась борьба с кулачеством;
- 2) 1937–1938 гг. — период так называемого Большого террора и
- 3) 1942–1943 гг. — самый критический этап в ходе Великой Отечественной войны.

Приложение 2

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Динамика репрессий по годам (26 873 чел.)

Как соотносятся цифры репрессированных с количеством населения в губернии и в области на соответствующих исторических этапах? Из последующей таблицы (Приложение 3) видно, что в количественном отношении население Смоленщины на протяжении исследуемого

довоенного периода существенно не менялось. Губерния и область как в дореволюционное время, так и после 1917 г. и Великой Отечественной войны оставались преимущественно аграрными.

Приложение 3

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Население Смоленщины в 1913–1950 гг. (чел.)

Год	Всего	Городское	Сельское
1913	2 043 276	188 262	1 855 014
1920	1 945 463	201 130	1 892 592
1926	2 166 000	216 000	1 950 000
1939	1 980 000	363 000	1 617 000
1950	1 249 000	255 000	994 000

Выводить какой-либо усредненный показатель репрессивной практики государства за весь период 1917–1953 гг. нам представляется здесь не только неэтичным, но и методологически неверным. Такого рода цифры могут выводиться только по конкретным годам или периодам. Приведем соответствующие данные.

Приложение 4

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Количество репрессированных к общей численности населения Смоленщины³

Период	Гражданская война (1917–1920)	Нэп (1921–1928)	Коллективизация (1929–1933)	Большой террор (1937–1938)	Война (1942–1943)	Послевоенный период (1945–1953)
Репрессировано: — чел.	693	486	5762	14 710	1132	1254
— % к численности населения	0,04	0,02	0,27	0,74	0,06	0,1

Данные как общей диаграммы, так и последней (Приложение 4) таблицы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что даже в жестоком противостоянии гражданской войны, а тем более в «тихом» периоде нэпа, говорить о какой-либо государственной политике террора по отношению ко всему или значительной части населения не приходится. То есть первое десятилетие советской власти было в этом отношении весьма мирным. Конечно, репрессивная прак-

³ В каждом периоде расчет произведен по отношению к средней численности населения за указанные в нем годы.

тика не могла не иметь места, но она носила единичный, точечный характер, была направлена против очень узкого круга лиц из числа «бывших» и лидеров крестьянских восстаний, затронув совершенно незначительную часть общества.

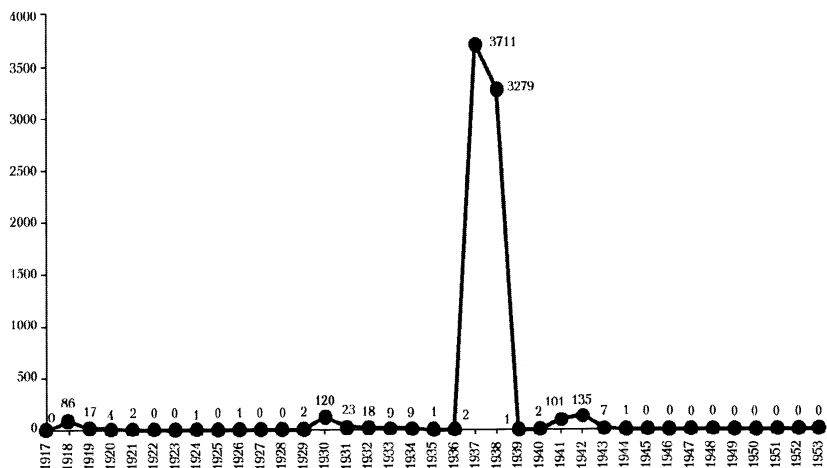
Датировать начало массовых репрессий в регионе можно лишь 1930-м годом — кампанией по ликвидации кулачества как класса. Послевоенный период показывает явную тенденцию затухания репрессий даже в известных условиях подавления так называемого молодежного сопротивления сталинизму, борьбы с космополитизмом, «ленинградского дела», «дела врачей» и др.

Тем самым *смоленские материалы не дают оснований к утверждению о том, что вся история советской России вплоть до смерти Сталина — это период перманентного государственного террора по отношению к собственному народу.*

Еще с большей очевидностью об этом свидетельствует практика применения высшей меры наказания — *расстрела.*

Приложение 5

**Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Мера наказания: «расстрел» (7532 чел.)**

Смертная казнь в России была отменена Временным правительством 12 марта 1917 г. Но уже в 1918 г. она вернется в практику ревтрибуналов и ВЧК. Решением Наркомюста в июне 1918 г. с ревтрибуналов вообще снимались какие-либо ограничения в выборе мер борьбы с контрреволюцией. В секретной инструкции местным отде-

лениям ЧК от 1 декабря 1918 г. им разрешалось в случае необходимости пресечения или прекращения незаконных действий применять административные наказания во внесудебном порядке различными мерами, включая расстрел.

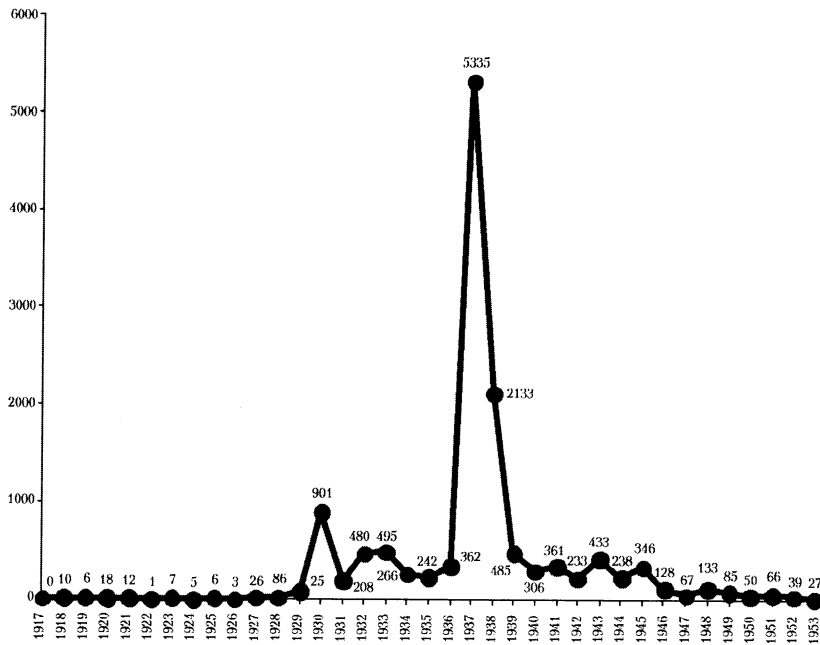
Но даже в такой обстановке Смоленский губернский ревтрибунал и местные органы ВЧК довольно редко прибегали к расстрелу как крайней мере репрессии по отношению к врагам революции. А в связи с окончанием основных военных действий гражданской войны ВЧК приказом от 1 января 1920 г. вообще отменяет по линии своих структур расстрел как высшую меру наказания к «врагам советской власти». Приказом ВЧК от 18 марта 1920 г. были существенно урезаны права и реввоенрибуналов в части применения высшей меры наказания. Она ограничивалась исключительно случаями, когда виновные изобличались в совершении преступлений, «непосредственно препятствующих или могущих препятствовать успешному ходу боевых и трудовых операций и разлагающих силу армии на боевом или трудовом фронте». К таковым относились шпионство, измена и предательство, неисполнение боевых приказов, восстание и вооруженное неповиновение войсковых частей, бандитизм и мародерство, дезертирство из боевых линий, а также трудовых армий.

На Смоленщине практика применения исключительной меры наказания не стала массовой и по отношению к кулакам, отнесенным к первой категории («контрреволюционный кулацкий актив»). Они в основном выселялись, а не подвергались расстрелу.

Ничем не оправданное безумие на Смоленщине — это 1937–1938 гг. Если в целом за весь исследуемый период (1917–1953 гг.) в регионе было приговорено к расстрелу 7532 человека, то на так называемый Большой террор приходится 6990 смертных приговоров, или 92,8 %. При этом в 1937 г. было расстреляно 3711 человек, в 1938 — 3279 человек, что составляет по 49,3 % и 43,5 % соответственно от общей цифры приговоренных к высшей мере наказания.

Для большей части репрессированных мерой наказания стали *лишение свободы* и отправка в *исправительно-трудовые лагеря*. На Смоленщине за исследуемый период к различным срокам наказания в ИТЛ были приговорены 13 624 человека, или 50,7 % от общей численности репрессированных. По годам это выглядит следующим образом.

**Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Мера наказания: «лишение свободы» (13 624 чел.)**

В целом данная мера наказания почти полностью совпадает с динамикой общей репрессивной практики в регионе (см. Приложение 2), и можно говорить, что она в основном и определяет наше представление о репрессиях.

При этом следует иметь в виду, что тюремное заключение и ИТЛ — это вовсе не одно и то же.

С первых лет советской власти к местам лишения свободы относились тюрьмы, места общего заключения (колонии) и исправительно-трудовые лагеря. С 1920 г. появляется новый тип лишения свободы — лагеря особого назначения. Первый лагерь особого назначения предназначался для содержания в нем активных врагов советского государства. Он находился на Соловецких островах и сокращенно назывался СЛОН. Никакого использования труда заключенных до 1926 г. в нем не производилось. Лагерь служил лишь местом строгой изоляции саботажников и других контрреволюционных элементов.

При осуждении на малые сроки человек отправлялся в колонию, при осуждении на срок свыше 3-х лет — в ИТЛ.

Исправительно-трудовые лагеря начинают свою историю с 1929 г., с июльского постановления СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных». Еще в 1928 г. заместитель наркома РКИ Н. М. Янсон в письме Сталину предложил использовать труд заключенных для освоения отдаленных местностей. В июне 1929 г. политбюро ЦК ВКП(б) это предложение одобрило, и в системе ОГПУ создается сеть ИТЛ. В апреле 1930 г. в составе ОГПУ было создано Управление лагерями (с октября 1930 г. — Главное управление). Так появился печально известный ГУЛаг — Главное управление лагерей ОГПУ.

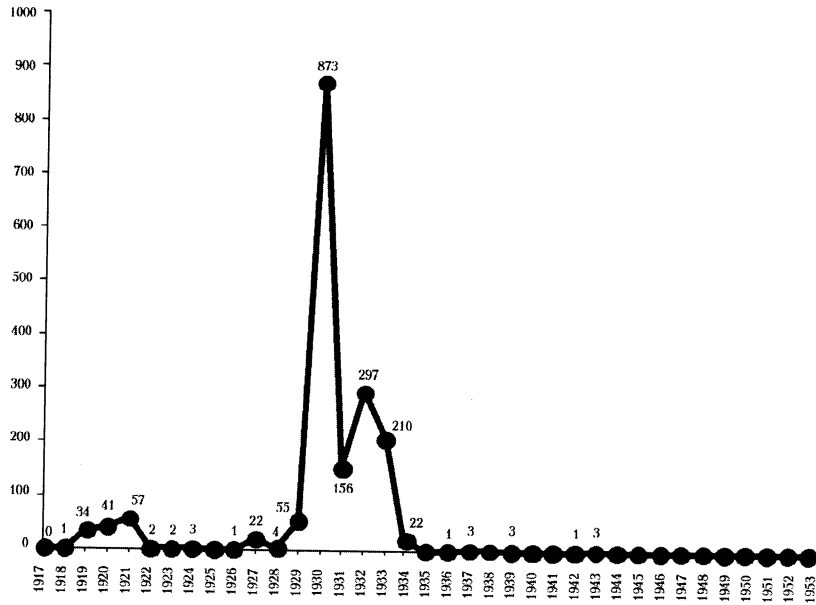
Перед будущим ГУЛагом ставилась задача организации лагерей в отдаленных регионах страны: в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. В 1930–1932 гг. будут созданы Нижегородский, Казахстанский, Сызранский, Ухто-Печорский, Свирский, Сибирский, Карагандинский и другие ИТЛ, в том числе особый Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь ОГПУ для строительства Беломорско-Балтийского канала.

В 1930-е гг. трудом заключенных были построены каналы (Москва – Волга, Беломорско-Балтийский), золотые прииски Колымы и Магадана, угольные шахты Воркуты, многие другие объекты и даже целые города. Суды и внесудебные органы будут отправлять осужденных не в тюрьмы, а в лагеря. И если в 1928 г. таковых было «лишь» 15 %, то в середине 1930-х гг. эта цифра достигнет уже 50 и более процентов. Особое место займет здесь созданный в 1936 г. Отдел шоссейных дорог (ОШОСДОР) НКВД. Для Смоленщины строительство автомагистрали Москва – Минск отразится созданием для этой цели в 1936 г. лагеря заключенных в г. Вязьме — Вяземлаг, а в ныне соседней Калужской области — Калуглага для строительства дороги Москва – Киев.

Всего за 1921–1953 гг. в ИТЛ по всей стране было отправлено 2 604 397 человек, из них по отдельным периодам: 1921–1929 гг. — 99 596; 1930–1936 гг. — 897 690; 1937–1938 гг. — 634 820; 1939–1940 гг. — 120 393; 1941–1945 гг. — 409 087; 1946–1953 гг. — 441 911 человек.

Несколько иная картина на Смоленщине складывается с мерой наказания «заключить в концлагерь». В концентрационные лагеря за 1917–1953 гг. был отправлен 1791 человек, что составляет 6,7 % от всей численности репрессированных.

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 г.
Мера наказания: «концлагерь» (1791 чел.)

Концентрационные лагеря стали использоваться для изоляции антисоветских элементов с лета 1918 г. Они формировались на базе концлагерей, в которых в годы Первой мировой войны содержались военнопленные. Декрет СНК от 5 сентября 1918 г., которым официально датируется начало красного террора, законодательно закрепил статус концлагеря для изоляции классовых врагов. В них предписывалось содержать как заложников «крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров» и другие категории населения.

Весной 1919 г. решением Президиума ВЦИК понятие «концентрационный лагерь» трансформируется в «лагерь принудительных работ». В каждой губернии под руководством местных ЧК предписывалось создание таких лагерей, рассчитанных не менее чем на 300 человек. В Смоленске под концлагерь был отдан Авраамиевский монастырь, основанный еще в 1128 г. сыном Владимира Мономаха Мстиславом. Но даже в официальных документах понятие «концлагерь» еще остается. Так, например, в «Положении о правах ОГПУ» в части административных высылки, ссылки и заключения в концлагерь, утвержденном Президиумом ЦИК СССР 28 марта 1924 г., ОГПУ

предоставлялось право заключать лиц, признанных социально опасными, в концентрационные лагеря на срок до трех лет.

С 1929 г., как уже отмечалось, лагеря, оставаясь по сути концентрационными, стали носить название ИТЛ — исправительно-трудовые лагеря, в которых труд заключенных стал обязательным.

К заключенным по линии ИТЛ добавится еще одна существенная по численности группа репрессированных — с мерой наказания «ссылка» или «высылка».

Впервые высылка в административном порядке стала применяться на основе постановления ВЦИК РСФСР от 10 августа 1922 г. В нем речь шла о возможности изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, без применения ареста путем высылки за границу или в определенные местности страны. Далее на законодательном уровне эти меры наказания были прописаны в уже указанном ранее «Положении о правах ОГПУ» в части административных высылки, ссылки и заключения в концлагерь 1924 г. В нем в целях борьбы с преступной деятельностью лиц, признаваемых социально опасными, ОГПУ предоставлялось право высылать таковых из местностей, где они проживали, на срок не свыше трех лет.

Вынесение постановлений о высылке и ссылке возлагалось на Особое совещание в составе трех членов Коллегии ОГПУ.

Здесь речь шла об отдельных личностях, но не о социальных группах населения. Понятие «массовое выселение» будет введено в практику приказом ОГПУ № 44/21 «О ликвидации кулака как класса» от 2 февраля 1930 г. В нем говорилось, что массовому выселению в отдаленные северные районы СССР с конфискацией имущества подлежали наиболее богатые кулаки и их семьи. Прекращена такая практика будет инструкцией ЦК ВКП(б) и СНК СССР всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения» от 8 мая 1933 года.

На Смоленщине количество репрессированных с мерой наказания «ссылка» и «высылка» составило 1970 человек. В основном это коснулось зажиточной части крестьянства в ходе ликвидации кулачества и членов семей изменников Родины в годы войны.

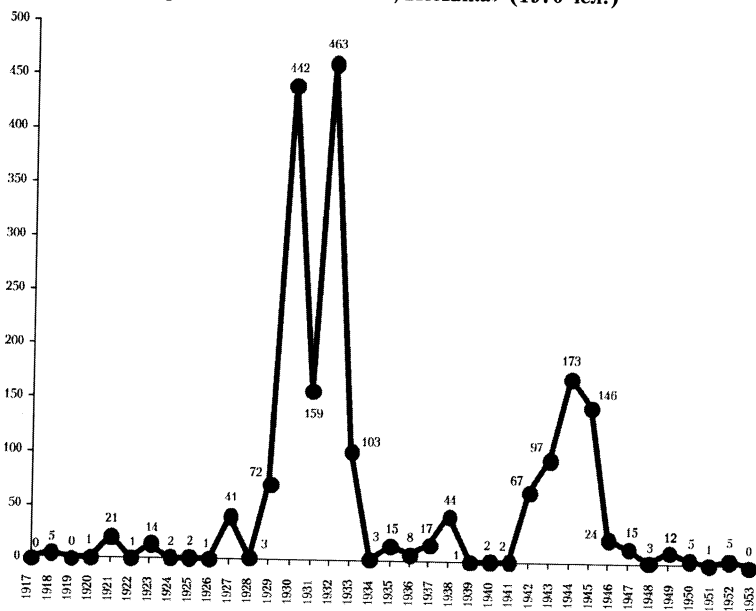
Об участии репрессивных органов в практике раскулачивания будет подробно описано в одном из последующих разделов книги. Что же касается категории репрессированных — «член семьи изменника Родины» (печально известная аббревиатура ЧСИР), то уже с конца мая 1942 г. подлежали аресту и ссылке в отдаленные места СССР на срок от трех до пяти лет совершеннолетние члены семей военнослужащих, осужденных Особым совещанием НКВД СССР или судеб-

ными органами за побег за границу. С 27 июня 1942 г. в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны за № 1926сс от 24 июня 1942 г. и в дополнение к директиве № 215/51с от 30 мая 1942 г. подлежали аресту и ссылке в отдаленные места СССР сроком на пять лет совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), приговоренных судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания по статьям 58-1а и 58-1б УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с Советским Союзом стран; за переход на сторону врага; за предательство или содействие немецким оккупантам; за службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на захваченной ими территории; за попытку измены родине и изменнические намерения; за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории.

Как эти две волны репрессивной практики проявились на Смоленщине хорошо видно из следующей диаграммы: первый всплеск высылки кулаков зимой 1930 г., падение темпов к концу года, очередная кампания весной 1931 г. и почти полное затухание к 1933 году; начало репрессий в отношении ЧСИР в середине 1942 г. с максимальным подъемом в 1943 г. и резким снижением в 1945 году.

Приложение 8

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Мера наказания: «ссылка, высылка» (1970 чел.)

«Смоленский мартиролог» дает довольно полное представление и о том, как на разных исторических этапах под меняющуюся государственную политику «подстраивались» и сроки лишения свободы и отбывания наказания в ссылке. Общую картину дает следующая таблица:

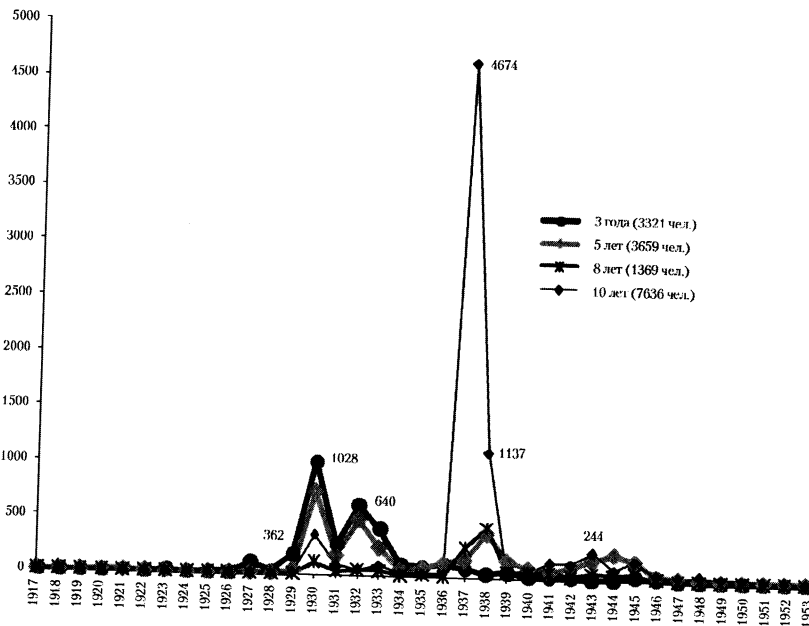
Приложение 9

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Сроки лишения свободы (чел.)

Срок	1 год	2 года	3 года	4 года	5 лет	6 лет	7 лет
Кол-во чел.	227	139	3321	249	3659	360	374
Срок	8 лет	9 лет	10 лет	12 лет	15 лет	20 лет	25 лет
Кол-во чел.	1369	7	7636	3	72	21	191

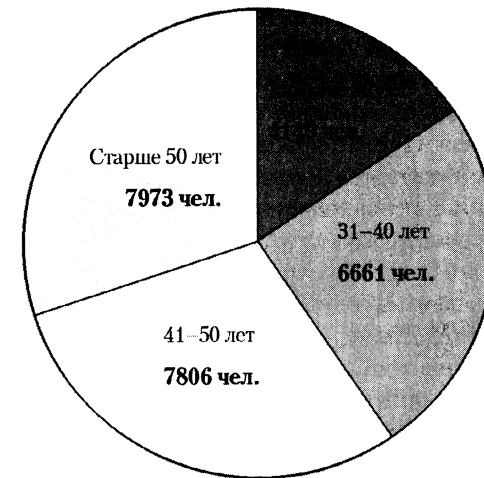
Однако в разные годы эти меры наказания использовались по-разному. С течением времени очевидна тенденция ужесточения наказания и увеличения сроков лишения свободы. Самый предельный срок лишения свободы — 25 лет — будет установлен решением ЦИК СССР от 2 октября 1937 г. В самый трудный период Великой Отечественной войны на основе указа Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц как меры наказания каторжных работ» в стране появились официальные каторжане. С июля 1943 г. Верховный суд СССР получил право заменять смертную казнь за измену Родине ссылкой на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет. По окончании войны осуждение на каторжные работы стало применяться и к тем, кто совершал побег из мест обязательного и постоянного поселения. Последующая диаграмма подтверждает ранее отмеченные основные волны репрессий в регионе.

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Сроки наказания репрессированных (чел.)

В современной историографии значительное место уделяется и вопросу о возрастном составе репрессированных. Электронная база данных «Смоленского мартиролога» свидетельствует, что государственный террор относительно равнозначно «прошелся» по всем основным возрастным группам населения страны. Несколько больше других пострадала самая старшая возрастная группа (более 50 лет) — 29,7 %. Далее по убывающей идут остальные группы: 41–50 лет — 29,0 %, 31–40 лет — 24,8 % и «всего лишь» 15,4 % — самая молодая группа (до 30 лет). У 284 репрессированных в следственных делах возраст не указан.

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Возрастные группы репрессированных (26 589 чел.)

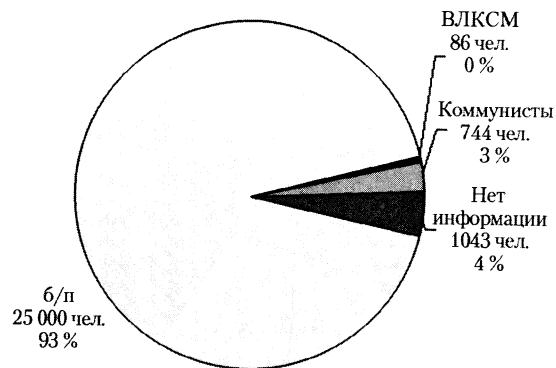

При этом больше всего по всем возрастным группам было репрессировано в годы Большого террора, молодежь значительно больше пострадала в годы Великой Отечественной войны, а старшая возрастная группа — в период коллективизации и раскулачивания.

Довольно устойчивой точкой зрения на сегодня остается и утверждение о том, что политический террор, особенно в 1930-е гг., был направлен в первую очередь против «старых» коммунистов, непосредственных участников революционных событий и гражданской войны. Рассуждение строится по линии: они знали о незначительном личном вкладе Сталина в победу Октября и советской власти на фронтах гражданской войны и потому их следовало или физически уничтожить, или изолировать. Потому они и не могли не стать мишенью № 1 в ходе террора.

Материалы Смоленского мартиролога не подтверждают эту концепцию. Со всей очевидностью они свидетельствуют, что пострадало от политических репрессий в первую очередь рядовые граждане страны, не связанные с какими-либо политическими партиями, в том числе и коммунистической. Таковых, по электронной базе данных, 25 тысяч человек, или 93 % от общего количества репрессированных. При этом более чем у одной тысячи человек графа о партийности не заполнена, а это целых 4 % всех персоналий. Репрессированных коммунистов и комсомольцев — около 3 % (830 человек).

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Партийный состав репрессированных (чел., %)

Конечно, следует иметь в виду, что данные мартиролога о партийности репрессированных, скорее всего, не отражают реального положения дел. Нередким явлением в партийной жизни было такое, когда до ареста, а тем более до осуждения человек с партийным билетом не доходил — его исключали еще накануне. Но в первую очередь партия отстаивала своих провинившихся членов и делала все возможное, чтобы вывести их из-под юрисдикции судебных органов.

Последние на протяжении всех 1920–1930-х гг. полностью зависели от местных властей, особенно в вопросах финансирования их деятельности, и в своей работе они автоматически подпадали «под командование местных партийных руководителей». Особенно после призыва в 1929 г. наркома юстиции Н. В. Крыленко к органам правосудия активно поддержать и присоединиться к решению задач партии по преобразованию деревни. «В таких условиях, — считает Питер Соломон, — у них не было никаких возможностей сопротивляться любым попыткам местных политиков направлять их работу или вмешиваться в отдельные дела»⁴.

1931 год стал переломным во взаимоотношениях партийных контрольных комиссий (КК) и органов правосудия. Совместное постановление Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКК СССР от 23 сентября 1931 г. «О взаимоотношениях КК с судебными органами» подвергло резкой критике сложившуюся практи-

ку совершенно механического исключения из партии «осужденных или привлеченных к следствию лишь (! — Е. К.) на основе приговора или постановления о привлечении». В результате такого «формально-механического подхода» партия лишалась «ценных работников, иногда высококвалифицированных хозяйственников, организаторов, руководителей предприятий». Чтобы не допускать подобного в дальнейшем, контрольным комиссиям предписывалось возлагать на одного из их членов обязанность наблюдения «за дальнейшим ходом судебного-следственных дел членов партии», и если не обнаруживалось «личной корысти», то к уголовной ответственности привлечение считалось необоснованным. В случаях, когда КК не соглашались с судебным решением, то за ними закреплялось право на возбуждение вопроса «об исправлении допущенных ошибок». После такой постановляющей части на оговорку, чтобы КК не вмешивались непосредственно в оперативную работу судебного-следственных и прокурорских органов, можно было уже не обращать внимания. «Ценные партийные кадры» получили своеобразные партийные индульгенции за прегрешения как прошлые, так и будущие. Партия становилась вне и над законом, достигаемой для правосудия лишь в случаях, определяемых самой же партией.

К середине 1930-х гг. влияние местных политиков на правосудие стало настолько сильным, что уже угрожало «нормальному и предсказуемому функционированию закона»⁵. И тогда наряду с все еще остававшимся злободневным тезисом «политически направленного расследования» начинается кампания по «реставрации закона». Однако последовавший за этим террор сведет на нет предпринятые попытки привить уважение к закону. За местными партийными органами останется право подбора кадров в органах правосудия, право надзора и контроля за их деятельностью как одной из государственных структур. «Поверх и помимо закона, а также посредством самого закона, — заключает Мерл Фэйнсод, — прокуратура и суды продолжали функционировать лишь как орудие диктатуры партии»⁶. Партийные директивы определяли политическую линию, которая регулировала сферу деятельности юриспруденции и определяла направления работы прокуратуры. Функции правосудия свелись не к защите закона, а к функциям «стражи линии партии».

В части исследуемого нами вопроса это выльется в досудебное исключение провинившихся коммунистов и членов ВЛКСМ. Но в годы

⁴ Solomon Peter. Local Political Power and Soviet Criminal Justice, 1922–1941 // Soviet Studies. 1985. Vol. 37. P. 312.

⁵ Solomon Peter. Local Political Power and Soviet Criminal Justice, 1922–1941. Vol. 37. P. 318.

⁶ Fainsod Merle. Smolensk Under Soviet Rule. New York, 1989. P. 178.

Большого террора репрессии затронут значительный процент членов ВКП(б) на Смоленщине. Партийный билет если и не станет основанием для ареста, то он также не будет являться и индульгенцией от возможной репрессии в отношении его обладателя. Это подтверждают данные таблицы.

Приложение 13

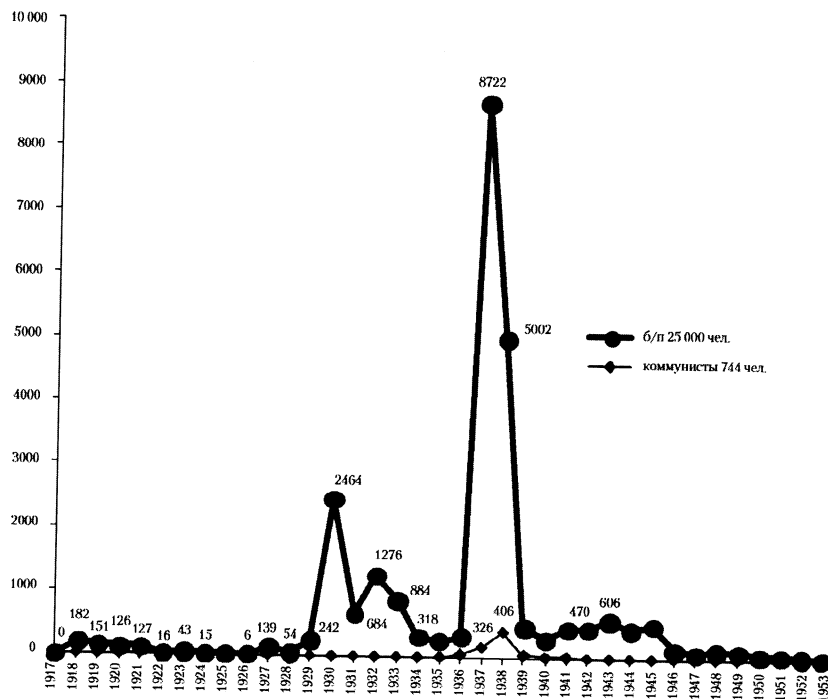
Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано коммунистов, 1917–1953 гг. (744 чел.)

Годы	1917–1920	1921–1928	1929–1933	1934–1936	1937–1938	1939–1940	1941–1945	1946–1953
Количество человек	3	16	20	51	560	50	31	13

Более наглядную картину по годам дает следующая диаграмма.

Приложение 14

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано коммунистов и беспартийных (25 744 чел.)

Действительно, в годы Большого террора партия пострадала существенно. Однако методологически наиболее верным будет не констатация конкретных цифр реально пострадавших членов партии, а определение своеобразной «плотности репрессий» в партийной среде в это время. И она оказывается существенной. Так, если в целом от общей численности населения Смоленщины в годы Большого террора (около двух миллионов человек) было репрессировано 0,74 % жителей региона, то среди коммунистов в этот период жертвами террора стали 3,5 % членов партии (средняя численность местной организации ВКП(б) в 1937–1938 гг. — 16 тысяч человек).

Однако наиболее деликатным аспектом репрессивной практики советского государства в исследуемый период является национальный вопрос.

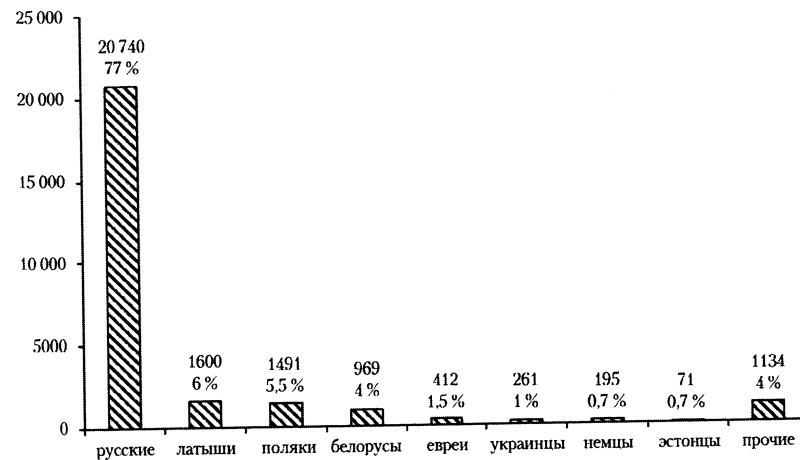
Какая из национальностей пострадала от репрессий больше всего?

Вопрос, казалось бы, и не такой уж сложный для ответа. Но это только на первый взгляд.

По фактическим цифрам — бесспорно, русские. Материалы «Смоленского мартиролога» дают следующую картину репрессий по национальному признаку.

Приложение 15

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано по национальному признаку (чел., % к общей численности)

Итак, больше всего репрессировано русских — 77 %. Затем идут латыши, поляки, белорусы и т. д.

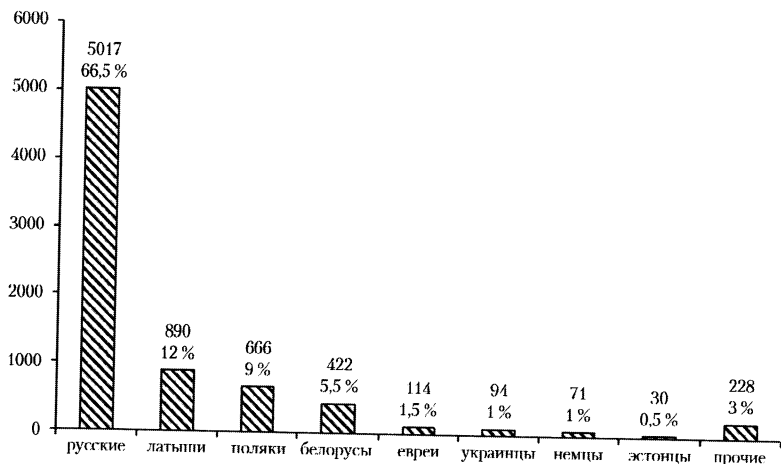
При этом волны репрессий в отношении представителей всех национальностей совпадают абсолютно. Это — раскулачивание и Большой террор. То есть для механизма репрессивной машины национальность никакого значения не имела. Все определялось общей социальной-экономической, а не национальной политикой государства.

Это выводы по общей картине, которую дает база данных.

Несколько иначе все будет выглядеть, когда анализируется отдельная мера наказания — «расстрел».

Приложение 16

**Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано с мерой наказания «расстрел» (7532 чел.)**

Как видим, процент репрессированных по уже отмеченным национальностям существенно изменился: у русских он снизился почти на 10 % (с 77 до 66,5), у латышей вырос в два раза — с 6 до 12 %, у поляков — с 5,5 до 9 %, у белорусов на 1,5 %.

О чем говорят эти цифры? О том, что более жесткие меры применялись по отношению к «малым народам», населявшим Смоленщину.

Но этот вывод применим исключительно лишь к периоду Большого террора, когда в 1937–1938 гг. проводились так называемые национальные операции. На Смоленщине из малых народов в этот период больше всего пострадали латыши и поляки. В меньшей степени все остальные, поскольку специальные операции коснулись только латышей, поляков и немцев. Но последних на Смоленщине было незначительное количество.

Наиболее значимым показателем в национальных репрессиях будет не общее количество пострадавших по отдельным группам, а процентное отношение репрессированных внутри каждой национальной группы к общей численности ее представителей, проживавших в границах Смоленщины.

Возьмем самые точные цифры по национальному составу губернии — по переписи 1926 г. На территории Смоленщины проживали: русские — 1 800 000 (90 %), украинцы — 132 000 (6,5 %), евреи — 37 000 (1,8 %), белорусы — 21 000 (1 %), латыши — 7581 (0,34 %), поляки — 6023 (0,27 %), немцы — 1080 (0,05 %).

Реальную картину репрессивной политики государства по отношению к «малым народам» дает следующая таблица.

Приложение 17

**Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессии по национальному признаку**

Процент репрессированных к численности населения данной национальности		
Национальность	Всего	Из них — «расстрел»
Поляки	24,8	11,1
Латыши	21,1	11,8
Немцы	18,1	6,6
Белорусы	4,6	2,0
Русские	1,2	0,3
Евреи	1,1	0,3

Еще более трагичной картина репрессий в отношении малых народов предстает, когда выводится соотношение количества персоналий мартиролога с мерой наказания «расстрел» к цифре репрессированных представителей той или иной национальности.

Здесь больше всех пострадали латыши — их было расстреляно 55,6 % к числу арестованных. Затем идут поляки (44,7 %), белорусы (43,6 %), немцы (36,4 %), украинцы (36,0 %), евреи (27,7 %), русские (24,2 %).

Таким образом, национальные операции на Смоленщине своей жестокостью существенно отразились и на соседних «больших народах» — белорусах и украинцах.

Кто вершил это «правосудие»?

Материалы «Смоленского мартиролога» со всей определенностью свидетельствуют и о том, что на протяжении всего исследуемого периода основным «инструментом» репрессивной политики государства станут не судебные, а различные внесудебные органы репрессии: тройки и особые совещания.

Первая тройка в истории советских репрессивных органов была создана еще 15 июня 1918 г. в составе ВЧК для решения вопросов о применении высшей меры наказания — расстрела. Ликвидированы тройки будут постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. Тройками будет осуждено на Смоленщине 56 % от всей численности репрессированных (15 147 чел.), Особым совещанием — 10 % (2840 чел.). Особое совещание при НКВД СССР существовало с ноября 1934 по июль 1950 гг.

Тройка стала и самым безжалостным в своих решениях органом репрессии. На Смоленщине 66 % от всех приговоренных к расстрелу (4953 человека) были осуждены подобным образом.

Таким образом, в целом «Смоленский мартиролог» свидетельствует, что электронная база данных жертв политических репрессий, сформированная на основе архивных материалов, может рассматриваться как самостоятельный исторический источник, дающий новые знания по проблеме политических репрессий.

При этом методологические аспекты применения электронной базы данных как исторического источника требуют серьезного научного анализа, выработки единых принципов и подходов в работе по ее формированию и использованию.

Глава 2

ОРГАНЫ РЕПРЕССИИ: ИХ ПОЛНОМОЧИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

2.1. Смоленский революционный трибунал*

Революционные суды, созданные в советской России после октября 1917 г., по примеру Французской революции стали называться революционными трибуналами. Их задачи были определены декретом от 24 ноября 1917 г., который гласил: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц, учреждаются рабочие и крестьянские Революционные трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых Губернскими или Городскими Советами Р., С. и Кр. Депутатов».

Детализация деятельности трибуналов последовала в принятом 2 декабря 1917 г. «Руководстве для устройства Революционных трибуналов». Оно уточняло процесс создания трибуналов, их структуру, порядок рассмотрения дел, перечень налагаемых взысканий, содержало ряд процессуальных норм. В деле организации трибуналов большая свобода давалась местным советам. Революционный суд получал свободу «в выборе средств и мер борьбы с нарушителями

* Подробнее о деятельности революционных трибуналов см.: Федоренко П. П. Революционные трибуналы Смоленской губернии (декабрь 1917 — 1922 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2006; *Он же*. Создание и деятельность на территории Смоленской губернии революционных трибуналов (декабрь 1917 — 1918 г.) // *Историю пишут аспиранты: Выпуск 5 / Под ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 2005; Он же*. Из истории Ревтрибунала (РВТ) Западного фронта в годы гражданской войны // *Смоленск и Гнездово в истории славянского мира: Материалы международной научно-практической конференции, 16–17 сентября 2005 г. Смоленск, 2005; и др.*

порядка, применяя в качестве таковых денежный штраф, общественное порицание, лишение общественного доверия, принудительные общественные работы, лишение свободы, высылка за границу и т. п.». Среди перечисленных мер отсутствует смертная казнь, отмененная ранее.

19 декабря 1917 г. по линии Наркомюста последовала специальная инструкция революционным трибуналам. Она, так же как и руководство, содержала перечень процессуальных норм, в соответствии с которыми должен был действовать трибунал, определяла состав, порядок избрания членов революционного трибунала и заседателей. Инструкция ограничивала подсудность революционным трибуналам следующие категории дел: 1) «О восстании против Советской власти, противодействии и неподчинении и призыве к таковым деяниям, 2) о нарушении и затруднении правительственной работы... 3) о сокращении производства предметов массового потребления без необходимости, 4) о скупке, сокрытии, порче и уничтожении таковых... 5) о нарушении декретов, распоряжений и обязательных постановлений Правительства... 6) о злоупотреблении властью...». Здесь же перечислялись и возможные меры наказания: штраф, лишение свободы, удаление из мест проживания, общественное порицание, объявление врагом народа, лишение прав, секвестр или конфискация имущества, обязательные общественные работы.

Однако на территории Смоленской губернии в это время в качестве чрезвычайных судебных органов создавались не ревтрибуналы, а революционные народные административные суды. В Смоленске такой суд начал действовать уже 15 декабря 1917 г. Он был создан по приказу председателя СНК Смоленской губернии Е. Разумова и комиссара судебного отдела Е. Гетнера. Руководителем суда был назначен К. Стасюлис.

Деятельность суда регулировало положение «О военно-революционных народных административных судах», принятое в начале 1918 г. Его задача состояла в поддержании общественной и личной безопасности населения. Суд не был связан какими-либо «формальными требованиями», действовал «лишь по убеждению своей совести». Он мог принимать к разбирательству дела, связанные с продажей, изготовлением «опьяняющих» напитков, насилием, хулиганством, «буйством», оскорблением служебных лиц, неисполнением их требований, продажей казенного имущества, притондержательством и т. д.

Как видим, контрреволюционные преступления в этом положении еще не упоминаются. Однако в «Дополнении» к положению этот пробел был ликвидирован. Революционному суду давалось право

рассматривать дела о контрреволюции, дезертирстве, призыве к саботажу. В качестве наказания применялось тюремное заключение либо штраф. Самые длительные сроки полагались за грабеж, контрреволюционные преступления и убийство (соответственно 10, 5, 15 лет). В целом же наказания были достаточно мягкие (так, например, дезертиры вначале приговаривались лишь к одному месяцу тюремного заключения).

В мае 1918 г. заведующий юридическим отделом губисполкома А. Гетнер известил уездные юридические отделы об упразднении народных революционно-административных судов. Все политические дела (о спекуляции, мародерстве и неповиновении советской власти) передавались создаваемому в это время губернскому революционному трибуналу вместе с арестованными.

В сравнении с другими регионами Смоленский революционный трибунал образовался сравнительно поздно — лишь 1 июня 1918 г. Председатель трибунала избирался исполнительным комитетом Западной Коммуны сроком на три месяца. Первым председателем ревтрибунала стал К. З. Стасюлис. Его заместителем был назначен М. И. Воробьев. Все члены трибунала являлись коммунистами.

Смоленский революционный трибунал действовал, руководствуясь революционным правосознанием и учитывая классовое происхождение обвиняемых. Так, в опросном листе для обвиняемых необходимо было указывать классовое происхождение, наличие недвижимости, капитала и своего дела до Октябрьской революции, партийную принадлежность. Примечание предполагало, что обвиняемый должен был дать информацию: является ли сыном купца, дочерью фабриканта, сыном рабочего и т. д.

Как и в судах, наказания ревтрибунала в начале его деятельности были относительно мягкими. Наиболее распространенным видом наказания было тюремное заключение. Смертная казнь в итоговой статистике отсутствует. Однако, как считает П. П. Федоренко, по косвенным данным можно предполагать, что она все же применялась⁷.

Летом 1918 г. в связи с обострением ситуации в стране репрессивная политика большевистской власти стала ужесточаться. 16 июня 1918 г. нарком юстиции П. И. Стучка отменил ранее изданные циркуляры о революционных трибуналах. С этого момента эти чрезвычайные судебные органы в выборе мер борьбы с контрреволюцией не были связаны никакими ограничениями вплоть до применения смертной казни.

⁷ Федоренко П. П. Указ. соч. С. 71.

В целом же репрессивная политика трибуналов весной и летом 1918 г. не отличалась суровостью. И Смоленский революционный трибунал не был в этом случае исключением. Об этом свидетельствует большое количество оправдательных приговоров. За 1918 г. трибунал осудил 156 человек, в то время как было оправдано и освобождено следственной комиссией 68 граждан. Это был самый низкий показатель осужденных за всю историю существования трибунала.

Всего с начала своей деятельности и до конца ноября 1918 г. трибунал возбудил 230 дел. Из этого числа больше всего приходилось на контрреволюционные преступления — 101 дело. В значительной степени это объяснялось прифронтовым положением губернии и постоянными волнениями крестьян в уездах.

В 1919 г. в Смоленском революционном трибунале произошли серьезные изменения, как в персональном составе, так и в особенностях его деятельности. Сменился председатель трибунала: в декабре 1918 г. Стасюлис уехал в освобожденные районы Белоруссии. Трибунал некоторое время возглавлял секретарь Н. Д. Караваев, которого сменил Я. Я. Кронберг. В апреле 1919 г. на заседании Смоленского губкома РКП(б) было принято решение предложить губисполкому утвердить в должности председателя трибунала Кронберга, а членом трибунала Караваева. Так и произошло. 24 апреля 1919 г. президиум Смолгубисполкома утвердил председателем трибунала Я. Я. Кронберга. С 1 октября 1919 г. по 19 мая 1920 г. председателем трибунала был И. В. Зыбко, сменивший на этом посту Кронберга, назначенного руководителем губернского отдела юстиции. В ноябре 1920 г. трибунал вновь возглавил Я. Я. Кронберг.

Статистика за 1919 год рисует общую картину деятельности трибунала в этот период. Из нее следует, что в 1919 г. главным направлением работы суда по-прежнему являлись контрреволюционные преступления. Из 864 дел, поступивших в трибунал, 326 проходило по графе «контрреволюция», что составляло 37,7 % от общего числа дел, разобранных трибуналом.

Из 326 дел почти половина (179) подпадала под категорию «агитация против советской власти», что лишней раз свидетельствует о характере деятельности трибунала как органа, отслеживающего и пресекающего любые попытки поколебать большевистский режим, даже не связанные с активными действиями против него. Достаточно много в группе контрреволюционных преступлений было дел, проходящих по категории «заговоры, восстания, мятежи» (74 дела).

Репрессивная политика трибунала в 1919 г. значительно отличалась от 1918 г. Смысл и содержание законности подменило извест-

ное постановление Реввоенсовета республики от 4 февраля 1919 г., которое прямо предписывало революционным военным трибуналам в своих решениях и приговорах руководствоваться коммунистическим правосознанием и революционной совестью. 12 апреля 1919 г. было принято новое положение о революционных трибуналах, в котором прямо указывалось, что «трибуналам предоставляется ничем не ограниченное право в определении меры репрессии». Таким образом был завершён процесс превращения трибуналов в грозный репрессивный орган, сурово карающий врагов режима.

Одним из видов наказания стал расстрел. К нему в первом полугодии 1919 г. на Смоленщине было приговорено 48 человек (6,6 % всех осужденных). Это было в два раза меньше, чем в целом по стране за тот же период (14 %). Впрочем, следует сразу же отметить, что не все приговоры о расстреле приводились в исполнение. Кассационный трибунал ВЦИК (а затем Верховный трибунал при ВЦИК) могли отменить приговор. Наибольшее количество расстрельных приговоров приходилось на долю должностных преступлений (19 человек).

Самым распространенным видом наказания в 1919 г. было заключение в концентрационный лагерь и направление в штрафную роту — 45 %. Это объяснялось тем, что абсолютное большинство лиц, осужденных за дезертирство, подвергались именно этому виду наказания, что в условиях гражданской войны не кажется столь уж неожиданным. Относительно мало было приговоренных к лишению свободы и к условному наказанию: соответственно — 12 % и 16 %. В целом же за 1919 г. количество осужденных было высоким — 89 % от числа арестованных.

Примечательно, что в 1919 г. трибуналом не было осуждено ни одного представителя «белогвардейских» партий, и в то же время были осуждены 51 человек, которые являлись либо членами РКП(б), либо «сочувствующими». Абсолютное большинство осужденных — 672 человека, или 92,9 %, — были беспартийные. Отсутствие среди осужденных представителей других партий говорит в пользу той точки зрения, что трибунал видел свою главную задачу не в борьбе с политическими противниками режима, а прежде всего в репрессиях против недовольных новой властью и тех, кто пытался ее ослабить либо дискредитировать.

С завершением самого критического для советской власти 1919 г. в репрессивной политике государства становится все более очевидной линия на ее смягчение. Логическим завершением этого процесса стала отмена 17 января 1920 г. смертной казни как меры наказания. Однако как крайняя мера наказания она была сохранена для револю-

ционных военных трибуналов. Однако уже весной, когда ситуация на фронтах гражданской войны ухудшилась и ряд губерний оказались на военном положении, губревтрибуналам таких территорий в определении меры репрессий были предоставлены права реввоенрибуналов. Смоленщина стала одним из таких регионов.

14 мая 1920 г. приказом Реввоенсовета Западного фронта Смоленская губерния была объявлена на военном положении в «связи с кампанией ликвидации дезертирства». Права губревтрибунала приравнивались к правам реввоенрибунала «в смысле возможности применения к врагам Республики высшей меры наказания...». Именно этим объясняется то обстоятельство, что на 1920 год в губернии приходится наибольшее количество приговоренных к расстрелу.

В 1920 г. губернским трибуналом было вынесено 255 смертных приговоров. Абсолютное большинство из этого числа приходилось на дезертиров и бандитов. По числу приговоренных к расстрелу Смоленский революционный трибунал был одним из лидеров в стране. Так, с 1 января по 1 апреля 1920 г. им было приговорено к расстрелу 64 человека. За тот же период Калужский и Московский трибуналы вообще не применяли крайнюю меру репрессии.

С началом нэпа происходит трансформация системы революционных трибуналов. Постепенно уходили в прошлое суровые будни гражданской войны, однако врагов у новой власти оставалось немало. В 1921–1922 гг. по стране прокатилась мощная волна крестьянских восстаний. В репрессиях против участников этих выступлений революционные трибуналы сыграли активную роль. На Смоленщине подобных выступлений не было.

В это время значительно выросла общеуголовная преступность.

Так, если в 1920 г. из 1039 дел, рассмотренных трибуналом, под категорию контрреволюционных попадали 108 (примерно 10,4 %), то в 1921 г. этот показатель существенно снижается. Из 558 дел в графу контрреволюционных попали всего 19, что составило около 3,4 %, т. е. произошло трехкратное уменьшение процентного соотношения этой категории преступлений. В 1922 г. контрреволюционные преступления составили всего 4 %.

В целом в спокойные первые годы нэпа репрессии коснулись в первую очередь сельского населения. Это было вызвано проблемами, возникавшими при сборе продовольственного налога. Наряду с другими регионами Смоленщина оказалась в числе «неблагополучных» по части выполнения продналога. В 1922 г. в губернии «было мобилизовано и брошено на продработу» 4705 человек. В уездах работало 65 выездных сессий нарсуда и пять сессий ревтрибунала.

Дополнительно были организованы продовольственные штабы, по три-четыре в уезде, которые вели работу по изъятию продналога. При каждом продштабе находился в полном его распоряжении вооруженный отряд и не менее одной выездной сессии. Меры административно-судебного нажима были доведены до максимума возможного. С лета 1921 по февраль 1922 гг., только по данным семи уездов в губернии, было арестовано 4893 человека. Приговоры сессий отличались в большинстве случаев суровостью. К условному лишению свободы были приговорены 20 438 человек, к принудительным работам — 2846 человек (условно). Реально были лишены свободы 3056 человек. Только по одному Гжатскому уезду всего приговоренных «к условному и безусловному заключению в судебном и административном порядке» было 17 270 человек, и приговорены они в общей сложности были к 2267 годам и 4 месяцам.

Вооруженные отряды использовались для «взламывания замков в амбарах упрямых неплательщиков и изъятия налога силой отряда». А в это время в уездах наступал голод, и значительная часть населения с января 1922 г. «начала уже питаться суррогатами, желудями, мякиной, жмыхом и пр.». Но продналог так и не был выполнен. Почему? Потому что он был в принципе невыполним из-за размера, рассчитанного для губернии. Во-первых, Москва значительно превысила расчетную норму урожайности. Так, например, губстатбюро определяло урожайность ржи по Смоленскому уезду в 50,2 пудов с десятины, а Москва — 71,0; в Вяземском — 47,9 и 71,0 соответственно и т. д. А в среднем по Смоленщине центр давал урожайность 65 пудов с десятины против 46,7 пудов губстатбюро. Во-вторых, Москва сильно преувеличивала количество пашни в губернии, отчего, конечно, возрастал размер налога. В итоге получалось, что продналог, который, по заверениям центральных властей, должен был быть в два раза меньше продразверстки, на деле превышал ее в Смоленской губернии в 2,8 раза. Если по продразверстке подлежало изъятию 2 141 667 пудов хлеба, то по продналогу — 6 086 158 пудов. По отдельным же уездам разница эта выступала еще резче: в Гжатском уезде, например, продналог превосходил нормы изъятия хлеба по продразверстке в 3,4 раза, в Бельском — в 3,8, в Смоленском — в 4,1, в Демидовском — в 4,3. А когда в счет налога забирали коров, лошадей и даже постройки вплоть до изб, то принять такую политику властей народ, естественно, не мог. Сопrotивление подавлялось силой репрессивного механизма — судов и ревтрибуналов.

Принятие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. должно было привести к замене революционной целесообразности в определении ме-

ры наказания твердой опорой на закон. Однако дух гражданской войны еще довлел над судебными работниками. Как подчеркивалось в «Ежегоднике советской юстиции» революционное правосознание не сдается в архив, оно «должно проходить красной нитью в каждом приговоре или решении: оно лишь ограничено писаными нормами, но оно не упразднено».

Однако 31 декабря 1922 г. ревтрибунал прекратил свое существование, и с 1 января 1923 г. начал свою деятельность губернский суд.

Как уже было отмечено, значительное число осужденных ревтрибуналом попадали под реальные уголовно наказуемые дела. Реабилитированных в соответствии с законом 1991 г. среди них немного. «Смоленский мартиролог» за весь период 1917–1922 гг. дает следующую картину: 1918 год — 2 чел., 1919 — 5 чел., 1920 — 7 чел., 1921 — 1 чел. Всего 15 человек. Из них 6 человек были приговорены к лишению свободы, четверо — к другим мерам наказания, а дела в отношении 5 человек были вовсе прекращены.

Таким образом, *Смоленский губернский революционный трибунал, являясь существенным инструментом репрессивной государственной машины, тем не менее даже в условиях гражданской войны не стал орудием массовых политических репрессий в регионе.* Основным направлением в его деятельности стала борьба с общеуголовной преступностью в губернии, а не преследование граждан по политическим мотивам.

2.2. Смоленская ЧК*

По мнению ряда большевистских руководителей, в борьбе с врагами революции ревтрибуналы проявляли излишнюю мягкость, занимались «бумагомаранием». Многие дела «залеживались», а в быстро меняющейся обстановке гражданской войны тяжесть наказания часто зависела от опасности преступления в момент его совершения. Поэтому роль главного органа борьбы с внутренней контрреволюцией вскоре полностью ляжет на плечи ВЧК.

Вопрос о создании специальной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем начал активно обсуждаться в конце ноября 1917 г. по инициативе Ф. Э. Дзержинского. 7 декабря 1917 г. решени-

* Подробнее о Смоленской чрезвычайной комиссии см.: *Сикорский Е. А.* Из истории утверждения в России диктатуры большевиков (по материалам всероссийским и смоленским). Смоленск, 2008; *Он же.* На переломе. Из истории революционной Смоленщины (1914–1920 гг.). Смоленск, 2000; и др.

ем Совета народных комиссаров была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК). Возглавил ее Ф. Э. Дзержинский. Перед комиссией были поставлены три задачи: «1) Пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили. 2) Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними. 3) Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения». То есть изначально в функции ВЧК входило лишь предварительное расследование. Никаких судебных полномочий комиссии не давалось.

21 февраля 1918 г. в связи с началом германского наступления Совнарком принял декрет «Социалистическое отечество в опасности!». На его основании ВЧК впервые получила право внесудебной расправы над «неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами». Через несколько дней к ним добавили «саботажников и прочих паразитов», предупредив, что ВЧК не видит других мер, кроме беспощадного уничтожения таких «на месте преступления».

На Смоленщине Западная (областная) ЧК заработала 17 апреля 1918 г. Возглавил ее В. И. Яркин. В уездах губернии создание чрезвычайных комиссий началось в мае 1918 г. Первой 15 мая появилась Сычевская ЧК, в конце месяца — Краснинская, Поречская и т. д.

На местах начали создаваться коллегии ЧК. Как правило, этот руководящий орган состоял из трех человек: двух следователей и заведующего (председателя). Остальной штат состоял из секретаря, его помощника, делопроизводителя, двух машинисток, 20 сотрудников тайного сыска, сторожа и рассыльного. Но это не было жесткой регламентацией, одинаковой для всех регионов. Все определялось средствами местных исполкомов.

В июне 1918 г. на первой Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий было принято решение «взять на себя на всей территории республики всю тяжесть беспощадной борьбы с контрреволюцией, спекуляцией, злоупотреблениями по должности». Здесь же конференция «нашла необходимым» организовать при каждом областном, губернском, а также при крупных уездных советах депутатов «стройную сеть Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией».

В приказе ВЧК № 26 от 29 августа 1918 г. «О взаимоотношениях местных ЧК с советами» устанавливалось, что работать следовало в тесном контакте с местными органами власти. Однако в своей

работе комиссии оставались «несомненно автономны». Советам же комиссии были «только подотчетны, но ни в коем случае советы или какие-либо отделы его не могут отменять или приостанавливать распоряжения Чрезвкома, исходящих от ВЧК».

В аналогичном приказе от 26 сентября 1918 г. позиция ВЧК мало поменялась. «В своей деятельности, — читаем в документе, подписанном заместителем председателя Я. Х. Петерсом, — ВЧК совершенно самостоятельна, производит обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК». На местах чрезвычайные комиссии должны были испрашивать предварительное согласие у председателя исполкома только в том случае, когда речь шла об обысках, арестах или выемках непосредственно у представителей местной власти. И только. Не имели права вмешиваться в дела ЧК даже органы юстиции и внутренних дел⁸.

5 сентября 1918 г. принимается постановление СНК о «красном терроре». С этого времени вступает в силу инструкция о компетенции районных ЧК, которая предоставляла им право расстрела, но только после утверждения ВЧК. Кроме того, ей предоставлялось право налагать взыскания, такие как тюремное заключение до шести месяцев, штрафы без ограничения. Предоставлялось и право конфискации имущества.

С 7 октября 1918 г. право на самостоятельные расстрелы оставалось только у Всероссийской и губернских чрезвычайных комиссий.

28 октября 1918 г. Президиум ВЦИК принял положение о ВЧК и местных чрезвычайных комиссиях. Этот документ фактически закрепил сложившуюся практику полной независимости чрезвычайных комиссий от местных властей. За исполкомами оставалось право назначать и отзывать членов местных комиссий. Председатели назначались местной властью, но утверждались Всероссийской ЧК. Деньги для местных ЧК давала Всероссийская комиссия. Они лишь переводились через местные исполкомы.

На второй Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий 28 ноября 1918 г. особо подчеркивалось, что чрезвычайные комиссии, «являясь административными органами, ни в коем случае не должны брать на себя функции судебные, и все законченные следствием дела должны быть передаваемы в судебные инстанции, как то: Революционные Трибуналы, Народные Суды и т. д.».

⁸ Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: Справочник / Под ред. А. Н. Яковлева; авторы-сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003. С. 317–318.

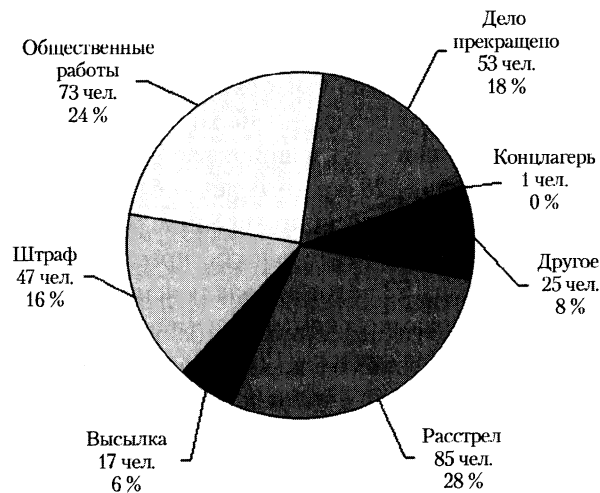
Инструкция чрезвычайным комиссиям на местах, утвержденная ВЧК 1 декабря 1918 г., предоставила местным ЧК право в критические моменты революции накладывать в случае необходимости пресечения или прекращения незаконных действий наказания в административном порядке: штрафы, высылку, расстрелы и т. п. Право применять высшую меру наказания имели губернские, фронтовые, армейские и областные ЧК. Согласно этому документу, расстреливать можно было в административном порядке без предания человека суду.

Все эти многочисленные организационные процедуры не снизили общую активность в репрессивной деятельности Смоленской ЧК в течение 1918 г. Однако большого размаха она не получила.

Всего по базе «Смоленского мартиролога» за этот период проходит 301 человек. При этом основной мерой наказания стал расстрел (85 человек), затем шли направление на общественные работы (73 чел.), штрафы (47 чел.), высылка (17 чел.) и др. В 53 случаях дела были прекращены.

Приложение 18

**Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Осуждено Смоленской ЧК в 1918 г. (301 чел.)**

Вскоре Западная областная ЧК переехала в освобожденный от немецких войск Минск. В Смоленске в самом начале января 1919 г. была создана губернская ЧК во главе с С. С. Филипповым.

Родился он в 1884 г. в крестьянской семье в деревне Буйково Ельнинского уезда. В революционном движении начал участвовать

с 1912 г. Работал на одном из заводов Брянска, затем в Петрограде — на Путиловском заводе. Будучи заместителем председателя больничной кассы петроградских заводов фирмы «Парвиайнен», неоднократно участвовал в забастовках, за что «увольнялся с работы и подвергался гонениям». После Февральской революции С. С. Филиппов вернулся в родные края. В сентябре 1917 г. вместе с большевиком С. В. Ивановым подготовил и успешно провел уездный съезд Советов, принявший резолюцию «Вся власть Советам! Долой Временное правительство!»

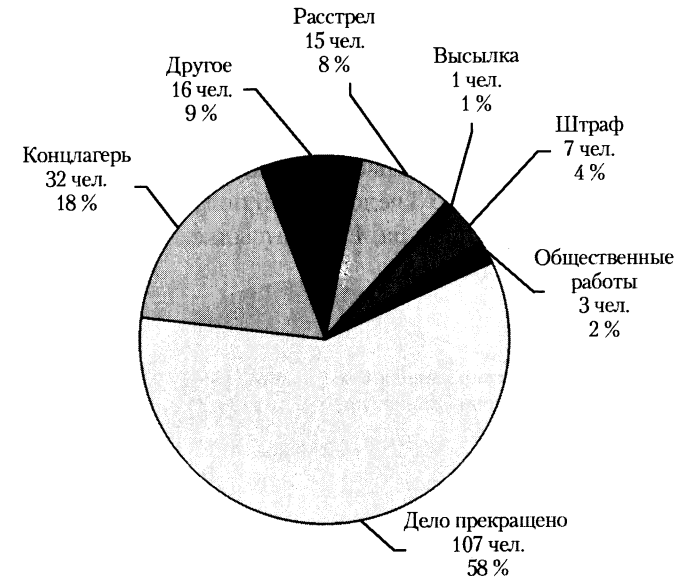
Филиппов был первым председателем Ельнинского уездного Совдепа, являясь одновременно руководителем укома РКП(б) и местной ЧК. С января по конец августа 1919 г. руководил губчека, одновременно занимая пост «Заведующего особым Отделом по борьбе с контрреволюцией и шпионажем при Западной Армии и Заведующего Особым губернским отделом». Дальнейшая партийная и советская деятельность С. С. Филиппова проходила на ответственных постах в Москве, Ленинграде и Алма-Ате. Умер он в 1948 году.

Доклад о работе Смоленского губчека за период с 1 января по 1 ноября 1919 г. дает довольно полное представление о направлениях ее работы: «Поступило дел дезертиров — 50, преступлений по должности — 152, в пьянстве — 65, контрреволюционных — 342, спекулятивных — 229, агитаций против Советской власти — 112, взяточничестве — 46, бандитов и грабежей — 146, хищений — 90, картежных игр — 15, хранений оружия — 68, в шпионаже — 56, в саботаже — 35, подозрительных обысков — 28 и разных дел — 610».

За указанный период было приговорено к расстрелу за бандитизм, контрреволюционную деятельность, преступления по должности и взяточничество 152 человека, заключено в концлагерь (находился в бывшем Авраамиевском монастыре) — 140, отправлено в штрафную роту — 193, на фронт — 125, заключено в тюрьму на разные сроки — 166, наложено штрафов на общую сумму 254 500 рублей.

Однако данные базы «Смоленского мартиролога» будут здесь существенно иными (по уголовным делам, к примеру, факта реабилитации быть не может). Органами ЧК за 1919 год был арестован 181 человек. И в отношении 107 человек дела были прекращены. В концлагерь было направлено 32 человека, к расстрелу приговорены 15, а на общественные работы направлено только 3 человека.

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Осуждено Смоленской ЧК в 1919 г. (181 чел.)

То есть в сравнении с 1918 годом снижается не только общее количество арестованных, но и деятельность ЧК становится менее жесткой: в разы снижается количество расстрелов с одновременным увеличением оправдательных решений.

К началу 1920 г. обстановка в стране изменилась. Приказом ВЧК № 2 от 1 января 1920 г. «Об отмене высшей меры наказания (расстрела)» было определено: «Прекратить с момента опубликования этого постановления применение расстрела по приговорам ВЧК и всех его местных органов». Это объяснялось фактическим разгромом контрреволюции на фронтах гражданской войны, укреплением советской власти. А последовавшая в феврале специальная инструкция Президиума ВЧК позволяла губчека налагать лишь следующие взыскания: штрафы, заключения в концлагерь, передачу дел заключенных в ревтрибуналы или народные суды. Губчека имела право подвергать заключению лиц, опасных для революции, без указания срока, но уведомляя в каждом отдельном случае Президиум ВЧК.

Расстрел разрешалось применять только в случаях шпионажа, измены и предательства, неисполнения боевых приказов, восстания и вооруженного неповиновения войсковых частей, бандитизма

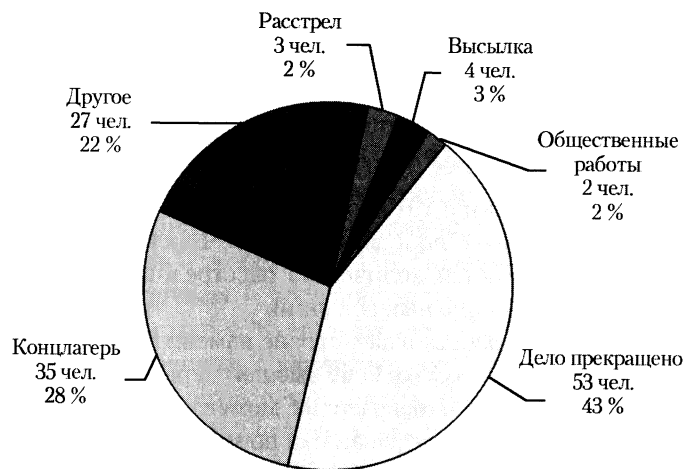
и мародерства, дезертирства из боевых линий и в трудовых армиях, умышленного истребления или повреждения железнодорожных путей, телеграфно-телефонных линий, складов.

В уездах функции ЧК выполняли уездные политические бюро. В соответствии с Положением политотделы не имели права самостоятельно заканчивать дела с вынесением постановления о мере наказания. Их следовало передавать или в угрозыск, или в губчека.

Данные «Смоленского мартиролога» на 124 репрессированных по линии ЧК в 1920 г. подтверждают общую тенденцию: к расстрелу были приговорены только 3 человека, 35 получили различные сроки для направления в концлагеря, 4 — к высылке, почти у половины дела были прекращены (54 чел.).

Приложение 20

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Осуждено Смоленской ЧК в 1920 г. (124 чел.)

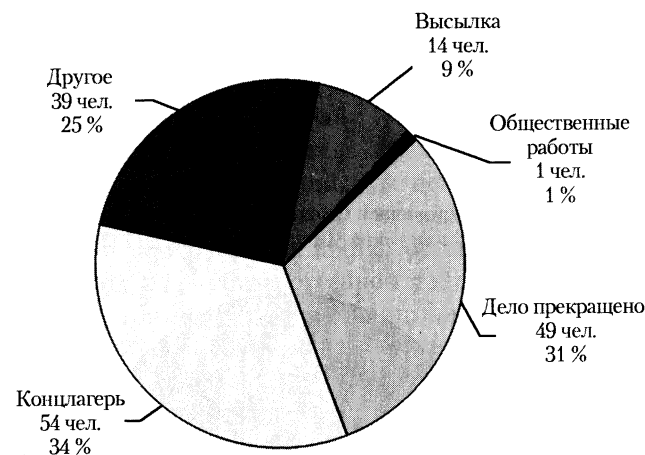
Приказом ВЧК № 52/СС «Об усилении борьбы с контрреволюцией» от 28 февраля 1921 г. начиналась кампания по «изъятию» эсеров, меньшевиков и анархистов из среды интеллигенции, на заводах, поскольку они, «пользуясь естественным недовольством рабочих тяжелыми условиями жизни, стараются вызвать забастовочное движение, направленное против советской власти и РКП, придав ему организованный, всероссийский характер»⁹.

⁹ Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ... С. 380.

За 1921 год Смоленская губчека арестовала 2349 человек¹⁰. Из них реабилитированных, по данным «Смоленского мартиролога», 157 человек. При этом к расстрелу не был приговорен ни один человек, в концлагеря направлено 54 человека, выселено — 14, а у 49 дела были прекращены.

Приложение 21

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Осуждено Смоленской ЧК в 1921 г. (157 чел.)

В декабре 1921 г. ВЦИК в очередной раз принял решение сузить полномочия ЧК, возложив борьбу с нарушениями законов советских республик на судебные органы, тем самым усилив начала революционной законности. А 23 января 1922 г. политбюро приняло решение об упразднении ВЧК и создании на ее основе Государственного политического управления (ГПУ) в составе НКВД РСФСР. Декрет «Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов» был принят 6 февраля 1922 г. Президиумом ВЦИК. На основании этого декрета ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР.

Теперь что касается жертв органов ВЧК. По подсчетам О. Б. Мозохина, органами ВЧК было расстреляно за 1918 и семь месяцев 1919 г. 6300 человек, в 1921 г. — 9701 человек. При этом за контррево-

¹⁰ Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 247.

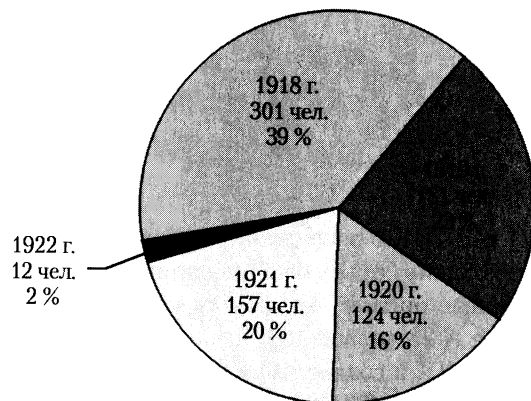
люционные преступления в 1918 г. были расстреляны 1637 человек, за семь месяцев 1919 г. — 387 человек. Таким образом, органы ВЧК приговаривали к расстрелу в основном за уголовные преступления.

Исследование протоколов заседаний чрезвычайных комиссий свидетельствует о том, пишет О. Б. Мозохин, что применение высшей меры наказания «было скорее исключением, чем правилом». При этом, замечает исследователь, «очень часто приговоры к ВМН были условными»¹¹. В базе «Смоленского мартиролога» этот аспект не нашел своего явного отражения.

В целом данные мартиролога, в который включены персоналии только с фактами состоявшейся реабилитации, за весь период существования ЧК дают несколько иную картину репрессированных по политическим мотивам.

Приложение 22

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Осуждено Смоленской ЧК за 1918–1922 гг. (775 чел.)

Из общего числа осужденных ЧК были приговорены: к расстрелу — 103 человека, заключению в концлагерь — 123 человека, высылке — 37 человек, общественным работам — 79 человек, штрафу — 54 человека, дело прекращено в отношении 271 человека, другое — 107 человек.

Свидетельствуют ли эти данные о безграничном и бесконтрольном размахе репрессивной деятельности Смоленской ЧК за указанные годы? Скорее, нет, чем да. Очевидно, что *основной упор в борьбе*

с контрреволюцией чекисты сосредоточили на ликвидации реального бандитизма, а не мнимых врагов революции.

2.3. Полномочные представительства (ПП) ГПУ/ОГПУ

Реорганизация начала 1922 г. лишила ГПУ судебных функций. Новые органы получили право лишь на розыск, дознание и предварительное следствие, ограниченное двумя месяцами. Задерживать арестованных свыше двух месяцев можно было только по разрешению Президиума ВЦИК. Общеуголовные дела по спекуляции, должностным и прочим преступлениям, находящимся в производстве ВЧК, подлежали в двухнедельный срок передаче в ревтрибуналы и народные суды по принадлежности.

Политбюро ЦК РКП(б) 9 февраля 1922 г. утвердило Положение о ГПУ. За органами ГПУ оставались задачи подавления открытых контрреволюционных выступлений, как политических, так и экономических; борьба с бандитизмом и подавление вооруженных восстаний; раскрытие контрреволюционных организаций и лиц; борьба со шпионажем; охрана государственной тайны, железнодорожных и водных путей сообщения; охрана границ, борьба с контрабандой.

Уже 9 марта 1922 г. политбюро партии рассмотрело вопрос о предоставлении ГПУ права непосредственной расправы в отношении лиц, уличенных в вооруженных ограблениях, уголовников-рецидивистов, пойманных с оружием на месте преступления. Этим же решением ГПУ наделялось правом ссылки в Архангельск и заключения в Архангельский концлагерь «подпольщиков», анархистов и левых эсеров, всех уголовников-рецидивистов.

В мае 1922 г. было одобрено предложение о предоставлении ГПУ права административной ссылки в определенные губернии на срок до двух лет за антисоветскую и контрреволюционную деятельность, причастность к шпионажу, бандитизм или высылки из пределов РСФСР на тот же срок неблагонадежных русских и иностранных граждан.

10 августа 1922 г. Президиум ВЦИК утвердил постановление о правах органов ГПУ на административную высылку через особую комиссию при НКВД. Ее компетенции определялись в следующем виде:

«1. В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у Президиума ВЦИК разрешение на изоляцию свыше 2-х месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке.

¹¹ Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 41.

2. Рассмотрение вопросов о высылке отдельных лиц возложить на особую Комиссию при НКВД*, действующую под председательством Наркома Внутренних Дел и представителей от НКВД и НКЮ, утверждаемых Президиумом ВЦИК.

3. Постановления о высылке каждого отдельного лица должны сопровождаться подробными указаниями причин высылки.

4. В постановлении о высылке должен указываться район высылки и время ее.

5. Список районов высылки утверждается Президиумом ВЦИК по представлению Комиссии.

6. Срок административной высылки не может превышать 3-х лет.

7. Лица, в отношении которых применена административная высылка, лишаются на время высылки активного и пассивного избирательного права...».

16 октября 1922 г. ГПУ вновь были предоставлены внесудебные полномочия.

Органы ГПУ являлись органами следствия в полном объеме по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 57–73 включительно, 213, 76; ч. 2, ст. 183 и 184 УК (в соответствии с приказом ГПУ № 363/С от 31 августа 1923 года).

Точно так же, как и в ВЧК, во вновь организованном ГПУ продолжали действовать Коллегия (за которой сохранялось право вынесения внесудебных решений вплоть до смертной казни) и постоянный Президиум ГПУ. Официально персональный состав членов Коллегии ГПУ был утвержден лишь в сентябре 1923 года.

В ноябре 1923 г. ГПУ было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Это преобразование было прямым следствием принятого еще 30 декабря 1922 г. на I съезде Советов «Договора об образовании СССР», в пункте 12 которого говорилось: «В целях утверждения революционной законности на территории СССР и объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией учреждается при ЦИК СССР Верховный суд с функциями верховного судебного контроля, а при СНК Союза — объединенный орган государственного политического управления». Но только 2 ноября 1923 г. Президиум ЦИК СССР принял

* В данном постановлении вместо слова «Совещание» использован термин «Комиссия», с тем чтобы не было прямой аналогии с Особым совещанием при МВД России 1881 г. Словосочетание «Особое совещание» начнет применяться после соответствующего постановления Президиума ВЦИК СССР от 28 марта 1924 г.

постановление об организации ОГПУ при СНК СССР и 15 ноября утвердил «Положение об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах», что было объявлено приказом ОГПУ № 486 от 21 ноября 1923 г. Перед ОГПУ ставилась задача объединения усилий республик СССР «по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом»¹².

28 марта 1924 г. Президиум ЦИК СССР утвердил «Положение о правах ОГПУ в части административных высылок, ссылок и заключения в концентрационный лагерь», по которому в ОГПУ было создано Особое совещание, получившее право высылать, ссылать и заключать в концлагерь сроком до трех лет. Также были созданы и Особые совещания союзных республик с аналогичными правами применения наказаний в пределах республики. Право высылки за границу и заключение в концентрационный лагерь принадлежало исключительно Особому совещанию ОГПУ.

Особое совещание состояло из трех членов Коллегии ОГПУ с обязательным участием прокурорского надзора. Приказом ОГПУ № 250 от 12 июня 1924 г. был определен персональный состав Особого совещания ОГПУ: В. Р. Менжинский, Г. Г. Ягода и Г. И. Бокий. Таким образом, в ОГПУ параллельно действовали два органа внесудебной расправы: *Коллегия, имевшая право вынесения решений о применении смертной казни, и Особое совещание*. Результаты работы этих внесудебных инстанций в период 1924–1934 гг. были следующие¹³:

	Осуждено	
	Коллегией	Особым совещанием
1924	Нет данных	9366
1925	2284	9221
1926	2323	13 102
1927	3434	15 947
1928	3756	25 844
1929	10 262	37 197
1930	9072	19 377
1931	13 357	14 592
1932	6604	26 052
1933	Нет данных	25 330
1934	12 588	1003

¹² Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ... С. 461.

¹³ Там же. С. 37.

При этом, как замечает О. Б. Мозохин, почти все дела, расследуемые органами ОГПУ, там же и рассматривались. Передача дел в суд превратилась в исключение, а внесудебный порядок — в правило¹⁴.

В 1927 г. были расширены права Коллегии ОГПУ в части увеличения категорий лиц, дела которых могли быть разрешены во внесудебном порядке, в том числе и с применением расстрела. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 4 апреля 1927 г. ОГПУ было предоставлено право внесудебного рассмотрения следственных дел о поджогах, диверсиях и взрывах, а 9 июня 1927 г. — по делам контрреволюционеров, шпионов и бандитов.

В этих решениях, по сути, реализовывалась основная мысль предложений наркомата юстиции о необходимости узаконить существование внесудебных органов репрессии.

1 июля 1927 г. Н. В. Крыленко обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с запиской «О создании чрезвычайных судов при ОГПУ СССР». В ней он предлагал разбирать дела по шпионажу, бандитизму и контрреволюции в особом порядке, создав при ОГПУ Союза и республик «чрезвычайные суды в составе 3-х лиц: двух из состава Коллегии ОГПУ и одного члена губернского суда». Приговоры чрезвычайного суда не могли подлежать обжалованию и должны были приводиться в исполнение немедленно. Чрезвычайные суды не должны быть связаны никакими процессуальными формами. Можно было вести дело даже без допроса и без показаний свидетелей. Каждое дело предлагалось заканчивать в течение 24 часов после его поступления в суд. Обвинитель и защита исключались¹⁵. «Думаю, — продолжал Крыленко, — что такая форма расправы обеспечивает целиком необходимую жесткость репрессии и быстроту производства, дает возможность вырвать из рук контрреволюции то орудие, которое она использует сейчас в виде наветов на “бессудность” правительства рабочего класса»¹⁶.

Начиная с середины 1920-х гг., заключает О. Б. Мозохин, «внесудебные полномочия легли в основу деятельности правоохранительных органов. Они являлись послушным инструментом в деле становления и поддержания в стране сталинского авторитарного полити-

¹⁴ Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 67.

¹⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. С. 137.

¹⁶ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина... С. 138.

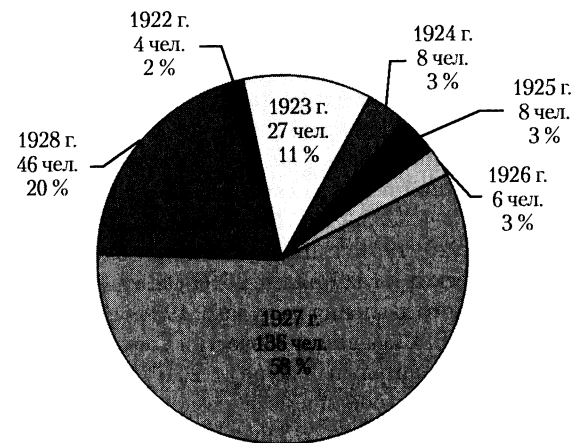
ческого режима. Деятельность внесудебных органов в системе ГПУ–ОГПУ и РКМ в этот период (до 1934 г. — Е. К.) была незаконной»¹⁷.

Приказом ОГПУ № 130/63 от 25 апреля 1930 г. было образовано Управление исправительно-трудовых лагерей (УЛАГ, преобразованное с 1 октября 1930 г. в Главное управление — ГУЛАГ). Создание в системе ОГПУ обширной системы лагерей было вызвано решением политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. и принятым вслед 11 июля 1929 г. постановлением СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных...», согласно которому все лица, осужденные на срок свыше трех лет, подлежали направлению в лагеря ОГПУ для трудового использования. С этого момента сеть лагерей ОГПУ на местах стала стремительно расти. С 1 июля по 31 декабря 1929 г. численность заключенных в лагерях ОГПУ увеличилась на 72 216 человек. Всего на 1 января 1930 г. в лагерях ОГПУ содержалось 95 064 человека, из них — 30 331 были осуждены органами ОГПУ, а остальные — судами системы Наркомата юстиции¹⁸.

Первая половина деятельности ОГПУ совпала с «демократичным» периодом нэпа. Насколько это коррелируется с данными «Смоленского мартиролога»? Динамика численности репрессированных за 1922–1928 гг. представлена в следующей диаграмме.

Приложение 23

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано ОГПУ за 1922–1928 гг. (235 чел.)

¹⁷ Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 110.

¹⁸ Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ... С. 47.

При этом к расстрелу за эти годы было приговорено 2 человека, отправлено в концлагерь 30 человек, в ИТЛ — 50 человек, получили разные сроки на высылку и ссылку 63 человека, лишились избирательных прав 35 человек. К другим мерам наказания были приговорены 31 человек, а в отношении 24 дела были прекращены.

Мягкость решений органов ОГПУ эпохи нэпа на Смоленщине и незначительное количество арестованных и осужденных по политическим мотивам очевидна.

2.3.1. Главная операция ОГПУ: ликвидация кулачества как класса*

Ликвидация кулака стала самой масштабной операцией, осуществленной органами ОГПУ в связи с коллективизацией сельского хозяйства.

Уже в 1927–1928 гг. в ходе хлебозаготовительного кризиса усилилось сопротивление крестьянства государственной политике чрезвычайных поборов и конфискаций и, как следствие, увеличилось количество террористических актов и проявлений политического бандитизма. В связи с этим в постановлении пленума Верховного суда СССР от 2 января 1928 г. «О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении» была зафиксирована возмож-

* Подробнее о практике ликвидации кулачества и о подавлении крестьянского сопротивления на Смоленщине в 1929–1933 гг. см.: *Кобец О. В.* Сопротивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928–1933 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2006; *Она же.* Раскулачивание — основа социального противостояния в смоленской деревне в 1928–1932 гг. // *Край Смоленский.* 2006. № 3–4. С. 33–52; *Шамшин Р. В.* Ликвидация кулачества в Западной области, 1929–1931 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2010; *Он же.* Единый сельхозналог как метод экономического давления на кулака, 1928–1931 гг. (на материалах Западной области) / Р. В. Шамшин // *Известия Смоленского государственного университета.* Ежеквартальный журнал. 2010. № 2. С. 223–232; *Он же.* Роль областной и районной тройки в механизме ликвидации кулачества как класса, 1930–1931 гг. (на материалах Западной области) / Р. В. Шамшин // *Известия Смоленского государственного университета.* Ежеквартальный журнал. 2010. № 3. С. 260–269; *Он же.* Роль прокуратуры в процессе раскулачивания, 1930–1931 гг. / Р. В. Шамшин // *Край Смоленский.* 2009. № 3. С. 15–27; и др.

ность привлечения к ответственности за «контрреволюционные преступления», в том числе и за «политический бандитизм»¹⁹.

Нарастание государственного насилия в форме прямых репрессий (аресты, суды, высылки) сопровождалось усилением роли карательных органов, выдвиганием на передний план ОГПУ. 5 января 1928 г. ОГПУ разослало своим территориальным органам телеграфное распоряжение о прямом и непосредственном участии в хлебозаготовках именно в собственном качестве карательных органов: «Предлагается немедленно... произвести аресты наиболее крупных частных хлебозаготовителей и наиболее злостных хлеботорговцев, срывающих конвенционные заготовительные и сбытовые цены». Задание носило своего рода боевой характер: «Следствие провести быстро, доказательно. Результаты влияния арестов на рынок сообщите немедленно»²⁰.

1 февраля 1928 г. Сталин послал из Сибири телеграмму в ЦК партии с установками, как проводить государственную политику в деревне. Основное положение этой резолюции сводилось к следующему: «План заготовок выполнить безусловно и полностью». Используя в этих целях ст. 107 УК, «организовать удар по спекулянту и кулаку, взвинчивающим цены, не выпускающим товарного хлеба на рынок». Статья 107 Уголовного кодекса РСФСР, принятого в 1926 г., имела в виду спекулянтов и перекупщиков. С января 1928 г. она стала применяться и к «держателям хлеба», в том числе и к крестьянам — производителям, отказывающимся сдавать имеющийся у них хлеб заготовителям по явно заниженным ценам. Новая трактовка ст. 107 не сопровождалась необходимыми юридическими разъяснениями и ограничениями, что с неизбежностью приводило к расширенным толкованиям и произволу в практике ее применения. И то, и другое обвинения можно было предъявить любому крестьянину, отказывающемуся сдавать хлеб госзаготовителям по заниженным ценам.

Далее были введены в действие применительно к хлебозаготовкам статьи УК РСФСР в качестве юридического обоснования широкого использования репрессий: статья 105 — против «пособников

¹⁹ Сборник постановлений, разъяснений и директив Верховного суда СССР. М., 1935. С. 100. (Цит. по: *Мухеев В. И.* Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики Советской власти в 1920-х — начале 1930-х гг. // *Отечественная история.* 2005. № 6. С. 85.)

²⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: в 5-ти т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929 гг. С. 136.

спекуляции из низового аппарата» и статья 60 — против недоимщиков при взимании налогов и других платежей.

С этого времени местные партийно-советские работники стали руководствоваться принципом: «Лучше перегнуть, чем недогнуть!». Что само по себе уже предполагало неизбежные злоупотребления.

Однако, если в 1928 г. власти еще пытались ограничить непосредственное участие ОГПУ в операциях, связанных с хлебозаготовками в деревне, то с осени 1929 г. именно этому органу политических репрессий поручается осуществление репрессий в хозяйственной сфере.

В середине сентября руководством ОГПУ были даны конкретные указания ряду полномочных представительств наиболее хлебных районов о «выравнивании линии удара по кулаку, злостному держателю излишков и спекулянтским элементам»²¹.

Тогда же на места было отправлено циркулярное письмо ОГПУ «О борьбе с деревенской контрреволюцией». В нем имевшие место массовые выступления в деревне определялись как «начавшиеся в значительном количестве с конца марта — начала апреля». Задача ставилась в первую очередь на предупреждение антисоветских выступлений в деревне через оперативную работу органов ОГПУ, а не на подавление уже происходивших. Дела по терактам предписывалось рассматривать только во внесудебном порядке.

Перелом наступил после 3 октября 1929 г., когда политбюро ЦК ВКП(б) направило в органы ОГПУ и Наркомюста директиву «Об усилении репрессий». В ней указанным ведомствам поручалось «принять решительные и быстрые меры репрессий вплоть до расстрелов против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников, и другие контрреволюционные выступления». Такие дела предписывалось проводить, «как правило, через судебные органы», но «в отдельных случаях, когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ»²².

Буквально через день, 5 октября 1929 г., эту партийную установку продублировал по своей структуре Наркомюст РСФСР. В случае «когда действительно требуется немедленная реакция», давалось добро проводить дела через органы ОГПУ. Другими словами, внесудебное разбирательство выдвигалось на первое место.

²¹ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы: в 4-х т. / Отв. ред. А. Берелович, В. Данилов. М., 2000. Т. 2. 1923—1929. С. 975—976.

²² Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 714.

Приказом № 224 от 11 октября 1929 г. все управления и отделы ОГПУ переводились на непрерывную рабочую неделю.

На сторону Главного политического управления в хозяйственно-политических кампаниях 1929 г. встали органы прокуратуры и суда. В информационной сводке прокуратуры Западной области читаем: «на органы революционной законности — прокуратуру, суд, милицию, угрозыск возлагаются тяжелые и ответственнейшие задачи по охране революционного порядка и организации самого сурового и беспощадного отпора всяким попыткам классового врага сорвать победоносное социалистическое строительство»²³. В итоге только за хлебозаготовительную кампанию 1929 г. органами прокуратуры области было привлечено к ответственности 3108 человек, из них 2808 кулаков. Мера наказания в виде «лишения свободы» из них получили 1082 человека (46,8 %).

Смоленские архивные документы содержат много бюллетеней прокуратуры и отчетов областного суда по их участию в борьбе с кулачеством. «Они, — замечает Мерл Фэйнсод, — звучат как донесения с линии огня»²⁴.

Робкие попытки прокуратуры ограничивать так называемые «экспессы» не принесли каких-либо ощутимых результатов.

30 января 1930 г. политбюро ЦК ВКП(б) принимает подготовленное специальной комиссией под председательством В. М. Молотова постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Этим постановлением в районах сплошной коллективизации отменялось действие закона об аренде и применении наемного труда и предписывалось конфисковывать у кулаков этих районов средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке продукции, продовольственные, фуражные и семенные запасы. Устанавливались также и контрольные цифры для раскулачивания в зерновых районах — 3–5 % от общего числа крестьянских хозяйств. Это уже означало, что в число раскулаченных должна была попасть и часть середняков.

По материалам работы комиссии СНК СССР по изучению тяжести налогового обложения в 1926/27 г. число хозяйств кулацкого типа в целом по стране составляло 896 тыс., или 3,9 % от общей численности крестьянских хозяйств и 5,2 % численности населения. «Наступление на кулачество» в 1928–1929 гг., конечно, не могло не ска-

²³ «Смоленский архив». Д. 61. Л. 116.

²⁴ Фэйнсод Мерл. Смоленск под властью Советов / Перевод с англ. Л. А. Кузьмина; редактор Е. В. Козин. Смоленск, 1995. С. 199.

заться на динамике этой категории хозяйств. По данным динамической переписи крестьянских хозяйств, проводившейся в 1929 г. ЦСУ, кулацкие хозяйства сократились по РСФСР в целом с 3,9 % в 1927 г. до 2,2 % в 1929 г. В Западной области из 1 млн 180 тыс. крестьянских хозяйств на 1 июля 1930 г. в разряд кулацких было занесено 26 286 хозяйств, что так же, как и по РСФСР, составляло 2,2 %.

Примечательно, что еще почти за три недели до указанного постановления ЦК партии, 11 января 1930 г. заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода дал указание руководящим работникам возглавляемого им ведомства о разработке репрессивно-административных мер в отношении кулачества. Акцент здесь уже делался на том, что «кулак» должен был быть уничтожен как класс. Ягода исходил из того, что «при сплошной коллективизации кулачество будет оказывать ожесточенное, яростное сопротивление от повстанческих заговоров, контрреволюционных кулацких организаций до поджогов, террористических актов включительно». Он высказывал опасения, что к весне 1930 г. на территории страны возникнут сплошные восстания против политики коллективизации. И во многом он не ошибся.

Основополагающий приказ по ОГПУ от 2 февраля 1930 г. № 44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» был разработан на основании постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. и содержал основные его положения. «В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь в районах сплошной коллективизации, — говорилось в приказе, — в самое ближайшее время кулаку, особенно его богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар.

Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения по всем основным линиям партийной и советской работы. Особо серьезные, сложные и ответственные задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ. От наших органов больше, чем когда-либо, потребуются исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий»²⁵.

²⁵ История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: в 7 т. / Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М., 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 94.

В соответствии с приказом вся работа органов ОГПУ должна была сосредоточиться на двух направлениях: «1) Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно, кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек. (Первая категория.) 2) Массовое выселение... наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, из которых формируется контрреволюционный актив...) и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискации их имущества. (Вторая категория.)».

Далее расписывался сам механизм намеченной работы. Арестованные по первой категории «концентрируются в окружных и областных отделах ОГПУ. Дела на них заканчиваются следствием в срочном порядке и рассматриваются тройками по внесудебному рассмотрению дел, которые будут созданы при ПП ОГПУ. Основное количество таких арестованных заключается в концлагеря; в отношении наиболее злостного и махрового актива контрреволюционных организаций и группировок и одиночек — должны применяться решительные меры наказания, вплоть до ВМН».

Что делать с семьями арестованных по первой категории? Ответ в приказе: «Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к ВМН, должны быть выселены в северные районы Союза... Имущество таких семейств конфискуется в том же порядке, как и у выселяемых семейств кулаков».

Далее предписывалось: «Для рассмотрения дел на лиц, проходящих по этим делам (первая категория), — немедленно создать в ПП ОГПУ тройки с представителями от крайкома ВКП(б) и Прокуратуры. Состав тройки выслать на утверждение Коллегии ОГПУ». Для проведения операции в отношении кулаков второй категории на местах создавались оперативные тройки.

Заметим, что в структурном лексиконе органов ОГПУ именно в это время как основное звено вновь фигурируют тройки. Во время реформы органов госбезопасности в феврале 1922 г. «тройки» были ликвидированы. Однако постепенно начиная уже с 1923 г. они воссоздаются и просуществуют вплоть до 1938 г. включительно. Возвращение к тройкам в 1923 г. было связано с решением ЦИК СССР от 1 апреля того же года, в соответствии с которым дела о фальшивомонетчиках изымались из общих административных и судебно-следственных органов ОГПУ для разбирательства во внесудебном порядке. 29 августа 1923 г. СТО создал специальную тройку, которой поручалось выработать план работы и проекты мероприятий по

усилению борьбы с фальшивомонетчиками. Тройки создавались и при всех полномочных представительствах ГПУ на местах.

Как видим, изначально никакого отношения к так называемым контрреволюционным элементам они не имели. Однако специальный циркуляр ОГПУ 1929 г. внес в их деятельность существенные изменения (изменения последуют и в 1931 г.). Тройки функционировали при полномочных представительствах ОГПУ для рассмотрения дел, подсудных коллегии ОГПУ и Особому совещанию. Тройкам были подсудны все дела о контрреволюционных преступлениях. Первоначально они имели право рассматривать дела с обязательным представлением своих решений на утверждение коллегии ОГПУ, а затем им было предоставлено право окончательного вынесения решений по всем делам вплоть до применения высшей меры наказания. При этом прокурор мог опротестовывать в коллегию ОГПУ постановления тройки и таким образом приостанавливать исполнение приговора. Однако на практике это не всегда соблюдалось.

В обязанности троек входило рассмотрение дел и на кулаков, особенно проходивших по первой категории. В 1930 г. в период кампании по выселению кулаков тройки рассматривали без малейшего промедления все направленные им дела. Они являлись важным элементом системы политической юстиции, сосредоточив в своих руках квазисудебные функции²⁶.

Для руководства операцией по ликвидации кулачества как класса в рамках приказа ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. уже на следующий день приказом ОГПУ № 47/22 в центральном аппарате ОГПУ была создана оперативная группа. В нее вошли: С. В. Пузицкий (начальник опергруппы), Н. Г. Николаев (общее руководство и специальные оперативные вопросы), Н. К. Кручинкин (по военным вопросам), В. А. Кишкин (по вопросам транспорта), Я. М. Генкин (по проведению операции), М. А. Герасимова (по Московской области). Вся работа оперативной группы велась под непосредственным руководством начальника Секретно-оперативного управления Е. Г. Евдокимова и его помощника Я. К. Ольского.

В продолжение этого 4 февраля 1930 г. президиум ЦИК СССР постановил предоставить ОГПУ право на период проведения кампании по ликвидации кулачества передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел полномочным представительствам

²⁶ Мухеев В. И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики Советской власти в 1920-х — начале 1930-х гг. // Отечественная история. 2005. № 6. С. 88.

ОГПУ краев и областей. Внесудебное рассмотрение дел производилось с участием представителей крайисполкомов (облсполкомов) и прокуратуры.

Характерно, что в приказе ОГПУ от 2 февраля 1930 г. ни слова не говорилось о соблюдении законности и внимание заострялось лишь на «строжайшей классовой линии всех мероприятий».

Политбюро ЦК ВКП(б) устанавливало и примерное количество кулаков по каждому региону, которые подлежали заключению в концлагеря и выселению в отдаленные местности. Всего намечалось по девяти регионам страны, о которых шла речь в постановлении, отправить в концлагеря 60 000, а выселить 150 000 кулаков. Ни в одном из центральных документов ни Западная область в целом, ни тем более отдельно Смоленщина в части квот по категориям кулаков не фигурировали. В приказе ОГПУ № 44/21 про «пропущенные» регионы записано: «В отношении остальных областей и республик соответствующие расчеты будут произведены в ближайшее время». Однако регионы ждать цифр не стали.

Фактически в тот же день, 2 февраля 1930 г., бюро Западного обкома ВКП(б) принимает постановление «О ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации». По восьми округам области предстояло ликвидировать 6950 кулацких хозяйств, из них больше всего было «разверстано» на Смоленский округ — 1500 хозяйств, далее шли Брянский — 1200, Великолукский — 1100, Клиновский — 750, Вяземский — 700, Ржевский — 600, Рославльский — 600, Сухиничский — 500. Таким образом, непосредственно для Смоленщины цифра определялась почти в 2800 кулацких хозяйств. Действовать предстояло решительно, поскольку приближалась весенняя посевная кампания.

В соответствии с центральными установками кулаки делились на три категории. Первая категория — «контрреволюционный кулацкий актив» — подлежала заключению в концлагеря (в отношении организаторов терактов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций рекомендовалось не останавливаться перед применением высшей меры репрессии — расстрела). Вторая категория — «остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков». Они подлежали выссылке в отдаленные местности страны и в пределах данного края — в отдаленные районы. Третья категория — «оставляемые в пределах района кулаки», которые подлежали расселению на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках.

Решительная работа по борьбе с кулаком возлагалась на специально создаваемые для этого местные тройки. Каждая тройка состояла из первого секретаря комитета партии, председателя исполкома и начальника ОГПУ. На уровне области в нее вошли Румянцев, Шелехес, Залин. Им вверялась вся полнота власти. Тройки давали указания органам советской власти, как вести учет и описывать имущество кулаков, разделяя их на три категории; что делать с конфискованным имуществом; на какие земли выселять кулаков III категории; дополняли списки кулаков на основе решений батрацко-средняцких собраний; определяли нормы средств производства и продовольственных запасов для выселяемых кулацких семей и давали соответствующие установки местным партийным организациям.

С 10 февраля 1930 г., с первого заседания тройки при обкоме партии, на Смоленщине, как и по всей Западной области, начался процесс раскулачивания. 12 февраля 1930 г. во все райтройки было разослано секретное письмо, содержащее подробные инструкции о том, как проводить операцию по раскулачиванию. Действуя через райкомы и сельсоветы, райтройки должны были произвести инвентаризацию имущества кулаков, одновременно предупредив их о том, что в случае если последние будут продавать свое имущество или какую-то его часть, то все оно будет конфисковано. Опись кулацкого имущества области предполагалось закончить в течение двух недель.

Описи имущества в первую очередь, как правило, подвергались хозяйства лиц, лишенных избирательных прав и обложенных налогом в индивидуальном порядке. Это служило отправной точкой в зачислении в разряд кулаков и последующем раскулачивании.

Организация процесса ликвидации кулачества выглядела следующим образом: областная тройка спускала директивные указания районным тройкам, те, в свою очередь, информировали уполномоченных, руководивших операцией на местах.

Первоочередная задача районной тройки заключалась в составлении списка лиц, подлежащих раскулачиванию. Просмотрев материалы на индивидуально обложенные хозяйства, на места отправлялись уполномоченные для дополнения сведений по намеченным семьям, проверки наличия их в деревне.

Заседания районных троек, так же как и областной, сопровождались составлением протоколов.

ОГПУ, тройки по внесудебному разбирательству районного и областного уровня, а также институт уполномоченных райтроек выдвигаются на первый план и становятся фактическими реализаторами указаний партии на ликвидацию кулачества.

На уровне Западной области институт уполномоченных впервые упоминается в постановлении бюро Западного обкома ВКП(б) «О ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации» от 2 февраля 1930 г., где речь идет о том, что «окрисполкомами должны быть указаны места расселения с тем, чтобы поселение в отведенных районах допускалось лишь небольшими поселками, управление которыми осуществляется специальными комитетами (тройка) или уполномоченными, назначаемыми райисполкомами и утверждаемыми окрисполкомами».

Кроме этого, согласно п. 12 постановления бюро Западного обкома ВКП(б) «О ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации» конфискация имущества кулаков должна была производиться «особо уполномоченными райисполкомов с обязательным участием сельсовета, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачкомов». При конфискации следовало составлять точную опись и оценку конфискуемого имущества, с возложением на сельсоветы ответственности за полную сохранность конфискованного.

В условиях полной бесконтрольности и при желании «победить в соревновании на уничтожение кулака» злоупотреблений в работе уполномоченных было не избежать. Недостатки имели системный характер, и они четко просматриваются в «Информационной сводке о перегибах в раскулачивании, обобществлении имущества в колхозах и т. д.» за подписью «п.п. зав. информ. стат. сектором Запобкома ВКП(б)» Турова за период с 10 августа по 10 ноября 1930 года.

Возьмем один пример. Как попадали в разряд кулаков? «Уполномоченный от Облсполкома по Бельскому району, производя раскулачивание по Вяземскому сельсовету, к выявленным 20 кулакам-индивидуалам добавил еще 28 человек и на совещании хвалился, как надо выявлять кулаков.

Когда же на совещании было отмечено, что под рубрику кулаков он подвел середняков, то этот уполномоченный, не сказав никому ни слова, ночью же уехал обратно в сельсовет и начал отменять постановление. При проверке же оказалось, что из 28 выявленных кулаков большинство было середняков, у которых была произведена опись имущества и изъяты ценности — по 15 руб. облигации».

Видно, что выявление кулацких хозяйств, подлежащих раскулачиванию и выселению, было произведено с грубейшими нарушениями инструкций и директив Москвы, запрещавших трогать середняка. Уполномоченные представляли свою миссию на местах шире, нежели она определялась документами.

Между тем решение тройки в лице уполномоченного обжаловать было крайне трудно, практически невозможно.

Так, в директивном письме № 1 прокурора области М. П. Куликова говорилось, что жалобы на проведение массовой операции должны были приниматься прокуратурой только при наличии достаточно убедительных документов и материалов, вызывающих сомнения в правильности вынесенного тройкой решения. Помимо этого, «само рассмотрение и расследование жалобы не должно приостанавливать проведение в жизнь решения тройки».

Исходя из данного письма решение уполномоченного можно считать истиной в последней инстанции, поскольку выселенный человек не в состоянии собрать необходимые справки, тем более что в большинстве случаев к документации относились халатно. А если учесть тот факт, что «органы прокуратуры не должны противопоставлять себя местным тройкам», решение уполномоченного райтройки можно считать безапелляционным.

К июню 1930 г. только по одному Смоленскому округу было ликвидировано 4014 кулацких хозяйств, из них по первой категории — 638, по второй — 1473, по третьей — 1903 хозяйства²⁷.

Суд и прокуратура и на этот раз оказались не на стороне крестьянства. О реальной роли прокуратуры в политической кампании по ликвидации кулачества как класса, то есть о ее неспособности поставить процесс под свой контроль, говорится в докладной записке областного прокурора Куликова на имя начальника ПП ОГПУ Западной области Залина и секретаря обкома ВКП(б) Румянцева от 24 марта 1930 г. «Вместе с тем, — пишет прокурор, — в связи с массовым поступлением дел в ПП ОГПУ от окружных отделов местные Прокуроры не имеют возможности достаточно внимательно просматривать эти дела и давать по ним обоснованные заключения. По сообщению некоторых Прокуроров, им представляются дела пачками для дачи по ним заключений, иногда даже за несколько часов до отправления их в Смоленск. Имели место случаи, когда Прокуроров буквально “ловят” в 11–12 часов ночи на заседании для дачи заключения по делам, которые в ту же ночь подлежат отправке». Просьба прокурора давать для заключения хотя бы «два-три дня до их отправления» осталась всего лишь его пожеланием.

В начале 1930 г. партийными органами была проведена работа с личным составом судов с тем, чтобы судьи выносили более жесткие

приговоры и не боялись применять высшую меру наказания в отношении «кулацкого контрреволюционного актива». Разработанная в тот период система наказаний для «кулачества» включала шесть основных положений: ст. 58-8, 59-9 УК предусматривали ответственность за подготовку террористического акта; ст. 58-10 — за агитацию, направленную к срыву сельскохозяйственных работ; ст. 73-1 — за угрозы в адрес советских и общественных работников; ст. 79 — за попытку или разбор конфискованного имущества; ст. 79-1 — за подстрекательство или убой скота; ст. 16 и 79 — за повреждение имущества, подлежащего передаче в колхоз. Наибольшее распространение в практике работы органов безопасности получила ст. 58-10 УК РСФСР. Обвиняемые по этой статье могли получить наказание от трех лет до высшей меры.

В отчете областного суда уже за февраль 1930 г. отмечается, что было рассмотрено судами 509 дел по коллективизации и раскулачиванию. В ходе рассмотрения этих дел перед судом предстали 911 человек, из которых 56 были освобождены, а 858 — осуждены. Из приговоренных лиц 298 были отнесены к кулакам, 194 — к зажиточным крестьянам, 230 — к середнякам, 40 — к беднякам и 46 — к должностным лицам. В течение первой декады марта темп судопроизводства вырос. Суды рассмотрели за этот период 278 дел, возбужденных против 449 граждан, из которых было осуждено 407. В течение второй декады марта количество рассмотренных дел увеличилось до 353, а число лиц, представших перед судом, выросло до 644.

Летом 1930 г. политика сплошной коллективизации существенно снижает свои темпы, происходит массовый отлив крестьян из колхозов и временно приостанавливается политика раскулачивания. Но «передышка» была недолгой. С осени 1930 г. практика раскулачивания вновь начинает набирать свои обороты, хотя в данный период масштабы этого явления были гораздо более скромными, чем весной.

По сведениям отдела ОГПУ «О количестве раскулаченных и выселенных кулаков по состоянию на 10 декабря 1930 года» из 26 286 кулацких хозяйств области было раскулачено 4835; 4790 семей остались в пределах колхозов раскулаченными, но невыселенными.

В результате кампании по ликвидации кулачества 1930 г. была достигнута позитивная динамика в колхозном движении, связанная с массовым вступлением середняцких хозяйств. В немалой степени этот прилив был вызван нежеланием крестьян оказаться в списке кулаков, то есть страхом за свое будущее. Однако статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», опубликованная в «Правде» 2 марта

²⁷ Государственный архив Смоленской области (далее — ГАСО). Ф. 2360. Оп. 1. Д. 220. Л. 41–43.

1930 г., внесла свои коррективы в процесс. Половина вновь вступивших дворов вышла из состава колхозов, требуя вернуть им изъятую собственность. Это говорит о зыбкости наспех созданных новых колхозов, по сути своей «бумажных». Данная ситуация была существенно изменена более продуманными системными действиями государства весной-летом 1931 г. в ходе второй волны ликвидации кулачества как класса.

Самый пик акции по выселению раскулаченных крестьянских хозяйств в отдаленные районы страны пришелся на весну-лето 1931 г. С этой целью 11 марта 1931 г. политбюро ЦК ВКП(б) создало специальную комиссию во главе с заместителем председателя СНК СССР А. А. Андреевым, в состав которой вошли Г. Г. Ягода и П. П. Постышев. Эта комиссия должна была осуществлять «наблюдение и руководство работой по выселению и расселению кулаков». Предложения по поводу количества и высылке спецпереселенцев обычно выносили органы ОГПУ. Основная часть высылаемых направлялась в малонаселенные, часто не пригодные для жизни районы страны — на Север, Урал, в Сибирь, Казахстан, причем, как предписывало постановление политбюро от 30 января 1930 г., для использования на трудоемких малоквалифицированных работах — лесоповале, в горнодобывающей промышленности, на промыслах, реже — в сельском хозяйстве.

Вторая волна выселения кулаков на Смоленщине производилось на основании двух документов: постановления бюро Запобкома ВКП(б) от 10 марта 1931 г. «О выселении кулачества из пределов области» и циркуляра полномочного представительства ОГПУ Западной области от 12 марта 1931 г. № 87/СОУ. Оба документа были составлены с учетом секретной инструкции ЦИК СССР от 4 ноября 1930 г.

Первый документ (постановление бюро обкома) определял категории и очередность выселения кулацких семей: «Ликвидации и выселению со всей своей семьей подлежат в первую очередь мощные кулаки, бывшие помещики, полупомещики, наиболее махровые и активно противодействующие и срывающие мероприятия партии и Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства. Для составления списков выселяемых должны браться не только кулацкие признаки на данное время, но особенно признаки 1928/29 г.». При этом особо подчеркивалось, что выселению подлежали «только те кулацкие хозяйства, в которых есть трудоспособный член семьи (трудоспособный мужчина)». Далее указывалось, кто подлежит раскулачиванию и выселению: кулаки, пролезшие в колхоз; кулаки, работавшие на лесоразработках, заготовках, вывозке камня

и др.; кулаки, пристроившиеся за последний год в городах и поселках области, вне зависимости от того, на каких работах они заняты; кулаки, сидящие в домах заключения области и осужденные судами.

Здесь же расписан и сам механизм выселения, который почти полностью повторяет постановление обкома о ликвидации кулачества как класса от 12 февраля 1930 г. Для руководства всей этой работой создавались районные тройки в составе секретаря райкома, уполномоченного ОГПУ и председателя райисполкома. В состав областной тройки вошли Румянцев, Шелехес и Лепин. Сроки по раскулачиванию и массовому выселению должны были определить по линии ОГПУ. А всю подготовительную работу следовало проводить «при самой строжайшей конспирации».

Второй документ (циркуляр полномочного представительства ОГПУ Западной области от 12 марта 1931 г. № 87/СОУ) дает некоторые разъяснения и уточнения по вопросу выселения кулацких семей из пределов области. Здесь в основном рассматривается организационная сторона проведения операции по выселению. Так, например, циркуляр предлагает на каждую выселяемую кулацкую семью составлять личное дело, в котором должны содержаться следующие документы: специальная анкета, составляемая главой семьи; справка райфинотдела о размере налога и хозяйственно-имущественном положении хозяйства за 1928, 1929, 1930 и 1931 гг.; постановление собрания о выселении, в котором должны были быть точно указаны мотивы выселения (имелись в виду мощь хозяйства до революции, именной состав семьи, эксплуататорские признаки и т. п.); справка сельсовета о лишении избирательных прав, с указанием времени и мотивов лишения; опись оставленного на руках имущества, продовольствия, одежды, денег, средств производства (причем общий вес вещей и довольствия не должен был превышать 30 кг на семью). Далее в документе предлагается техника подготовки проведения операции по выселению. Она сводилась к утверждению списков выселяемых, созданию специальных пунктов концентрации и погрузки выселяемых, порядку их конвоирования. Ответственность за правильную организацию и проведение всех мероприятий по изъятию, выселению, репрессированию кулачества возлагалась на районных уполномоченных, начальников оперсекторов и городских отделений.

Каждому выселяемому можно было взять с собой по одной паре теплой и летней обуви и одежды, по 16 кг хлебных продуктов, картофеля и жиры. На каждого трудоспособного мужчину следовало иметь по одному топору, одной лопате и на двух человек по одной пиле. На каждое хозяйство разрешалось взять по одному комплекту сбруи.

Общий период вывоза кулацких семей из области определялся фактически в один месяц — с 26 марта по 30 апреля.

В циркуляре особо подчеркивалось, что контрреволюционный кулацкий актив, как группировки, так и одиночки, «в целях предупреждения активных выступлений кулачества» подлежали аресту органами ОГПУ «до начала общей кампании по раскулачиванию и выселению /т. е. до 20/III — с. г./». Одновременно с ними обязательно аресту подлежали «проходящие по разработкам К-Р (контрреволюционное. — Е. К.) духовенство, монашество и сектантские организации». При этом акцент делался на то, что указанные категории населения должны обязательно пройти как контрреволюционные элементы, а не обосновываться необходимостью раскулачивания.

Аресты по всему району следовало проводить не только одновременно, но и «допуская не более суточного разрыва между вынесением постановления о выселении и самим процессом изъятия».

Вся организационная работа велась по установкам областной и районных троек.

В фондах смоленских архивов имеются протоколы семи заседаний тройки при Западном обкоме ВКП(б) по выселению из пределов области в период между 12 марта и 27 мая 1931 года.

Протокол № 1 заседания тройки при Запобкоме от 12 марта содержал в себе информацию по трем вопросам: 1) о разгрузке мест заключения, по которому было принято решение создать разгрузочную комиссию в составе председателя облисполкома, облпрокурора и представителя ГПУ, поручив ей провести освобождение 30–40 % заключенных с созданием аналогичных комиссий на уровне районов; 2) о признании необходимым привлечение райпрокуроров к заседаниям в райтрояках с правом совещательного голоса; 3) о мобилизации на временную работу в органы ГПУ бывших работников ВЧК–ГПУ «для проведения работы по изъятию и выселению кулачества из пределов Западной области».

По данным на 17 марта (кроме пяти районов) было мобилизовано и отправлено к месту назначения 122 работника. Помимо этого, на данную работу были направлены студенты и курсанты Запкомвуза: Рославль — 13 человек, Починок — 13, Смоленск — 5, Вязьма — 5, Белый — 5, Велиж — 6, Монастырщина — 4, Ельня — 3. Также при обкоме партии был создан резерв из 50 человек ответственных работников.

Районные тройки обязаны были составить, рассмотреть и утвердить списки кулацких хозяйств, подлежащих раскулачиванию и выселению, скоординировать ход оперативных мероприятий, проинструктировав уполномоченных.

Подготовительная работа в районах была начата сразу же по получении указаний обкома. Она заключалась в составлении списков раскулачиваемых на основе сведений, содержащихся в материалах на индивидуально обложенные хозяйства. Эти сведения вручались уполномоченным из партийного актива, которые, прослушав инструктаж, отправлялись на места для проверки и дополнения их новыми хозяйствами, соблюдая строгую секретность.

Полученные данные отправлялись в районную тройку для рассмотрения и утверждения. Утвердив списки, уполномоченные вновь уезжали на места уже для проведения операции.

Детальная инструкция уполномоченным содержится в постановлении бюро Западного обкома ВКП(б) «О выселении кулачества из пределов области» от 10 марта 1931 г.

В нем говорится, что «райтройки выделяют и посылают в село своих уполномоченных из числа наиболее проверенных, партийно выдержанных коммунистов, предварительно основательно их проинструктировав». Такие идеологически правильные кандидатуры должны были способствовать безошибочному выполнению всех директив, спускаемых сверху, и установлению полного контроля центра за ходом спецопераций.

Мобилизованные лица передавались в распоряжение уполномоченных обкома для проведения инструктажа и проверки. После инструктажа все мобилизованные работники поступали в распоряжение райтроек и распределялись ими по сельсоветам или отдельным селениям.

Прибыв на село, уполномоченный должен был «в течение двух дней еще раз на месте проверить все показатели намеченных к раскулачиванию и выселению кулаков, прощупать настроения». Все это должно было проводиться «секретно».

Только после этого уполномоченный имел право ознакомить секретаря партячейки с целью своего приезда, созвать закрытое бюро ячейки, закрытое собрание ячейки и уведомить председателя сельсовета и председателя райколхозсоюза. Затем, организовав охрану от побега кулаков, следовало проводить заседание группы бедноты, комсомольской ячейки, заседание сельсовета и правления колхоза. В тот же день решение о раскулачивании и выселении утверждалось на собрании колхозников, бедноты и середняцкого актива деревни. Это же собрание выделяло комиссию исполнения из партийцев, наиболее надежных колхозников, бедняков и актива, которая немедленно приступала к проведению принятого решения в жизнь.

Уполномоченному райтройки самому предстояло наблюдать, руководить и сопровождать раскулаченных до концентрационного пункта ОГПУ.

Отправляясь для работы на места операций, уполномоченные, как правило, снабжались «Памяткой уполномоченному тройки по раскулачиванию и выселению кулаков». Вот содержание одной из них.

В документе три развернутых пункта.

В первом пункте содержатся сведения касательно того, кто подлежал раскулачиванию. Согласно ему, «ликвидации и выселению со всей своей семьей подлежат в первую очередь мощные кулаки, бывшие помещики, полупомещики, наиболее махровые и активно противодействующие и срывающие мероприятия партии и правительства по социалистической реконструкции сельского хозяйства». Особо подчеркивалось, что следует учитывать признаки кулацких хозяйств 1928–1929 гг.

Выселению подлежали лишь только те кулацкие хозяйства, у которых имелись дома, «пролезшие в колхоз». Выселению и раскулачиванию не подлежали: семьи, где были красноармейцы, бывшие красногвардейцы, красные партизаны; особо осторожный подход должен был быть проявлен к учителям, агрономам, а также фабричным рабочим, проработавшим свыше пяти лет.

Далее детально определяется практическая работа уполномоченного.

По прибытии в сельсовет уполномоченный райтройки проводит в жизнь действия, описанные в постановлении Западного обкома ВКП(б) от 10 марта 1931 года.

Четко указано, что оставляется подвергнутой раскулачиванию семье. В том числе:

- продовольствие на 2 месяца при норме 16 кг муки на человека;
- самое необходимое имущество (белье, теплая одежда, обувь);
- средства производства (топоры, пилы, лопаты, плотничьи инструменты, хомут и шлея);
- денег не свыше 500 руб. на семью.

Особо подчеркивалось, что если условия соблюдены не будут, то кулак вместе со своей семьей будет возвращен обратно.

Важен тот момент, что при конфискации уполномоченным имущества раскулаченных было обязательно составление точной описи и оценки, по которым оно передавалось колхозу или сельсовету.

С 18 марта до конца кампании устанавливались следующие обязательные сроки донесения:

«19 марта к 10 часам утра уполномоченный сообщает, что он был в сельсовет.

20 марта к 12 часам сообщает, что работа началась и какие моменты выявлены в результате проверки эксплуататорских признаков.

21 марта — кто еще не закончил работу — к 9 часам утра сообщает: как идет работа, каково настроение отдельных групп населения к раскулачиванию и выселению, когда закончится работа. Можно пользоваться телефоном. Разговор вести коротко условно — на языке заготовок. Указанные сроки для работы и раскулачивания, а также представления сведений в намеченные сроки обязательны как в военном деле. Вся подготовительная работа ведется с соблюдением строжайшей конспирации. Вся ответственность за успешность и правильность раскулачивания и выселения целиком возлагается на уполномоченного РИКа».

На каждую выселяемую семью заводилось личное дело, в котором содержались:

- 1) специальная анкета, подписанная главой семьи;
- 2) справка райфинотдела о размере налога и хозяйственном имущественном положении по состоянию на 1928/1929–1930/1931 годы;
- 3) постановление собрания о выселении, в котором должны быть точно указаны мотивы выселения: мощность хозяйства до революции и с 1928 по 1931 год, эксплуататорские признаки и именной состав семьи с указанием возраста;
- 4) время и мотивы лишения избирательных прав;
- 5) опись оставленного на руках имущества, продовольствия, одежды, денег и средств производства.

День раскулачивания и выселения устанавливался один на весь район, причем сроки всех оперативных мероприятий определялись по линии ОГПУ.

Заседания районной тройки, как и областной, сопровождалось составлением протокола. В большинстве своем протоколы состояли из рассмотренных характеризующих материалов на кулацкие хозяйства и решений, принятых на их счет.

Записи протокола выглядели следующим образом: «Слушали: Ходатайство уполномоченного по Большеческому сельсовету тов. Сянькова о привлечении к выселению и раскулачиванию гр-на дер. Горки Козырева Михаила Михайловича, 36 лет, семья состоит: из жены, 3-х дочерей, 10, 12 и 7 лет, проживающих с ним. Хозяйство: 1 лошадь, 1 корова, 1 овца, 1 боров. Все необходимые постройки. До 29 года имел маслобойку, во время обследования сан. комиссией ему было предложено оборудовать ее по санитарным условиям, делать это он не стал, а закрыл, во время работы маслобойки эксплуатировал крестьян, привозящих ему бить масло, т. е. обязывал привозить с собой дров, впрягать своих лошадей, своих-же лошадей не впрягал, индивидуально был обложен в 28–29 г.г.

Постановили: Выселить и раскулачить».

Были и более детальные инструкции для уполномоченных. Примером может служить документ, поступивший в адрес районов Вяземского округа от имени особоуполномоченного обкома ВКП(б) Шацкого и начальника оперсектора ОГПУ в Вязьме Киселева:

«1. Операцию по раскулачиванию... начать точно 20 марта, повторим — ДВАДЦАТОГО МАРТА и закончить к концу дня 23 марта.

2. Подготовительную работу: рассмотрение и утверждение списков закончить утренним заседанием Райтройки — 18 марта.

3. Вечерним заседанием Райтройки — 18 марта тщательно проинструктировать Уполномоченных, вручить им копии списков, подлежащих выселению кулацких семейств... вечером 18 марта выслать на село для проведения практической работы.

4. Без всяких оговорок, в порядке боевого приказа, требуем представить нам точно 20 марта списки, утвержденные Райтройкой, намеченных для выселения кулацких семейств.

Райтройками, начиная с 22 часов 20 марта до 24 часов 25 марта, устанавливается следующий табель срочных донесений:

а/ в 23 часа — 19 марта телеграфно сообщить, что Уполномоченные на места прибыли;

б/ в 14 часов — 20 марта телеграфно донести, что работа началась и проходит нормально;

в/ в 14 часов — 21 марта, 22 и 23 — телеграфно доносить, как идет работа и сколько и из каких сельсоветов вышло обозов и партий выселяемых к пунктам концентрации;

г/ 24 — нарочным выслать списки высланных... а в 24 часа — телеграфно сообщить, что нарочные со сведениями выбыли;

д/ 25 марта — выслать обычным порядком, через фельдсвязь, материалы деятельности Районных троек с краткой докладной запиской об окончании выселения».

Что же касается порядка конфискации и распоряжения конфискованным имуществом, то эта работа должна была проходить при участии сельсовета, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачковых. Как уже не раз отмечалось, обязательны были опись и оценка. Но вопросы возникали. И тогда 12 апреля 1931 г. Запоблисполком направил всем районным исполнительным комитетам соответствующее письмо. В нем районам предлагалось:

«1. Как правило, все изъятое имущество кулацких хозяйств должно быть передано колхозам, с зачислением в неделимый капитал колхоза.

2. Постройки по соглашению с колхозами могут быть использованы под другие общественные нужды (совхоз, школы, библиотеки, избы-читальни и т. д.).

3. В связи с тем, что земельные площади кулацких хозяйств в основном передаются колхозам, чем возлагается дополнительное задание по весеннему севу, тяговая сила — лошади и весь сельскохозяйственный инвентарь без исключения передается только колхозам.

4. Хлебофураж: сено, хлеб, овес, семена, мясо, лен и т. д. передается на заготовительные пункты.

5. В тех случаях, когда за кулацкими хозяйствами числится недоимка финорганами по тем или иным видам платежей, вырученные суммы от реализации по указаниям в пункте 4 поступают на покрытие последней при недостатке этих сумм райисполкомам, в зависимости от хозяйственной политической обстановки и мощности колхоза, разрешается повернуть остающееся имущество на покрытие недоимочности».

И все же, несмотря на всю детализацию предстоящей кампании, на практике сбоев было достаточно.

На практике основной трудностью районных троек стало то обстоятельство, что кулацкую семью нельзя было выселять, ее обязательно должны были вернуть, даже не приняв на сборный пункт погрузки, если с ней не было хотя бы одного трудоспособного члена семьи мужского пола. Многие кулацкие семьи смогли вовремя этим воспользоваться. Как? Мужчины заранее покидали свои деревни.

Об этом совершенно откровенно говорилось в очередном мартовском циркуляре полномочного представителя ОГПУ по Западной области № 88/СОУ: «Последние (трудоспособные мужчины. — Е. К.) уже разбежались или будут пытаться скрыться с началом операции по выселению». Поэтому ставилась задача «сейчас же учесть работоспособных членов /мужчин/ семей, подлежащих выселению, и принять все меры против возможного их бегства». Одним из наиболее действенных способов назывался предварительный арест потенциальных беглецов, с тем чтобы их «потом присоединить к семье». А чтобы заранее не спугнуть никого, то вся предварительная работа по точному выявлению и учету на селе кулацких семейств должна была проводиться «под видом налоговой, заготовительной работы, проверкой выполнения трудовинности и т. д.».

Но в реальной жизни нередко все было не так гладко.

Пример — работа Гжатской районной тройки. Протокол заседания от 15 марта 1931 г. Всего рассмотрены материалы на 41 семью. Из них отказано в выселении 16 семей по причине «отсутствия муж-

чин». Прочитируем одно из подобных решений: «Материал на кулацкое хозяйство Никольского сельсовета селен. Поповка Белова Федора Ефимовича. Индивидуально обложен за ростовщичество. Хоз-во 28/29 г. Пашни 14, лугу 0,80, посев 11,03, лошадей 1, коров 2, мелкий скот 1, доход от с.х. 850 рублей. Всего доходу 1261 р., налога 266 руб. 29/30. Пашни 14, лугу 0,80, посева 10, лошадей 2, коров 2, мелкий скот 1, доход от с.х. 896 р. Всего доходу 1836 рублей, налога 437 р. Семья[:] Белов Федор 70 л., Поповка, дочь Пелагея 40 л., Москва, сын Филипп 35 л., Москва, невестка Евзефа 42 г., Поповка, сын Александр 26 л., Москва, невестка Валерия 25 л. в Москве, внучка Мария 17 л. и внук Владимир 13 л., Поповка. Воздержаться за отсутствием мужчин».

Данная семья вовремя сориентировалась и нашла путь избежать раскулачивания — она «избавилась» от «лишних трудоспособных» мужчин, отправив их в Москву.

То же сделал и Федор Кузьмин, отослав в Москву двоих сыновей в возрасте 23 и 30 лет. Но у него не получилось. Он проживал в деревне Рытое с женой и еще пятью детьми-подростками. Хозяйство Кузьмина мало чем отличалось от Белова по своей мощности. Однако его раскулачили и выселили, поскольку возраст его был «вполне подходящий» — 51 год.

Еще шесть семей Гжатская райтройка оставила до выяснения дополнительных обстоятельств их положения. Таким образом, фактически половина представленных к выселению семей не была утверждена. При подобном отношении к делу поставленную задачу выполнить району и области было бы, конечно, довольно трудно.

Тем не менее областное руководство заранее подстраховалось. Эту «тайну» раскрывает в своем письме-отчете в марте 1931 г. на имя председателя облисполкома Ракитова особоуполномоченный Шацкий. 19 марта он пишет, что уже в течение суток, сев на дрезину, объехал лично Издешково, Сафоново, Ново-Дугино, Сычевку, Ржев, Темкино, Износки, Медынь и Бухарино. По этому сектору для выселения было распределено 1880 хозяйств. А далее идет «тайна»: «Это из расчета 10 000 на область, из расчета же 7 000, о котором здесь, кроме меня никто не знает, нам нужно выселить 1274 из 17-ти районов, а имеем на сегодня 1346, так что эту цифру даже с некоторым отсевом, есть уверенность, что выполним во всякое время, за 1200 хозяйств я твердо уверен».

Из письма очевидно, что центральное задание для области было в 7000 кулацких хозяйств, а для подстраховки по районам было распределено на 3 тысячи больше — 10 тысяч хозяйств. Первая цифра

называется в меморандуме Ягоды в адрес ПП ОГПУ Западной области Лепину от 7 марта 1931 г. № 154: «С 15 по 30 марта необходимо вывезти из Западной области на Урал 7000, повторяю 7000 семейств кулаков 2-й категории»²⁸.

Выполнение установок центра немного отодвинул меморандум от 11 марта 1931 г., в котором запрещалось начинать операцию до особых указаний Москвы. А 15 марта сроки исполнения были изменены на период с 25 марта по 9 апреля 1931 г. Но цифра в 7000 семей не изменялась.

Количество человек, подлежавших отправке на Урал с территории непосредственно Смоленщины, можно с высокой долей точности подсчитать по списку ОГПУ железнодорожных погрузочных пунктов для вывоза кулацких семей из Западной области. Они были готовы к 15 марта в полном соответствии с вышеназванными меморандумами и приказами ОГПУ. Всего по области было определено 66 сборных пунктов. Из них на Смоленщине — 18. Это были железнодорожные станции, в основном в райцентрах, и объединяли они, как правило, несколько близлежащих районов. Так, например, на сборный пункт в Ярцево должны были доставляться кулаки из Ярцевского, Батурина, Пречистенского и Духовщинского районов; в Рудню везли не только кулаков своего района, но еще и Демидовского и Велижского, как не имевших своего железнодорожного сообщения. Общее количество кулаков и членов их семей составляло, в соответствии с указанным списком, 12 560 человек²⁹.

В конце июня 1931 г. полномочный представитель ОГПУ Западной области Лепин отправил на имя заместителя председателя ОГПУ Ягоды письмо с просьбой разрешить увеличить утвержденную ранее квоту на выселение из области дополнительно к 7000 еще 2000 кулацких семей. Он сослался на соответствующее решение обкома ВКП(б) и аргументировал просьбу цифрами о том, что успешная борьба с кулачеством дает резкий рост процента коллективизации — 6,9 % в июне 1930 г. и 41,7 % к июню 1931 года³⁰. В июле областное руководство получило «добро» из Москвы на свою просьбу. В письме Ягоды указывались предварительные и очень сжатые сроки — с 5 по 10 августа 1931 г., по одному эшелону ежедневно³¹.

²⁸ Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 9. Пор. 549. Л. 30.

²⁹ Там же. Л. 36–39.

³⁰ Там же. Пор. 538. Л. 130.

³¹ Там же. Л. 131.

Были в нем и довольно существенные детали. Так, например, отдельно оговаривалось, что детей выселяемых кулаков в возрасте до 10 лет следовало оставлять в местах их проживания у родственников или знакомых, изъявивших желание их содержать. Добавлялся пункт о том, что на каждые пять кулацких семей следовало иметь одну-две лошади со сбруей, трехмесячный запас фуража и сельхозинвентарь (плуг, борона и т. д.)³². Все это подлежало отправке отдельными эшелонами. Однако, как это следует из меморандума Ягоды в Смоленск Лепину от 30 июля 1931 г. № 624, эти планы на дополнительное выселение были Москвой отменены³³. Непосредственно для Смоленщины их реализация означала бы отправку на Урал еще 2855 человек³⁴.

В целом в территориальных рамках Западной области, административным центром которой являлся г. Смоленск, за период с 1 января по 1 мая 1931 г. было вывезено 7308 семей.

В донесении заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды на имя Сталина от 12 октября 1931 г. приведены итоговые данные по стране: «Выселение кулачества из районов сплошной коллективизации, производившееся с 20 марта по 25 апреля с. г. и с 10 мая по 18 сентября, закончено. За это время перевезено 162 962 семьи, из них: мужчин — 242 776, женщин — 223 834, детей — 320 731. В 1930 г. было перевезено всего 77 795 семей (371 645 чел.), из них мужчин — 123 807, женщин — 113 653, детей — 134 185»³⁵.

Почему в донесении Ягоды окончание высылки определено конкретной датой — 18 сентября 1931 г.? Это следует из приказа ОГПУ № 531/289 от 18 сентября того же года, который был подготовлен «в связи с прекращением массовых операций по выселению кулацких семей в отдельные районы Союза». Согласно этому документу, выселение из районов сплошной коллективизации разрешалось, но делать это можно было в индивидуальном порядке «небольшими группами». Выселению подлежали исключительно кулацкие элементы. Проведение мероприятий ограничивалось рядом условий. В числе обязательных условий указаны были следующие: в составе семьи должны быть трудоспособные мужчины; семья должна быть обеспечена «натурфондами по установленным нормам»; была необходима предварительная санкция органа ОГПУ.

³² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Пор. 538. Л. 131–132.

³³ Там же. Л. 134.

³⁴ Посчитано по списку железнодорожных погрузочных пунктов для вывоза указанного дополнительного контингента. Там же. Л. 135–139.

³⁵ История сталинского ГУЛАГА... Т. 1. С. 115–116.

Категорически запрещалось выселять кулацкие семьи, в составе которых были командиры РККА, красноармейцы, рабочие, связанные с производством, а также бывшие красногвардейцы, красные партизаны и лица, имевшие заслуги перед революцией. Также не рекомендовалось высылать молодых членов семьи, занятых самостоятельным трудом или порвавших тесные связи с родными.

Органы ОГПУ на местах обязывались не допускать учет крестьянских хозяйств, ошибочно отнесенных к кулацким, участвовать в деятельности местных исполкомов по учету кулацких семей³⁶. Тем самым приказ ОГПУ от 2 февраля 1930 г. № 44/21 «О ликвидации кулака как класса» был в некотором смысле отменен.

В одном из последних приказов ОГПУ 1931 г. (№ 768/414 от 19 декабря) утверждалась инструкция, которая уточняла категории кулацких хозяйств и их семей. Выделялись хозяйства, в которых были: трудоспособные мужчины-кулаки, «пролезшие в колхозы, совхозы и находящиеся вне их»; а также репрессированные трудоспособные главы и члены семей, находившиеся в местах заключения. Относительно семей кулаков следовало различать те, в которых не было работоспособных (в результате их репрессий), находившихся «в бегах» (работали на предприятиях, стройках и шахтах, осевшие в городах) или же по другим причинам (болезнь, смерть и т. д.). Кроме того, учитывались кулацкие семьи, полностью скрывшиеся с постоянного места жительства. Особо выделялись, независимо от трудоспособности, члены семей, в составе которых были военнослужащие РККА и флота, рабочие на производстве и граждане, имевшие революционные заслуги.

Тем самым это означало, что вопрос о ликвидации кулачества к тому времени еще не был окончательно снят с повестки дня. Еще строились планы на предстоящий год. Что и подтвердилось в практической работе соответствующих органов.

В апреле 1932 г. ОГПУ дало «ориентировочный расчет» на переселение кулацких хозяйств в течение текущего года. Всего по стране было учтено кулацких хозяйств с наличием в них трудоспособных глав семейств 85 775 (в Западной области — 2060), из них необходимо было выселить 38 650 хозяйств (по области — 1000). В протоколе комиссии ЦК ВКП(б) по спецпереселенцам, утвержденном политбюро 4 мая 1932 г., количество семей для выселения определялось

³⁶ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3. (1930–1934 гг.). Кн. 2. (1932–1934 гг.). С. 685.

цифрой в 38 300³⁷. С территории Смоленщины выселение в Северный край планировалось провести в течение одного месяца — июня. Однако уже 16 мая 1932 г. все эти решения были отменены тем же политбюро, а ОГПУ было предложено «отдельные контрреволюционные злостные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального ареста»³⁸.

Смоленские архивные материалы свидетельствуют, что к концу 1932 г. деревня уже не оказывала какого-либо активного сопротивления процессу коллективизации. Колхозы повсеместно становились преобладающей формой сельскохозяйственного производства. Наиболее активная часть кулачества была выселена, другая раскулачена и оставлена для хозяйствования в границах своих территориальных округов.

* * *

К этому времени уже не приходится говорить и о каких-либо активных, а тем более массовых формах крестьянского сопротивления государственной политике в деревне. Подавление его силовыми структурами было также предсказуемо и неизбежно, как предсказуемо было на первом этапе и само крестьянское сопротивление.

Непрятие жесткой налоговой политики государства и начавшегося давления на крестьян с целью активизации процесса коллективизации вызвало серьезное сопротивление деревни уже в 1929 г. Самой радикальной его формой стали террористические акты против деревенского актива и должностных лиц. В целом за 1929 г. количество террористических актов увеличилось по стране в разы: с полутора тысяч до 9093 случаев. Половина всех зарегистрированных в 1929 г. терактов (4688) падала на 4 месяца (август–ноябрь) — на период наибольшей напряженности на селе.

Для усмирения деревни были использованы все средства: и судебные, и административные, и внесудебные. Главным инструментом подавления крестьянского возмущения стали органы ОГПУ.

В середине сентября руководством ОГПУ «были даны конкретные указания ряду ПП (полномочных представительств. — Е. К.) наиболее хлебных районов о выравнивании линии удара по кулаку, злостному держателю излишков, и спекулянтским элементам».

³⁷ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2-х кн. / Отв. ред. и составитель Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004. Кн. 1. С. 537.

³⁸ Там же. С. 543.

Тогда же на места ушло циркулярное письмо ОГПУ «О борьбе с деревенской контрреволюцией». В нем имевшие место массовые выступления в деревне определялись как «начавшиеся в значительном количестве с конца марта — начала апреля». Задача ставилась в первую очередь на предупреждение антисоветских выступлений в деревне через оперативную работу органов ОГПУ, а не на подавление уже происходивших. Дела по терактам предписывалось рассматривать только во внесудебном порядке.

Перелом наступил после 3 октября 1929 г., когда политбюро ЦК ВКП(б) направило в органы ОГПУ и Наркомюста директиву «Об усилении репрессий». В ней указанным ведомствам поручалось «принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпарработников и другие контрреволюционные выступления». Такие дела предписывалось проводить, «как правило, через судебные органы», но «в отдельных случаях, когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ». Буквально через день, 5 октября 1929 г., эту партийную установку продублировал по своей структуре Наркомюст РСФСР. Дела, «когда действительно требуется немедленная реакция», разрешалось проводить через органы ОГПУ. Другими словами, внесудебное разбирательство выдвигалось на первое место.

Число арестов стремительно возрастает: к 24 октября 1929 г. ОГПУ насчитывает уже 17 904 арестованных, а к 31 декабря — 95 908 человек. И это еще до начала массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса, когда крестьянство выразило свое несогласие лишь с хозяйственными кампаниями в деревне.

Основной в репрессивной практике становится к этому времени ст. 58 УК РСФСР, в которой все перечисленные действия квалифицировались как контрреволюционные. В соответствии с этой статьей, введенной в судебную практику еще в феврале 1927 г., контрреволюционным признавалось «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти... или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

Наиболее часто в практике судебных и внесудебных органов при подавлении крестьянского сопротивления государственной политике в деревне будут применяться части 8, 9 и 10 данной статьи.

Статья 58-8 гласила: «Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей

революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации», влекут за собой расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства, при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

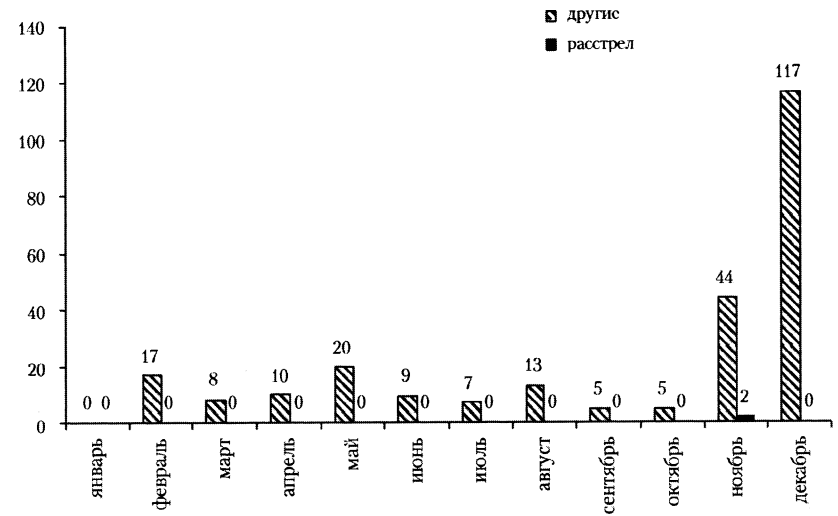
Статья 58-9 за разрушение или повреждение с контрреволюционной целью «взрывом, поджогом или другими способами... общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества» определяла меру наказания — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства, а при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

Статья 58-10 — «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания» — предусматривала лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Опираясь на эту статью Уголовного кодекса, один из смоленских губернских руководителей А. Шацкий уже при проведении сельскохозяйственных кампаний 1929 г. требовал наиболее решительного применения террора против сопротивляющихся крестьян. «Если сейчас не ударить по физическим и моральным убийцам, если нескольких не расстрелять, то они обнаглеют еще больше». Он ратовал за ускоренную процедуру наказания, без утверждения обвинительных актов политической комиссией республики, «с тем чтобы в течение 5 дней с момента совершения террористического акта выносить соответствующие решения. Если порядок утверждения обвинительных актов не будет изменен и кулаки не понесут немедленного наказания, вытекающего из 58 ст., то хлебозаготовительная кампания будет сорвана».

Следует признать, что в целом на протяжении почти всего 1929 г. репрессивные органы Смоленщины не последовали подобного рода призывам, и в течение года по линии ОГПУ было репрессировано 257 человека. Причем две трети из них — в ноябре и декабре, когда в деревне началось активное сопротивление массовой коллективизации.

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано в 1929 г. (257 чел.)

С самого начала 1930 г. государство начинает проводить жесткую политику по переводу сельского хозяйства на коллективные формы землепользования. Первая волна массовой коллективизации достигла своего пика в феврале 1930 г., когда в колхозы были объединены почти 8 миллионов хозяйств. Без силового давления со стороны центральных и местных властей такие темпы были невозможны. Поэтому именно с этого времени деревня стала оказывать наиболее активное сопротивление натиску государства. 1930 год признается большинством исследователей как год наивысшего проявления крестьянской активности масс, направленной против коллективизации и раскулачивания.

В отличие от периода 1928–1929 гг. в этот момент наиболее острой и самой опасной для власти формой крестьянского сопротивления государственной политике в деревне стали *массовые крестьянские выступления*.

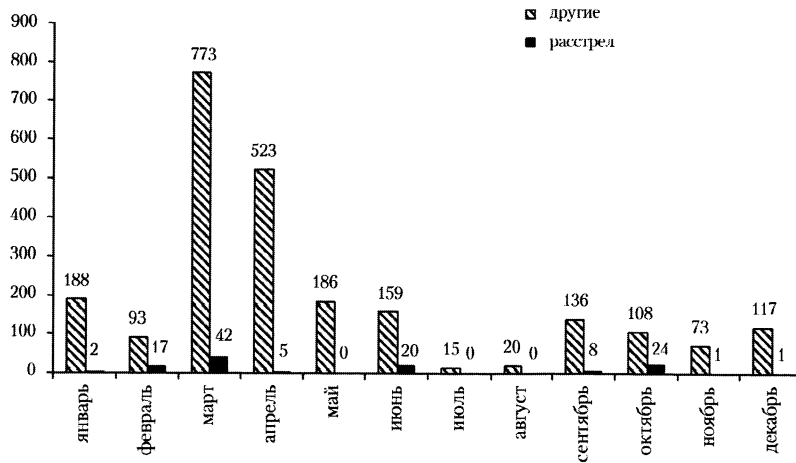
В своем исследовании «Крестьянская война в СССР» итальянский историк Андреа Грациози приводит следующие цифры по 1930 году: всего в стране имели место 13 754 случая крестьянских выступлений (в десять раз больше, чем в 1929 г.). Причем почти половина из них пришлась на март — 6528, а в апреле данный показатель уже снизился до 1992. Более чем в 7380 случаях беспорядки были направ-

лены против коллективизации; в 2339 — против арестов или высылки «антисоветских элементов»; в 1487 — против закрытия церквей. Крестьянские выступления в это время были, как считает Грациози, уже не стихийным выражением недовольства, а подготовленным и организованным протестом с выдвижением ряда требований: возвращение обобщественного и реквизированного имущества; возвращение имущества сосланных семей; роспуск комсомола, который они единодушно считали организацией шпионов и провокаторов; уважение религиозных чувств и обычаев; свободные выборы сельских советов; прекращение реквизиций; свобода торговли.

Пик крестьянского сопротивления государственной политике в деревне пришелся, как отмечалось ранее, на март–апрель 1930 г. Соответствующей была и реакция со стороны репрессивных органов. Как видно из диаграммы, в смоленской деревне половина репрессированных крестьян за весь 1930 год пришлась на те же месяцы — март и апрель.

Приложение 25

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано в 1930 г. (2511 чел.)

В справке ОГПУ о противодействии кулачества политике коллективизации от 17 ноября 1930 г. утверждалось, что «резкое снижение антисоветских выступлений на селе в мае 1930 г.» свидетельствовало о том, что «удар по кулачеству был проведен в момент его наибольшей подготовленности к борьбе с Советской властью» и что это поз-

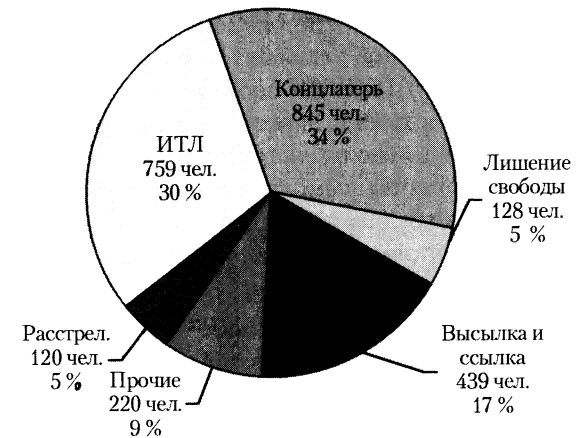
волило лишить деревню «основных руководящих контрреволюционных кадров и контрреволюционного актива»³⁹.

На Смоленщине из всех репрессированных за 1930 г. основная масса крестьян была приговорена тройками — 1906 человек. Далее шли областная коллегия ОГПУ — 456 человек и Особое совещание ОГПУ — 113 человек.

Концлагерь, исправительно-трудовые лагеря и высылка стали основными мерами наказания в этот период. Под расстрел попали пять процентов репрессированных.

Приложение 26

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Осуждено органами репрессии в 1930 г. (2511 чел.)

Беспощадная расправа с участниками массовых выступлений в 1930 г., лагеря для «первокатегорников», высылка раскулаченных по «второй категории» и разорение тех, кто попал в «третью категорию», устранили из деревни социально-активных крестьян и привели к сокращению масштабов крестьянских выступлений, качественному изменению их форм.

В целом по сравнению с 1930 г. произошло резкое сокращение массовых выступлений в деревне. Так, если за первые девять месяцев 1930 г. ОГПУ было зарегистрировано 13 264 таких выступления, то в 1931 г. — всего 1887.

³⁹ Трагедия советской деревни... Т. 2. (Ноябрь 1929 — декабрь 1930 гг.). С. 709.

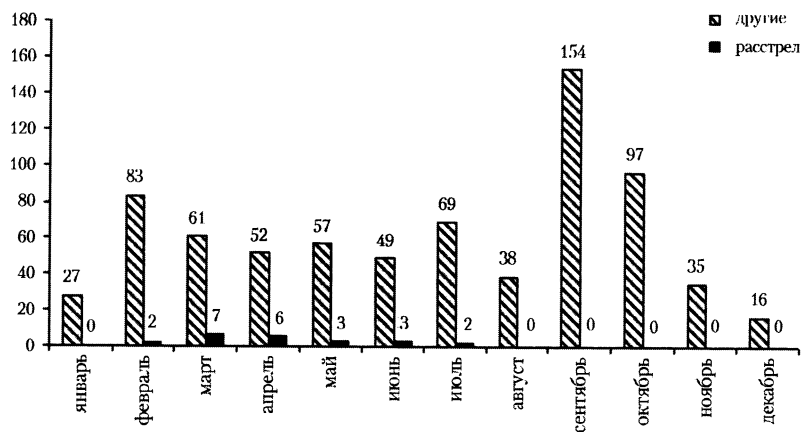
Есть этому и еще одно существенное объяснение. В мае 1931 г. в связи с ликвидацией кулачества в главных сельскохозяйственных районах страны была значительно ограничена компетенция троек. Они лишились права самостоятельного вынесения приговоров о применении высшей меры наказания. Такие приговоры подлежали теперь утверждению коллегией ОГПУ.

Это не замедлило сказаться и на масштабах репрессивной практики органов ОГПУ в 1931 г.

На Смоленщине начиная с мая динамика репрессий пошла резко на убыль, оставаясь фактически на минимальном уровне даже в осенний хлебозаготовительный период.

Приложение 27

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано в 1931 г. (761 чел.)

Очередной 1932 год начался новым всплеском репрессий со стороны ОГПУ.

В значительной мере это было вызвано ростом крестьянского сопротивления в связи с обострившимися проблемами в колхозном строительстве: хлебозаготовительные трудности, голод, социальная напряженность на селе.

В целом по Западной области зимой 1932 г. резко возросло количество участников массовых выступлений крестьян. В сводке ОГПУ давалась следующая динамика: октябрь 1931 г. — 2 случая и 35 участников, ноябрь — 2 и 110, декабрь — не было, январь 1932 г. — 2 случая и 30 участников, февраль — 6 и 530, март — 2 и 200, всего 14 массовых выступлений крестьян с участием 905 человек.

К осени ситуация накалилась еще больше.

Но именно в это время власти от прямого насилия при проведении в жизнь политики на селе переходят к серии нормативных актов, которые должны были закрепить «успехи» прежней политики. Происходит смена образа «врага» — с «классового фронта» в плоскость противостояния государственности и социальной стихии. На фоне обеспечения заготовок издается постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Теперь считалось, что «общественная собственность является основой советского строя, она священна и неприкосновенна», все, кто на нее посягал, должны были считаться врагами народа, и с ними нужно было поступать соответственно. За кражу товаров на транспорте, за кражу колхозного и кооперативного имущества приговаривали к смертной казни, а в случае смягчающих обстоятельств — к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

16 сентября 1932 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Инструкцию по проведению закона об охране общественной собственности». В ней уточнялось, что под действие закона от 7 августа 1932 г. попадали хищения собственности: промышленной, совхозной, государственных торговых организаций, колхозной, кооперативной, грузов на железнодорожном и водном транспорте и местном автотранспорте.

«Расстрел, без послабления», следовало применять по делам об организациях и группировках, «организованно разрушающих государственную, общественную и кооперативную собственность путем поджогов, взрывов и массовой порчи имущества»⁴⁰.

Та же мера должна была применяться в отношении «кулаков, бывших торговцев и иных социально чуждых элементов... избалованных в хищениях имущества или растратах крупных денежных сумм».

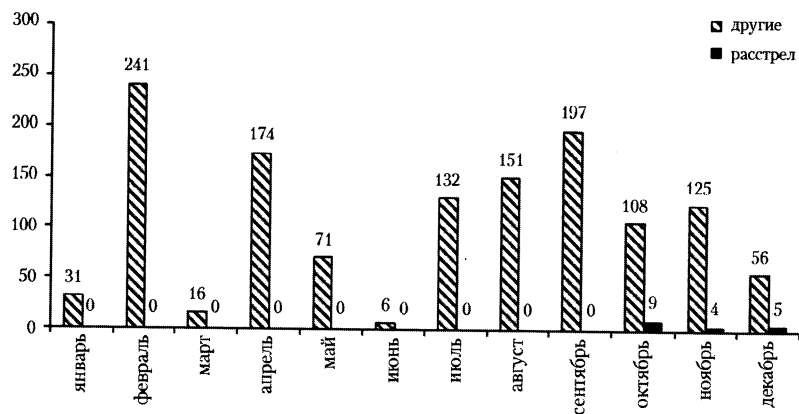
В отношении кулаков, «как проникших в колхоз, так и находящихся вне колхоза, организующих или принимающих участие в хищениях колхозного имущества и хлеба, применяется высшая мера наказания без послабления».

За те же самые действия, но со стороны «трудящихся одиночников и колхозников» мера наказания предполагалась 10 лет лишения свободы. При отягчающих обстоятельствах и эти категории попадали под высшую меру наказания.

Отсюда и рост репрессивной практики государства в деревне осенью 1932 г.

⁴⁰ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина... С. 322.

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано в 1932 г. (1326 чел.)

Реализация постановления от 7 августа 1932 г. в масштабах РСФСР вылилась в значительные цифры репрессированных. В докладной записке председателя Верховного суда СССР А. Н. Винокурова Президиуму ВЦИК «О работе судов РСФСР по охране социалистической собственности в соответствии с законом от 7 августа 1932 года» содержалась следующая статистика: с 7 августа 1932 г. по 1 января 1933 г. было расстреляно 1646 чел., приговорено к 10 годам лишения свободы 37 695 чел., за период с 1 января по 15 июля 1933 г., соответственно, 5808 и 114 796 чел. Всего же за это время было осуждено 135 571 чел.⁴¹ При этом кулаков чаще приговаривали к расстрелу — 32,7 % за первый период отчета и 27,9 % — за второй. Одинаково (по 7,5 % и 7,4 %) в процентном отношении получали сроки по 10 лет бедняки. А больше всего 10 лет лишения свободы получали колхозники — 29,3 % и 32,1 % соответственно за указанные А. Н. Винокуровым два отчетных периода.

В Западной области на 1 января 1933 г. было привлечено к судебной ответственности по этому закону 1246 человек, из которых 20 были осуждены к высшей мере наказания; за период с 1 января по 1 июня 1933 г. — 3304 человека, из них 133 были приговорены к расстрелу (4 %), 3097 (94 %) — к 10 годам лишения свободы, а 74 человека (2 %) — к «прочим мерам социальной защиты»⁴².

⁴¹ История сталинского ГУЛАГА... Т. 1. С. 140.

⁴² Там же. С. 143.

Ситуация на местах осложнялась и массовой миграцией населения из охваченных голодом регионов страны.

Для борьбы с этим явлением в конце января 1933 г. ОГПУ направило на места директиву № 50031 «О пресечении массового выезда крестьян». Пришла она и в Смоленск. Директива была связана с голодом на Украине, но события преподносились в ней как массовый выезд крестьян, организованный «остатками вскрытых нами эсеровских и петлюровских контрреволюционных организаций», что являлось «лучшим методом распространения контрреволюцией провокационных слухов против колхозов и соввласти».

Местным ПП ОГПУ предписывалось «немедленно арестовывать всех пробравшихся с Украины... подвергая их тщательной фильтрации. Все злостные контрреволюционные элементы заключать в концлагеря, остальных водворять в места их жительства, отказывающихся от возвращения направлять в кулацкие спецпоселки в Казахстан»⁴³.

Во исполнение этой директивы в Западной области были задержаны только с 27 по 30 января 1933 г. 2373 человека, из них направлены к месту жительства — 410, привлечены к ответственности — 449, 1514 подверглись фильтрации⁴⁴. За первую декаду февраля в области было задержано 2742 человека. Всего за это время, включая прошедших фильтрацию из задержанных ранее, было возвращено к месту постоянного жительства 3687 человек⁴⁵. За первую декаду марта 1933 г. из Западной области было возвращено 4097 человек, а задержано 5115, из которых 432 были «отобраны для привлечения к ответственности»⁴⁶.

Весной 1933 г. смоленская деревня продемонстрировала свои последние попытки слабого сопротивления. Оно вылилось в акты индивидуального террора, причем совершенно незначительного масштаба в сравнении с 1930 г.

Объектами террора в основном оставались представители советской власти. Так, 25 марта 1933 г. в деревне Липовка Утехинского сельсовета Рославльского района «на почве классовой мести» произошло покушение на убийство председателя колхоза имени Сталина Паробаева. 26 марта 1933 г. вечером «на дороге в 4 километрах от города Рудни неизвестным лицом был произведен выстрел в проходившего

⁴³ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3. Кн. 2. (1932–1934). С. 262–263.

⁴⁴ Там же. С. 265.

⁴⁵ Там же. С. 275.

⁴⁶ Там же. С. 346.

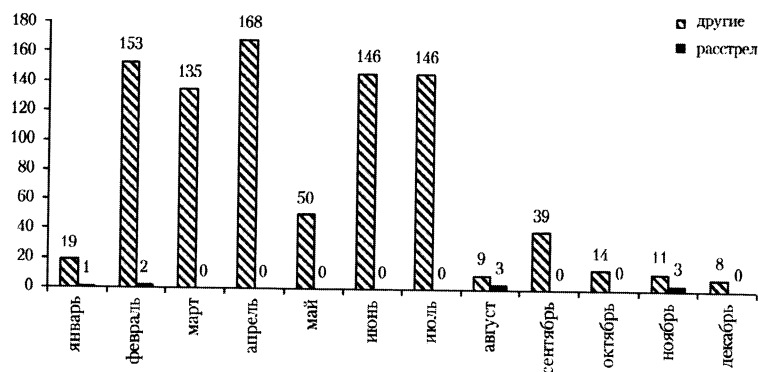
к себе в деревню секретаря ячейки ВКП(б) Василенко Ксенофонта, каковой оказался раненным в ногу». 7 апреля 1933 г. в Рассказинском сельсовете Сафоновского района «был избит уполномоченный рика Алексеев».

С лета 1933 г. государство начинает отказываться от прямых репрессий и насилия в отношении крестьянства. Это было связано с тем, что урожай оказался хорошим, поставки государству были выполнены. 5 сентября 1933 г. в своей речи перед председателями передовых сельских советов Западной области М. И. Калинин говорил, что «к 1 сентября сего года... мы собрали в три раза больше, чем в 1932 году». Процент коллективизации вновь начал расти. К концу 1933 г. две трети хозяйств области были коллективизированы, что фактически означало победу колхозного строя в Западной области и на Смоленщине в частности. Сопротивление власти уже не только не имело в деревне соответствующих социальных сил, но по большому счету и смысла.

В это время репрессии по линии ОГПУ пошли на убыль и к концу года на территории Смоленщины, по сути, прекратились.

Приложение 29

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 г.
Репрессировано в 1933 г. (907 чел.)

В немалой степени этому способствовала и особая Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры от 8 мая 1933 года⁴⁷. Она была не только секретной, но и не подлежала печати. Вначале в ней давалось объяснение жесткой политики государства по отношению к кулаку:

⁴⁷ «Инструкция всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры» от 8 мая 1933 года за подписями Председате-

«Отчаянное сопротивление кулачества колхозному движению трудящихся крестьян, развернувшееся еще в конце 1929 г. и принявшее форму поджогов и террористических актов против колхозных деятелей, создало необходимость применения советской властью массовых арестов и острых форм репрессий...». Они продолжались в течение трех лет. В итоге эти «три года борьбы привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне», а «колхозное движение укрепилось прочно», и «полная победа колхозного строя в деревне обеспечена».

В такой ситуации уже не требовалось массовых репрессий в деревне. Однако на местах такая практика все еще оставалась обычным делом. Особенно в части производства арестов. В документе констатировалось, что арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов, председатели сельсоветов и секретари ячеек, районные и краевые уполномоченные... — все, кому только не лень и кто не имеет никакого права арестовывать. «Не удивительно, — заключалось в инструкции, — что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разобраться»».

Подобного рода практика категорически запрещалась, производство арестов разрешалось только органам прокуратуры, ОГПУ или начальникам милиции. Следователи могли производить аресты только с предварительной санкции прокурора. Аресты, производимые начальниками милиции, должны были подтверждаться или отменяться районными уполномоченными ОГПУ или прокуратурой по принадлежности не позднее 48 часов после ареста.

Заключение под стражу до суда могло быть применено только к лицам, обвиняемым по делам о контрреволюции, террористических актах, вредительстве, бандитизме и т. д. Кроме того, органы ОГПУ могли производить аресты без предварительного согласия прокуратуры по делам, связанным с политическим бандитизмом, террористическими актами, взрывами, поджогами.

Однако эти новые методы работы никак не означали изменения общей политики по отношению к кулачеству: «...классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться... Поэтому не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы с классовым врагом».

25 мая 1933 г. Президиум ЦКК ВКП(б) и Коллегия наркомата РКИ СССР в развитие директивы от 8 мая направили на места пись-

ля СНК СССР В. Молотова и Секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина. Цит. по: «Смоленский архив». Д. 231. Л. 121–121 об.

мо. В нем КК-РКИ предписывалось периодически проверять правильность содержания под стражей граждан, арестованных органами милиции, следствия и ОГПУ, «в первую очередь принимая необходимые меры к освобождению через соответствующие органы неправильно задержанных и привлекая членов партии, виновных в необоснованных арестах, к партийной или судебной ответственности»⁴⁸.

При этом классовый подход оставался определяющим. При проведении хозполиткампаний судебные органы должны были применять лишение свободы «только в отношении кулаков и организаторов саботажа и хищений, избегая, как правило, применения лишения свободы к середнякам и колхозникам, заменяя его другими мерами социальной защиты (штраф, конфискация имущества, принудительные работы, общественное порицание, условное осуждение)».

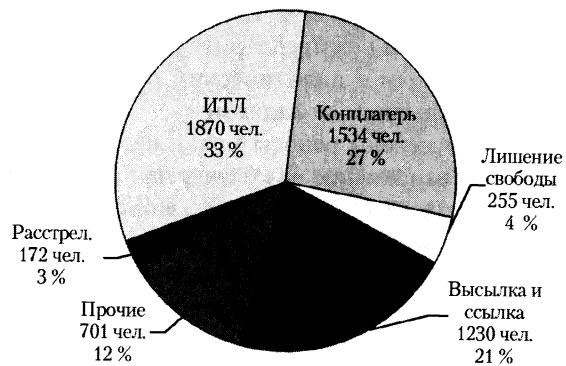
* * *

В целом органы ОГПУ возложенную на них функцию подавления крестьянского сопротивления государственной политике в деревне выполнили в полном объеме. За 1929–1933 гг. всего на Смоленщине было репрессировано 5762 человека.

Меры наказания существенно ранжировались по количеству осужденных. Треть репрессированных (33 %) были направлены в исправительно-трудовые лагеря, каждый четвертый (27 %) — в концентрационные лагеря, 21 % — в ссылку. Высшая мера «социальной защиты» — расстрел — была вынесена в отношении 172 человек, что составило 3 % от общего числа репрессированных органами ОГПУ.

Приложение 30

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано за 1929–1933 гг. (5762 чел.)

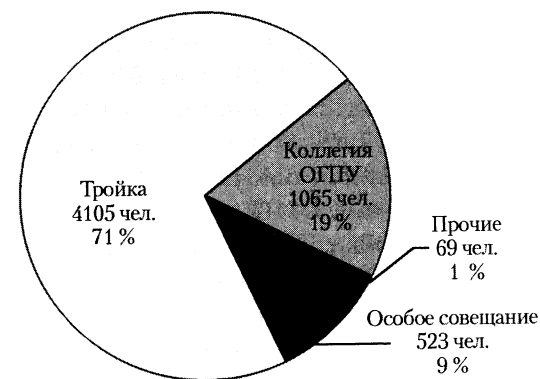
⁴⁸ «Смоленский архив». Д. 178. Л. 136.

Большая часть крестьянства была репрессирована по части 10 (антисоветская агитация) и части 11 (участие в контрреволюционной организации) статьи 58 Уголовного кодекса Российской Федерации — 52 % и 26 % соответственно.

Главным орудием возмездия для смоленского крестьянства стали внесудебные органы репрессии — тройки. За 1929–1933 гг. ими было осуждено 4105 человек (71 % от общего числа). Далее шли коллегия ОГПУ — 1065 человек (19 %) и Особое совещание — 523 человека (9 %).

Приложение 31

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Осуждено органами репрессии за 1929–1933 гг. (5762 чел.)

Таким образом, *главная роль в подавлении крестьянского сопротивления в указанный период была отведена практике внесудебной репрессии.* Не встали на сторону крестьянства в это время ни суд, ни прокуратура.

2.4. НКВД

В резолюции XVII съезда ВКП(б) (январь–февраль 1934 года) «О партийном и советском строительстве» говорилось о необходимости усиления личной ответственности руководителей советских и хозяйственных органов. В этих целях предлагалось «ликвидировать коллегии в наркоматах с оставлением во главе наркомата наркома и не более двух заместителей». Это решение также относилось и к ОГПУ, поскольку и в нем существовала коллегия.

На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 20 февраля 1934 г. Сталин внес вопрос об организации союзного Наркомата внутренних дел с включением в него реорганизованного ОГПУ. Была создана специальная комиссия по подготовке этого вопроса. Работа затянулась до середины лета. В итоге 10 июля 1934 г. политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение об образовании НКВД и Особого совещания при нем. В тот же день эти решения были оформлены Центральным исполнительным комитетом. Наркомом внутренних дел стал Г. Г. Ягода. Положение об Особом отделе будет принято только 5 ноября 1934 г. совместным постановлением ЦИК и СНК СССР. Положение о самом НКВД СССР не будет окончательно утверждено ни в 1934 г., ни в последующие годы. Однако структурные подразделения НКВД имели свои положения, утвержденные приказом наркома.

С образованием НКВД закончились внесудебные полномочия коллегии ОГПУ. Теперь большинство дел, расследованных НКВД, должно было передаваться на созданные в июле 1934 г. специальные коллегии областных, краевых и республиканских судов. Таким образом, внесудебные полномочия НКВД при его образовании были существенно меньше, чем у ОГПУ.

Упразднились тройки. Теперь расследуемые дела о государственных преступлениях должны были направляться по подсудности в соответствующего уровня суды, дела об измене родине, шпионаже, терроре, взрывах, поджогах и иных видах диверсий подлежали рассмотрению Военной коллегией Верховного суда СССР и военными трибуналами округов по подсудности.

10 июля 1934 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О работе судов и прокуратуры», во исполнение которого при Верховных республиканских, краевых и областных судах, а также при главных судах автономных республик были созданы специальные коллегии (спецколлегии) для рассмотрения уголовных дел о государственных преступлениях⁴⁹. К государственным, в первую очередь, относились «контрреволюционные преступления», предусмотренные статьей 58 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов союзных республик. Следственные дела по данным категориям преступлений обычно фигурировали в документах суда и прокуратуры под названием специальных дел (спецдел).

⁴⁹ Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 109–110.

Состав суда включал трех членов специальной коллегии с председательствующим во главе. Народные заседатели в рассмотрении судебно-следственных дел о контрреволюционных преступлениях участия не принимали. В этом было главное и наиболее существенное отличие специальных коллегий от народных судов, в которые направлялась основная часть следственных дел по уголовным преступлениям. При вынесении специальными коллегиями приговоров о высшей мере наказания судебно-следственные дела обязательно направлялись в верховные суды союзных республик для принятия окончательного решения независимо от того, был ли приговор обжалован или нет.

28 октября 1934 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило положение об Особом совещании при НКВД. За ним закреплялись следующие меры наказания: ссылка на срок до 5 лет с запрещением или без него проживания в крупных городах страны, заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до пяти лет.

Директивное письмо Верховного суда СССР от 7 марта 1935 г. в случаях явной «социальной опасности обвиняемого», но при отсутствии достаточных доказательств для вынесения обвинительного приговора позволяло выносить частные определения о передаче следственных дел на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР⁵⁰. В январе 1936 г. эта директива была отменена.

Специальные коллегии областных и иных вышестоящих судов просуществовали около четырех лет и были упразднены после принятия в августе 1938 г. закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Прежние функции спецколлегий были переданы судебным коллегиям по уголовным делам, в состав которых помимо члена суда входили два народных заседателя.

В документах, определявших деятельность специальных коллегий, оговаривалось, что определенная часть контрреволюционных преступлений была подсудна другим судебным инстанциям. Преступления «об измене родине, шпионаже, терроре, взрывах, поджогах и иных видах диверсий», квалифицировавшиеся по ст. 58-б, 8 и 9 УК РСФСР и совершенные «кем бы то ни было», были подсудны Военной коллегии Верховного суда СССР и военным трибуналам округов.

На военные трибуналы округов также возлагалась функция управления разветвленной сетью нижестоящих трибуналов различных

⁵⁰ История Сталинского Гулага... Т. 1. С. 226–227.

воинских формирований. В этих судебных инстанциях кроме того рассматривались дела обо всех контрреволюционных преступлениях, виновниками которых являлись военнослужащие и определенные категории сотрудников НКВД СССР — работники милиции, исправительно-трудовых учреждений и т. д.

В том случае, если контрреволюционные преступления были совершены на водном или железнодорожном транспорте, их рассмотрением занимались Водная и Транспортная коллегии Верховного суда СССР, линейные железнодорожные и водные суды.

Линейным железнодорожным судам были подсудны все следственные дела о контрреволюционных преступлениях, связанных с работой железнодорожного транспорта независимо от того, кем они были совершены — работниками железной дороги или прочими гражданами. Рассмотрение подобных дел в линейных судах так же, как и в специальных коллегиях, проходило без участия народных заседателей. Уголовные дела о контрреволюционных преступлениях разбирались так называемыми специальными составами (спецсоставами) линейных судов в количестве трех человек. После принятия закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик уголовные дела о контрреволюционных преступлениях стали рассматриваться в линейных судах при участии народных заседателей.

Деятельность железнодорожных судов имела ряд специфических особенностей и в буквальном смысле носила *линейный* характер. Территория подсудности совершенных преступлений распространялась на всю протяженность железной дороги независимо от административных границ.

Другая характерная особенность заключалась в том, что значительная часть судебных разбирательств проходила не в помещениях линейных судов, обычно располагавшихся при управлениях железных дорог, а на месте или вблизи места совершения преступления. Сотрудники линейного суда, входившие в состав выездной сессии, обычно приезжали на место слушания дела за несколько часов до начала процесса.

Приказом НКВД СССР № 00192 от 25 мая 1935 г. в союзных республиках, краях и областях были организованы внесудебные тройки, по сути являвшиеся местными ответвлениями Особого совещания и обладавшие примерно теми же полномочиями.

2.4.1. НКВД и другие репрессивные органы Смоленщины 1930-х гг.*

В середине и во второй половине 1930-х гг. на территории Смоленщины действовали различные судебные органы, занимавшиеся рассмотрением уголовных дел о контрреволюционных преступлениях. Основная часть следственных дел поступала в специальную коллегию Западного (Смоленского) областного суда. В зависимости от подсудности уголовные дела о совершенных на территории Смоленщины контрреволюционных преступлениях передавались на рассмотрение военного трибунала Белорусского военного округа (БВО), получившего в июле 1938 г. наименование Особого (БОВО), и действовавших на территории Смоленщины линейных железнодорожных судов.

Специальная коллегия при Западном (позднее Смоленском) областном суде была создана в 1934 г. Судебные слушания могли проходить как при участии, так и без участия сторон. Для рассмотрения уголовных дел о государственных преступлениях, совершенных в районах области, организовывались выездные сессии. Кассационной инстанцией являлась специальная коллегия Верховного суда РСФСР.

Примерно до середины 1936 г. на территории Смоленщины действовал линейный суд Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги, реорганизованной в мае 1936 г. в Западную и Калининскую железнодорожные магистрали. В этом же году часть Западной магистрали была выделена для создания Московско-Киевской железной дороги.

Западная железная дорога, управление которой находилось в Смоленске, являлась одной из важнейших железнодорожных коммуникаций СССР. Основная колея, не считая прочих участков, проходила по линии Москва — Минск и связывала административный и политический центр страны с западной границей СССР. Крупнейшими стан-

* Более подробно о деятельности органов НКВД на Смоленщине см.: *Макеев Б. В.* Деятельность органов прокуратуры и суда по расследованию уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937–1938 гг. (по материалам Западной и Смоленской областей). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2007; *Он же.* Андреевский процесс 1937 года — первый показательный политический процесс на Смоленщине // *Историю пишут аспиранты: Выпуск 4 / Под ред. Е. В. Коди-на. Смоленск, 2004. С. 103–123; и др.*

циями и узлами Западной железной дороги являлись Москва, Вязьма, Смоленск, Рославль, Витебск, Полоцк, Орша и Минск.

Московско-Киевская железная дорога также проходила по территории Смоленщины. Основными станциями на этом участке являлись Вязьма и Рославль. Управление Московско-Киевской железной дороги размещалось в Калуге.

Западная и Московско-Киевская железные дороги имели соответствующие линейные суды, в которых рассматривались уголовные дела о контрреволюционных преступлениях, связанных с работой этих магистралей. Поскольку Западная железная дорога была основной транспортной коммуникацией Смоленщины, большая часть судебно-следственных дел направлялась в одноименный линейный суд.

Линейному суду Западной железной дороги в равной степени были подсудны преступления, совершенные как на территории РСФСР, так и на территории БССР, невзирая на границу между союзными республиками. Разница была только в том, что на территории Белоруссии работники суда и прокуратуры руководствовались Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами БССР. Сотрудники военного трибунала Белорусского военного округа по такому же принципу руководствовались уголовными и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик.

Руководящие и ответственные должности, существовавшие в аппарате Западного (Смоленского) областного суда, включая работников спецколлегии, областной прокуратуры и областных органов НКВД, входили в номенклатуру обкома. В разные периоды времени — накануне массовых репрессий, в 1937–1938 гг. или в последующие годы — численность сотрудников данных учреждений варьировалась, а наименование штатных должностей менялось.

Состав специальных коллегий частично укомплектовывался за счет бывших сотрудников ВЧК–ОГПУ–НКВД. В конце 1934 г. по решению ЦК ВКП(б) в Смоленск для работы в спецколлегии Западного облсуда был откомандирован «чекист запаса» П. М. Онохин, более четырнадцати лет прослуживший в органах госбезопасности на «ответственной оперативной работе». В недавнем прошлом Онохин занимал должность начальника Ржевского райотдела полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Западной области.

В июле 1936 г. на партийном собрании работников областного суда он был выдвинут на должность председателя специальной коллегии. В августе 1937 г., продолжая работать в спецколлегии, Онохин был назначен исполняющим обязанности председателя Западного (поз-

днее Смоленского) областного суда. В апреле 1939 г., все еще занимая эту должность, он написал заявление на имя начальника УНКВД по Смоленской области капитана госбезопасности Е. И. Куприянова с просьбой принять его на работу в качестве сотрудника.

Помимо Онохина работниками специальной коллегии Западного областного суда в начале 1936 г. являлись еще двое бывших сотрудников НКВД — И. Г. Бондаренко и А. И. Игнатов. Бондаренко ранее возглавлял Навлинский райотдел ПП ОГПУ по Западной области, Игнатов состоял на службе в органах ОГПУ в качестве оперуполномоченного.

Во время массовых репрессий 1937–1938 гг. сотрудниками спецколлегии Западного (Смоленского) областного суда являлись также В. К. Андреев, А. Г. Оглоблин, Е. Ф. Филатова и М. С. Журов.

Андреев в начале 1936 г. работал в качестве председателя специальной коллегии. Остальные сотрудники в этот же период в спецколлегии не работали, но состояли работниками Западного областного суда. Практически все вышеперечисленные сотрудники специальной коллегии имели «нисшее», как обычно писали в анкетах того времени, образование.

В этом отношении они не на много отличались от руководящих работников Западного областного суда. Так, председатель облсуда Н. В. Адрианов имел незаконченное среднее, его заместитель С. С. Грачев среднее образование.

Основная часть работников специальной коллегии Западного (Смоленского) областного суда благополучно пережили период массовых репрессий. Имеются сведения о том, что член областного суда Бондаренко, по данным на сентябрь 1937 г., был арестован⁵¹. Адрианов и Грачев были смещены со своих постов летом 1937 г. и в ноябре этого же года арестованы сотрудниками НКВД. Вместо Адрианова исполняющим обязанности председателя Западного областного суда приказом наркома юстиции Н. В. Крыленко от 3 августа 1937 г. был назначен П. М. Онохин.

Бывший председатель Западного областного суда Н. В. Адрианов и его заместитель С. С. Грачев, обвинявшиеся по ст. 58-7, 8, 11 УК РСФСР, также относительно благополучно пережили период политических репрессий. Преступления обвиняемых были впоследствии переквалифицированы на ст. 111 УК РСФСР (халатность). Военная коллегия Верховного суда СССР 15 января 1940 г. приговорила каж-

⁵¹ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее — ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 158. Л. 100.

дого из них к двум годам заключения, но уже в июне 1940 г. оба осужденных были реабилитированы.

Прокуратура Западной (Смоленской) области непосредственно подчинялась прокуратурам РСФСР и СССР и подразделялась на областной и районный аппарат. В 1937–1938 гг. непосредственно на территории Смоленской области существовала только одна городская прокуратура, размещавшаяся в Смоленске.

В соответствии со ст. 108 УПК РСФСР, прокурорам и следователям прокуратуры были подследственны все «преступные действия», предусмотренные ст. 58 п. 2–14 УК РСФСР, или, другими словами, подавляющее большинство контрреволюционных преступлений. На практике же расследованием основной массы подобных уголовных дел в середине, и во второй половине 1930-х гг. занимались сотрудники органов госбезопасности НКВД⁵².

Сотрудники прокуратуры главным образом осуществляли надзор за следствием в органах НКВД, нежели занимались расследованием контрреволюционных преступлений. В структуре Западной областной прокуратуры существовал специальный отдел (спецотдел), в который должны были поступать следственные дела (спецдела) по контрреволюционным преступлениям перед направлением в суд. Специальный отдел областной прокуратуры возглавлял помощник областного прокурора по спецделам. Надзор за следствием в органах НКВД также могли осуществлять прокурор области или другие ответственные работники прокуратуры.

Надзор за следственными делами, поступавшими на рассмотрение Западного и Московско-Киевского линейных железнодорожных судов и военного трибунала Белорусского военного округа, осуществляли сотрудники транспортных прокуратур соответствующих железных дорог и военной прокуратуры Белорусского военного округа. В свою очередь, прокуратуры данных учреждений были непосредственно подчинены Главной прокуратуре железнодорожного транспорта и Главной военной прокуратуре, входившим в структуру центрального аппарата Прокуратуры СССР.

Согласно штатному расписанию, в феврале 1936 г. в номенклатуру Западного обкома ВКП(б) входили прокурор области, заместитель областного прокурора, шесть старших помощников и шестнадцать

⁵² По сведениям А. Я. Вышинского, приведенным в феврале 1936 года, примерно 90–95 % следственных дел «падало» на органы НКВД и только от 5 до 10 % дел возбуждалось и расследовалось органами прокуратуры. См.: История сталинского Гулага.... Т. 1. С. 220–222.

помощников областного прокурора, четверо старших следователей прокуратуры, 86 районных прокуроров и 36 помощников районных прокуроров.

В конце 1936 — начале 1937 г. в штате прокуратуры Западной области также насчитывалось свыше 80 народных следователей, действовавших на территории различных районов области и непосредственно города Смоленска. В городе Смоленске, Смоленском, Вяземском, Рославльском и Ярцевском районах количество народных следователей было больше одного. По данным на апрель 1936 г., в Западной области, состоявшей из 78 районов, имелся явный некомплект прокурорских кадров.

Как правило, на каждый район Западной (Смоленской) области приходилось по одному прокурору и по одному народному следователю, которые в основном и представляли аппарат прокуратуры в районе. Кроме прокурора и народного следователя, в районных прокуратурах могли быть предусмотрены должности помощников райпрокурора.

Народные следователи прокуратуры действовали в пределах определенного следственного участка. Чаще всего таковым являлся один из районов области. В отличие от них старшие следователи состояли непосредственно при областном аппарате прокуратуры и могли принять к производству следственное дело, возбужденное в любом районе области.

Основную массу следственно-прокурорских работников Западной области, особенно в районном аппарате прокуратуры, отличал низкий профессиональный и образовательный уровень. Положение с кадрами в органах прокуратуры оставляло желать лучшего, как в годы массовых репрессий, так и в предшествующий им период. Начиная с июля 1934 и до января 1936 г., были сняты с работы или освобождены от занимаемой должности 25 районных прокуроров. В отношении 10 человек это было осуществлено по таким мотивам, как «пьянство», «бытовое разложение», «отказ от работы», «извращение революционной законности» и «дискредитация» органов прокуратуры⁵³.

К началу 1936 г. около 45 % следственно-прокурорских работников Западной области никогда раньше в органах юстиции не работали, получили краткосрочную или вообще не имели специальной юридической подготовки. К числу последних принадлежали и 30 районных прокуроров.

⁵³ ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1551. Л. 82.

По результатам испытаний по юридическому минимуму, проведенным среди нескольких районов Западной области и завершённым осенью 1936 г., неудовлетворительные оценки по всем предметам получили 19 % и по отдельным предметам 25 % подвергнутых испытаниям работников прокуратуры. В целом был отмечен «недопустимо низкий» уровень юридических знаний прокуроров и следователей. Многие из них не знали времени издания действующего уголовного кодекса, не могли изложить определение преступления, путали между собой различные юридические понятия и т. д.

Темпы расследования уголовных дел в прокуратуре Западной области, по словам заместителя областного прокурора Г. И. Мельникова, были «скверными», общая работа следователей, по данным на октябрь 1936 г., «совершенно неудовлетворительна».

Уровень общего образования также оставлял желать много лучшего. Из 74 районных прокуроров Западной области в апреле 1936 г. высшее образование имели только четверо и среднее — шестнадцать человек. Образование остальных прокуроров было «нисшим».

Следственные дела подчас оформлялись с грубейшими орфографическими и стилистическими ошибками. Один из народных следователей, например, полагал, что в Германии существует монархия, другой не знал, кто такой Муссолини, и думал, что у власти в Италии находятся коммунисты.

Уровень общего и профессионального образования руководящих работников Западной областной прокуратуры был различным. Прокурор области М. Н. Еремин специального юридического образования не имел. Помощник областного прокурора Г. И. Мельников являлся выпускником факультета советского права Московского государственного университета. Прокурор города Смоленска А. Ф. Гиль закончил одногодичные юридические курсы. Помощник областного прокурора Б. А. Ершов являлся выпускником юридического факультета Киевского института народного хозяйства. Исполняющий обязанности начальника следственного отдела областной прокуратуры С. К. Бородич был, по его собственным словам, «самоучка».

Помощник прокурора по спецделам А. М. Тимошин также не имел к осени 1937 г. высшего образования. После разукрупнения Западной области Тимошин занял аналогичную должность в прокуратуре Орловской области. Помощником прокурора Смоленской области по спецделам был назначен Я. Н. Ерохов.

После смены областного руководства в июне 1937 г. началась массовая чистка аппарата Западной областной прокуратуры, проходившая под видом «переаттестации» районных прокуроров. Проку-

рор области М. Н. Еремин в докладной записке, переданной в июле 1937 г. в обком, сообщал следующее: «По Западной области остаются открытыми восемь прокурорских участков: Велижский, Дорогобужский, Пречистинский, Кардымовский, Хвостовический, Рогнединский, Погарский, Ильинский». По словам Еремина, необходимо было заменить прокуроров еще восемью районами области⁵⁴.

В следующем месяце Еремин был отстранен от должности прокурора Западной области и 31 августа 1937 г. арестован⁵⁵. В сентябре на его место был назначен С. П. Терентьев. После смещения Еремина обязанности прокурора Западной области исполнял его бывший заместитель — Г. И. Мельников.

По данным Терентьева, изложенным в докладной записке, присланной в Смоленский обком ВКП(б) в ноябре 1937 г., в ходе переаттестации районных прокуроров и после нее из органов прокуратуры было уволено 39 человек, «как допустивших в работе правотроцкистскую практику, как не внушающих политического доверия и т. д.». На прокурорскую работу были приняты «товарищи», не имевшие «ни практического опыта», ни должного образования, но которым предстояло обеспечивать «социалистическую законность» в области.

Из областного аппарата были уволены 14 человек оперативных и технических работников. Из районного аппарата прокуратуры было также уволено четыре помощника районных прокуроров и 12 народных следователей. Некоторые районные прокуроры лишились рабочих мест даже без всякой замены — в ноябре 1937 г. прокуроры отсутствовали в четырех из 49 районов Смоленской области.

Основательная чистка областной прокуратуры не была чем-то исключительным. Аналогичные процессы проходили по всей стране. По словам заместителя прокурора РСФСР А. А. Волина, «...в некоторых областях районные прокуратуры сменились за осень 1937 г. на 75 %, а кое-где и больше». По его же утверждению, на место уволенных сотрудников пришли «люди, юридически малограмотные»⁵⁶.

Массовые увольнения были относительно безобидным явлением по сравнению с той участью, которая была уготована некоторым прокурорским работникам в ближайшем будущем. Список сотрудников прокуратуры Западной (Смоленской) области, подверг-

⁵⁴ ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1757. Л. 35.

⁵⁵ Архив Управления ФСБ по Смоленской области (далее — АУ ФСБ СО). Д. 3585-с. Т. 1. Л. 358.

⁵⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-8131. Оп. 15. Д. 3. Л. 89.

нутых в 1937–1938 гг. репрессиям по политическим мотивам, открыл прокурор Спас-Деменского района И. В. Дуплячев, арестованный в феврале 1937 г. сотрудниками НКВД по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР. Дуплячев содержался под стражей в одной из тюрем Смоленска. Возбужденное против него уголовное дело было прекращено прокуратурой Западной области.

В августе 1937 г. по обвинениям по ст. 58-14 УК РСФСР был арестован бывший прокурор Кармановского района Н. К. Яновский, и в октябре 1937 г. по тому же делу заключен под стражу бывший народный следователь Антонов. Оба уголовных дела, в отношении Антонова в ноябре 1937 и Яновского в феврале 1938 г., были переданы из органов госбезопасности НКВД старшему следователю Смоленской областной прокуратуры для дальнейшего производства.

Вывинутые против Антонова обвинения были переквалифицированы на статьи 109 и 182 УК РСФСР. В ходе судебного разбирательства даже эти обвинения сочли чрезмерными и переквалифицировали их на ст. 112, ч. 2 УК РСФСР. В результате суд ограничился только тем, что и так уже было сделано, — увольнением Антонова с работы. Обвинения в отношении Яновского в ходе следствия были переквалифицированы на ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением), и дело передано в суд.

За две недели до ареста Еремина, 16 августа 1937 г., был арестован один из его бывших помощников Б. А. Ершов, отстраненный от работы в прокуратуре еще в июле 1937 г. Ершову при аресте было предъявлено обвинение по ст. 58-10, в то время как Еремину — «по признакам преступлений, предусмотренных ст. 58-14 УК РСФСР». Бывшие ответственные работники Западной областной прокуратуры были арестованы сотрудниками НКВД с санкций Г. И. Мельникова.

В октябре 1937 г. исполняющим обязанности начальника следственного отдела областной прокуратуры С. К. Бородичем было возбуждено уголовное дело по ст. 58-14 УК РСФСР в отношении старшего следователя прокуратуры Шустова. В следующем месяце дело было передано для дальнейшего производства в органы госбезопасности НКВД, где в марте 1938 г. оно было прекращено.

Был арестован как «враг народа» и около восьми месяцев содержался под стражей бывший прокурор Тумановского района член ВКП(б) Меренков. В конце концов Меренков, арестованный по решению начальника Тумановского РО УНКВД, был из-под стражи освобожден и в декабре 1938 г. восстановлен в партии.

Известно, что были репрессированы бывший помощник прокурора Рославльского района Н. Т. Елистратов и бывший прокурор По-

низовского района Р. Я. Юршевич. Елистратов был осужден Особым совещанием при НКВД СССР в феврале 1938 г. на восемь лет лишения свободы по ст. 58-8, 10, 11 УК РСФСР. Юршевича приговорили к расстрелу в так называемом «альбомном» порядке в январе 1938 г. в ходе проведения «латышской» операции НКВД.

Бывший помощник прокурора Западной области Т. А. Кронит, работавший перед арестом прокурором следственного отдела Прокуратуры СССР, был приговорен в марте 1938 г. военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания как «активный участник антисоветской латышской националистической шпионско-террористической организации».

В июне 1938 г. были отстранены от работы и арестованы как «враги народа» сразу несколько руководящих работников Смоленской областной прокуратуры: бывший заместитель областного прокурора Г. И. Мельников, бывший начальник следственного отдела Смоленской областной прокуратуры С. К. Бородич и бывший прокурор города Смоленска А. Ф. Гиль.

Кроме них по этому же делу, сфабрикованному в органах госбезопасности областного УНКВД при участии работников прокуратуры РСФСР и СССР, были арестованы бывший начальник следственного отдела Западной областной прокуратуры П. К. Богданов, к осени 1937 г. уже вообще не работавший в прокуратуре, и прокурор Вяземлага ГУЛАГа НКВД СССР М. В. Зайцев. Перед арестом Богданов работал заместителем заведующего облоно Смоленской области.

Почти в одно и то же время с арестами руководящих прокурорских работников в июне 1938 г. было прекращено уголовное дело в отношении бывшего помощника областного прокурора Б. А. Ершова, осужденного спецколлекцией Смоленского областного суда в декабре 1937 г. на шесть лет лишения свободы и три года поражения в правах по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР. Постановление о прекращении дела было вынесено одним из работников прокуратуры РСФСР и утверждено прокурором СССР А. Я. Вышинским.

После завершения предварительного следствия дела Мельникова, Бородича, Гиля и Зайцева в конце 1938–1939 гг. были переданы на рассмотрение военного трибунала Белорусского военного округа. Богданов умер в начале 1939 г. в больнице Смоленской тюрьмы, как было указано в медицинском заключении, «от туберкулеза легких».

По итогам судебного следствия по этому делу никто из вышеперечисленных работников прокуратуры Смоленской области, за исключением Богданова, серьезно не пострадал.

Бывший заместитель прокурора Западной (Смоленской) области Г. И. Мельников в общей сложности обвинялся по ст. 17-58-8, 58-7, 11 УК РСФСР. Дело Мельникова было прекращено 3 марта 1940 г. военным прокурором Калининского военного округа.

Бывший начальник следственного отдела Западной (Смоленской) областной прокуратуры С. К. Бородич был осужден 28 апреля 1939 г. по ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР военным трибуналом БОВО к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет. Приговор был отменен Военной коллегией Верховного суда СССР. Реабилитирован 10 марта 1940 года.

Бывший прокурор города Смоленска А. Ф. Гиль был осужден военным трибуналом войск НКВД 23 ноября 1939 г. по ст. 17-58-8, 58-10, 11 УК РСФСР к восьми годам лишения свободы и трем годам поражения в правах. Военная коллегия Верховного суда СССР приговор отменила. Реабилитирован 5 июня 1940 года.

Бывший прокурор Вяземлага ГУЛАГа НКВД СССР М. В. Зайцев обвинялся по ст. 17-58-8, 58-10, 11 УК РСФСР. Дело Зайцева было прекращено 10 марта 1940 г. Военным прокурором Калининского военного округа. Реабилитирован 27 июня 1940 года.

Бывший прокурор Западной области М. Н. Еремин был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 1 февраля 1940 г. по ст. 58-7, 8, 11 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Бывший прокурор Западной и Смоленской областей С. П. Терентьев в июле 1938 г. был отстранен от работы и позднее осужден Верховным судом СССР «за нарушение социалистической законности» по ст. 109 УК РСФСР на три года лишения свободы условно. На посту прокурора Смоленской области Терентьева сменил летом 1938 г. прокурор В. Ф. Лесников, занимавший эту должность до 1942 г.

Имеются данные о том, что в 1937–1938 гг. репрессиям по политическим мотивам подвергались бывший помощник областного прокурора К. А. Сорочкий, бывший прокурор Сычевского района И. А. Кудрявцев и бывший прокурор Рославльского района В. А. Ковальков.

Управление народного комиссариата внутренних дел по Западной области состояло к осени 1937 г. из управления государственной безопасности (УГБ УНКВД), управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ УНКВД), отдела мест заключения (ОМЗ УНКВД), ведавшего тюрьмами на территории области, отдела пожарной охраны (ОПО УНКВД), отдела актов гражданского состояния (ОАГС УНКВД) и других подразделений. Начальник УНКВД по Западной области непосредственно руководил работой УГБ и осуществлял

общее руководство областным аппаратом народного комиссариата внутренних дел.

Структура УНКВД по Западной области в силу большого количества районов была довольно громоздкой. Начало массовых репрессий только на два месяца опередило разукрупнение этого региона и выделение центральной его части для создания Смоленской области. Прежнее Управление народного комиссариата внутренних дел было преобразовано в УНКВД по Смоленской области.

Структура УГБ местных УНКВД также являлась стандартной, хотя количество отделов, на которые она подразделялась, могло быть разным и зависело от особенностей региона. Осенью 1937 г. аппарат УГБ УНКВД по Смоленской области включал следующие отделы: 1 (охрана руководителей), 2 (оперативный), 3 (контрразведывательный, КРО), 4 (секретно-политический, СПО), 5 (особый отдел, ОО), 8 (учетно-статистический, УСО) и 9 (шифрованной связи). Оперативные сотрудники (оперуполномоченные) имелись во всех отделах УГБ УНКВД по Смоленской области.

В июле 1937 г. были упразднены 6-е (транспортные) отделы в системе местных УНКВД. Вместо них на всех железных дорогах СССР были созданы дорожно-транспортные отделы (ДТО), напрямую подчинявшиеся 6-му отделу главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР в обход областных УНКВД.

Направление деятельности отделов УГБ УНКВД было различным. Наименование 1-го отдела говорит само за себя: обеспечение охраны советского руководства. На сотрудников 2-го отдела УГБ УНКВД возлагалось производство обысков и арестов, организация наружного наблюдения и перлюстрация корреспонденции. Функции 3-го отдела были направлены на борьбу с разведывательно-диверсионной и подрывной деятельностью противника. Секретно-политический или 4-й отдел УГБ УНКВД был предназначен для борьбы с «антисоветскими элементами» и занимался освещением политических настроений среди населения. Особый, или 5-й, отдел должен был обеспечивать интересы государственной безопасности и осуществлять борьбу со всеми контрреволюционными проявлениями в рядах советских вооруженных сил.

В июне 1938 г. 5-е отделы (ОО) УГБ территориальных органов НКВД были упразднены. Вместо них были созданы самостоятельные особые отделы НКВД СССР военных округов подчинявшиеся вначале Управлению особых отделов НКВД СССР, а с сентября 1938 г. 4-му отделу ГУГБ НКВД СССР, так же как и дорожно-транспортные отделы, минуя областные УНКВД.

Особый отдел НКВД Белорусского военного округа подразделялся на особые отделы различных воинских формирований, размещавшихся как на территории Смоленщины, так и в пределах всего округа.

В ведении учетно-статистического, или 8-го, отдела УГБ УНКВД находились оперативный учет, статистика и архивы. В этот отдел отправляли следственные дела осужденных после приведения приговоров в исполнение и оперативную документацию, не подлежащую уничтожению. Отдел шифросвязи, или 9-й, отдел занимался шифровальной работой, обеспечивал режим секретности в различных ведомствах и осуществлял контроль над копировальной и множительной техникой.

Формально такая структура УГБ УНКВД по Смоленской области сохранялась до сентября 1938 г., после чего она была реорганизована. Секретно-политический отдел (СПО), или 4-й отдел, УГБ УНКВД по Смоленской области, например, получил наименование 2-го отдела. Контрразведывательный отдел (КРО), или 3-й отдел, УГБ УНКВД сохранил прежний порядковый номер.

Областные управления народного комиссариата внутренних дел неизменно подразделялись на районные отделы (РО УНКВД), обычно существовавшие в каждом районе области, и на городские отделы (ГО УНКВД), если таковые были предусмотрены.

По данным на апрель 1936 г., в Западной области насчитывалось 78 районных отделов УНКВД. Городских отделов УНКВД на территории Смоленщины во время массовых репрессий 1937–1938 гг. не существовало, но в пределах Западной области они тем не менее были. Позднее ГО УНКВД по Смоленской области были созданы в Вязьме, Рославле и Ярцеве. По-видимому, это было связано с передачей этих городов в октябре 1939 г. в непосредственное подчинение Смоленскому облисполкому. Городские отделы УНКВД могли иметь структуру, схожую с областным управлением.

К октябрю 1938 г. на территории Смоленской области насчитывалось 49 районных отделов УНКВД. После восстановления в октябре 1938 г. еще трех районов Смоленской области число райотделов УНКВД соответственно увеличилось.

Каждый райотдел являлся прежде всего ответвлением управления государственной безопасности (УГБ) областного УНКВД. Помимо непосредственного руководства оперативной работой на начальника райотдела возлагалось общее руководство районным аппаратом народного комиссариата внутренних дел.

Структура районных отделов НКВД была типовой и помимо ответвления УГБ должна была включать районный отдел милиции (РОМ УНКВД), инспектора противопожарной охраны, инструктора актов гражданского состояния, аппарат связи и секретариат. Наличие остальных служб в системе РО НКВД зависело от специфики района и других обстоятельств.

При многих райотделах УНКВД по Смоленской области существовали бюро исправительно-трудовых работ, которые обслуживали различные районы области. В 1939 г. насчитывалось 25 таких районных отделов УНКВД.

Вторым по величине и значению ответвлением НКВД СССР после областного УНКВД на территории Смоленщины являлся ДТО ГУГБ НКВД СССР Западной железной дороги, руководящий состав которого размещался в Смоленске. Примечательной особенностью работы дорожно-транспортных отделов, как и работы железнодорожных судов, был линейный характер их деятельности, распространявшейся на всю длину магистрали независимо от областных, краевых или республиканских границ.

ДТО Западной железной дороги имел ряд отделений (ОДТО), существовавших на крупных станциях и узлах. На территории Смоленщины это были ОДТО станций Вязьма и Рославль.

Таким же образом ДТО ГУГБ НКВД СССР Западной железной дороги были подчинены отделения, находившиеся на территории Белоруссии: ОДТО станции Орша, станции Витебск и другие. Сотрудники этих отделений соответственно не подчинялись НКВД БССР.

При ДТО на станциях и депо могли существовать менее крупные подразделения, также носившие название отделений и имевшие соответствующую нумерацию. В оперативных и прочих документах их обозначение выглядело, например, следующим образом: 5-е отделение ДТО ГУГБ НКВД СССР Западной железной дороги. На станциях или депо могли также существовать оперативные пункты (оперпункты) дорожно-транспортного отдела.

Помимо ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги на территории Смоленской области в границах, определенных постановлением ЦИК СССР от 27 сентября 1937 г., находилось ОДТО станции Фаянсовая, подчиненное ДТО ГУГБ НКВД СССР Московско-Киевской железной дороги.

На дорожно-транспортные отделы НКВД возлагалась борьба со всеми видами «контрреволюции» на железнодорожном транспорте. В линейный суд Западной железной дороги следственные дела

о контрреволюционных преступлениях в основном поступали от сотрудников ДТО ГУГБ НКВД СССР Западной железной дороги.

Контрреволюционные преступления, подследственные сотрудникам ДТО ГУГБ НКВД СССР Московско-Киевской железной дороги, если речь шла о судебном рассмотрении дела, соответственно передавались в линейный суд Московско-Киевской железной дороги.

Обособленным по общей структуре УНКВД являлся на территории Смоленщины Вяземлаг НКВД. Вяземский (Вяземлаг) и Калужский (Калуглаг) исправительно-трудовые лагеря были организованы на территории Западной области в феврале 1936 г. для обслуживания двух крупнейших автодорожных магистралей: Москва — Минск и Москва — Киев. С момента своего основания они были напрямую подчинены ГУЛАГу НКВД СССР, минуя ОМЗ УНКВД по Западной области.

Вяземлаг и Калуглаг были созданы в своеобразный период времени. С начала 1935 г. рост численности политических заключенных в лагерях замедлился, с 1936 г. прекратился вовсе, а в первой половине 1937 г. наблюдался даже некоторый спад. В этот период на территории СССР было организовано всего пять исправительно-трудовых лагерей, включая Вяземлаг и Калуглаг, причем два других лагеря в стране в это же самое время были ликвидированы. К октябрю 1938 г. на территории Вяземского лагеря размещались 39 350 заключенных, из которых 1988 человек были осуждены за контрреволюционные преступления⁵⁷.

Третий отдел Вяземлага был подчинен непосредственно 3-му отделу главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР. Он располагался непосредственно в городе Вязьма, имел разветвленную структуру и состоял из нескольких отделений. Деятельность сотрудников этого отдела включала оперативную работу в лагере и расследование контрреволюционных преступлений, совершенных заключенными.

При Вяземлаге НКВД СССР также имелось отделение областного суда — «лагерный суд», сотрудники которого обладали правом выносить приговоры за контрреволюционные преступления. Преступления, совершенные заключенными и предусмотренные ст. 58-6, 8 и 9 УК РСФСР, были, как обычно, подсудны военным трибуналам. Известно, например, что в качестве судебного органа в такой ситуации выступал военный трибунал пограничной и внутренней охраны

⁵⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М. Б. Смирнов; науч. ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. М., 1998.

войск НКВД БССР по Смоленской области. Надзор за следствием осуществляли сотрудники военной прокуратуры.

При вынесении приговоров ранее осужденным и уже отбывавшим сроки лишения свободы лицам использовалась статья 49 УК РСФСР, в соответствии с которой наказание определялось по наиболее тяжкому преступлению. Срок лишения свободы по ранее вынесенному приговору, который заключенный еще не успел полностью отбыть, мог быть просто поглощен новым сроком.

Надзор за следственными делами, находившимися в производстве оперативных сотрудников 3-го отдела, осуществлял прокурор Вяземлага НКВД СССР. Прокурором лагеря вплоть до своего ареста в августе 1938 г. работал бывший прокурор Вяземского района М. В. Зайцев, являвшийся выпускником факультета советского права МГУ.

Заключенные в зависимости от подсудности имели право обжаловать вынесенные приговоры в специальной коллегии Верховного суда РСФСР и Военной коллегии Верховного суда СССР.

Формально все органы внутренних дел в структуре местных УНКВД существовали параллельно друг с другом, однако руководящие должности, как правило, занимали лица, имевшие специальные звания сотрудников госбезопасности.

Работники периферийных органов НКВД, занимавшие начальствующие должности, обычно носили звания старшего лейтенанта или капитана госбезопасности. Самое высокое звание в годы массовых репрессий на Смоленщине было у начальника УНКВД по Западной (Смоленской) области В. А. Каруцкого — комиссар госбезопасности 3-го ранга.

Сменившие один другого в период с октября 1937 по январь 1939 г. три других начальника УНКВД по Смоленской области — А. А. Наседкин, В. Я. Зазулин и Е. И. Куприянов — носили звание капитана госбезопасности. Такие же звания, по данным на ноябрь 1938 г., были у двух заместителей начальника областного УНКВД, одним из которых являлся бывший начальник ДТО ГУГБ НКВД СССР Западной железной дороги И. Д. Абкин.

Звание капитана госбезопасности обычно имели сотрудники, возглавлявшие ОО НКВД Белорусского военного округа и 3-й отдел при Вяземлаге НКВД. Начальники отделов УГБ или других управлений и отделов УНКВД по Смоленской области, как правило, имели звание лейтенанта или старшего лейтенанта госбезопасности. Заместителем начальника ДТО ГУГБ НКВД СССР Западной железной дороги являлся Г. С. Жуков, носивший звание лейтенанта госбезопасности.

Районные отделы УНКВД по Смоленской области в основном возглавляли сотрудники в звании лейтенанта или младшего лейтенанта госбезопасности. По данным на ноябрь 1938 г., во главе Екимовичского, Издешковского, Каспьянского, Стодолищенского и Холм-Жирковского райотделов УНКВД находились сотрудники, носившие звание сержанта госбезопасности — самое младшее звание в данной системе, позволявшее тем не менее занимать начальствующие должности.

Какова была общая численность начальствующего и оперативного состава сотрудников органов государственной безопасности на Смоленщине в период 1937–1938 гг.? Ответить на этот вопрос можно лишь приблизительно, к тому же используя сведения более позднего характера.

В номенклатуру Западного (Смоленского) обкома ВКП(б) входил только руководящий состав органов НКВД: начальник областного управления и его заместители, начальники отделов и районных отделений. Решения об их назначении или перемещении должны были обязательно согласовываться с обкомом ВКП(б). В годы массовых репрессий это правило нередко нарушалось: были случаи, когда начальники райотделов перемещались из одних районов в другие без ведома обкома.

После завершения массовых репрессий по решению ЦК ВКП(б) органы НКВД были подвергнуты сплошной проверке, в ходе которой утверждение всех без исключения руководящих и оперативных сотрудников органов госбезопасности Смоленщины в занимаемых должностях должно было производиться обкомом.

По данным на июнь 1940 г., штатная численность начальствующего и оперативного состава УНКВД по Смоленской области, подлежавшего утверждению по линии обкома ВКП(б), составила 254 сотрудника. На районный аппарат, согласно сведениям на январь 1940 г., приходилось по штату 133 сотрудника.

Если исходить из этих сведений, одновременно предположив, что штатная численность оперативного состава органов госбезопасности НКВД на территории Смоленской области к середине 1940 г. принципиально не изменилась, то в период 1937–1938 гг. она должна была составлять не менее трехсот сотрудников, включая аппарат органов госбезопасности областного УНКВД, ДТО ГУГБ НКВД Западной и Московско-Киевской железных дорог в пределах Смоленской области, ОО НКВД Белорусского военного округа в пределах области и Вяземлага ГУЛАГа НКВД СССР.

После завершения карательных операций 1937–1938 гг. массовых репрессий против работников НКВД Смоленщины не последовало. Репрессии преимущественно коснулись руководящего состава органов госбезопасности или сотрудников, больше других запятнавших себя «нарушением революционной законности». Остальных работников, которых сочли невозможным оставить в органах госбезопасности НКВД, просто уволили.

По данным отдела кадров УНКВД по Смоленской области, на 13 февраля 1940 г. из органов госбезопасности было уволено 27 сотрудников, 13 из которых были арестованы. В числе последних оказались заместитель начальника УНКВД, начальник отдела, помощник начальника отдела, заместитель начальника отделения, один старший оперуполномоченный, три оперуполномоченных, два помощника оперуполномоченных и три начальника районных отделов, одним из которых был начальник Велижского РО УНКВД И. К. Калинин.

Что касается остальных сотрудников, то четверо из них были уволены «за нарушение революционной законности», столько же за пьянство, один за «связь с троцкистами», двое по результатам спецпроверки и еще двое по другим причинам.

В сведениях, представленных отделом кадров, не были указаны бывший начальник УНКВД по Смоленской области капитан госбезопасности В. Я. Зазулин и другие сотрудники, которые до завершения массовых репрессий были перемещены по службе за пределы Смоленщины.

В. Я. Зазулин был арестован 22 января 1939 г. и 4 мая 1939 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-1«а», 17-58-8, 58-7 и 11 УК РСФСР к 20 годам лишения свободы. В сентябре 1954 г. по определению Красноярского краевого суда он был освобожден из Норильского исправительно-трудового лагеря и определен на поселение. До марта 1956 г. Зазулин находился в ссылке, откуда был освобожден по Указу Президиума Верховного Совета СССР. Не реабилитирован.

Судьбы трех предшественников В. Я. Зазулина и последующих после М. И. Блата начальников УНКВД по Западной (Смоленской) области были еще более суровыми. В октябре 1938 г. был арестован начальник разведывательного управления генерального штаба РККА старший майор госбезопасности С. Г. Гендин, занимавший пост начальника УНКВД по Западной области с сентября 1936 по апрель 1937 г. В феврале 1939 г. он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян. В сентябре 1957 г. приговор был отменен и дело прекращено Военной кол-

легий Верховного суда СССР за отсутствием состава преступления. Реабилитирован.

В. А. Каруцкий в ночь на 13 мая 1938 г., находясь на посту начальника УНКВД по Московской области, пытался застрелиться и умер в тот же день в Боткинской больнице.

А. А. Наседкин, назначенный на пост наркома внутренних дел БССР в мае 1938 г. и в этом же месяце получивший звание майора госбезопасности, был смещен с занимаемой должности 17 декабря 1939 г. и спустя три дня арестован. В январе следующего года он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян. Не реабилитирован.

Бывший помощник и затем заместитель начальника УНКВД по Западной (Смоленской) области капитан госбезопасности М. П. Виктор-Новоселов, в апреле–мае 1938 г. поочередно занимавший должности исполняющего обязанности начальника УНКВД по Витебской области и заместителя наркома внутренних дел БССР, был назначен в мае 1938 г. начальником УНКВД по Свердловской области. В январе 1939 г. майор госбезопасности Виктор-Новоселов был арестован и позднее приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-1«б», 58-7 и 11 УК РСФСР к 15 годам лишения свободы. Умер в лагере в 1950 г. от кровоизлияния в мозг. Не реабилитирован.

Бывший начальник 4-го отдела УГБ УНКВД по Западной области, занимавший эту должность до октября 1937 г., капитан госбезопасности М. И. Малыгин был арестован на посту начальника УНКВД по Тамбовской области в декабре 1938 г. В декабре следующего года он был осужден военным трибуналом войск НКВД Московского военного округа по ст. 193-17«б» УК РСФСР к высшей мере наказания с последующей заменой на 10 лет лишения свободы. По сведениям на 1941 год, отбывал наказание в Воркутинском исправительно-трудовом лагере. Не реабилитирован.

Преемник Малыгина в должности начальника 4-го отдела УГБ областного УНКВД капитан госбезопасности А. Е. Рассказов, занимавший этот пост до июля 1938 г., в дальнейшем также работал начальником УНКВД по Архангельской области и на других высоких должностях в системе НКВД СССР. Был арестован и в феврале 1941 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-7 и 11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

Среди арестованных сотрудников УНКВД по Смоленской области оказались бывший начальник ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги и бывший заместитель начальника УНКВД по Смолен-

ской области капитан госбезопасности И. Д. Абкин, приговоренный военным трибуналом войск НКВД Белорусского военного округа к 2,5 годам лишения свободы, и бывший начальник 2-го отдела УГБ областного УНКВД старший лейтенант госбезопасности И. В. Малыгин.

Часть сотрудников ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги также была привлечена к уголовной ответственности. По решению военного трибунала войск НКВД Белорусского военного округа, заседавшего 15–23 февраля 1940 г., к высшей мере наказания были приговорены двое и к различным срокам лишения свободы еще семеро (включая И. Д. Абкина) бывших сотрудников ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги. Военный трибунал войск НКВД также вынес определение о привлечении к уголовной ответственности еще шестерых сотрудников ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги во главе с Г. С. Жуковым.

Однако в тот раз Жукову повезло: за него лично заступился нарком НКВД СССР Л. П. Берия. Благодаря этому заступничеству Жуков был даже оставлен на работе в органах государственной безопасности. Только в 1954 г. после «разоблачения» и ареста Л. П. Берии Жуков по решению Совета Министров СССР был лишен звания генерал-лейтенанта и уволен из органов КГБ.

Из аппарата ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги, размещавшихся непосредственно в пределах Смоленской области, в течение 1939 и первой половины 1940 г. были уволены 14 человек. Двоих сотрудников — заместителя начальника отделения и оперуполномоченного — «за нарушение революционной законности» арестовали и привлекли к уголовной ответственности, восемь человек по этой же причине просто уволили, и еще четверо были уволены «за дискредитацию органов НКВД» (пьянство).

Известно также, что были арестованы бывший начальник 5-го отдела УГБ УНКВД по Смоленской области капитан госбезопасности В. В. Кривуша, его помощник старший лейтенант госбезопасности М. Д. Задыхин и бывший заместитель начальника ОО НКВД Белорусского военного округа старший лейтенант госбезопасности В. Н. Завадский. Кривуша в 1940 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания.

2.4.2. Большой террор на Смоленщине: показательные судебные процессы

В мае 1937 г. был смещен со своего поста и арестован бывший командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич. Штаб

Белорусского военного округа размещался в Смоленске. По роду деятельности Уборевич тесно пересекался с руководством Западной области и, в частности, с первым секретарем Западного обкома ВКП(б) И. П. Румянцевым, занимавшим этот пост с 1929 г. В июне 1937 г. Уборевич вместе с рядом других видных советских военачальников, в числе которых был бывший маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, предстал перед судом по делу о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии. По приговору военной коллегии Верховного суда СССР все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны.

Репрессии в отношении высшего руководства области становились неизбежными.

16 июня 1937 г. И. П. Румянцев решением ЦК ВКП(б) был освобожден от занимаемой должности «ввиду выяснившихся близких связей с врагом народа Уборевичем» и буквально на следующий день взят под стражу. Незадолго перед этим был арестован один из ближайших помощников Румянцева председатель Западного облисполкома и бывший второй секретарь Западного обкома ВКП(б) А. Л. Шильман. Аресты Румянцева и Шильмана были произведены на основании показаний Уборевича, данных во время предварительного следствия. Вместо Румянцева исполняющим обязанности первого секретаря Западного обкома ВКП(б) был назначен Д. С. Коротченко, перед этим занимавший пост второго секретаря Московского обкома ВКП(б).

Арест И. П. Румянцева был осуществлен во время пребывания в Смоленске секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича, специально командированного в Западную область для «разъяснения» решений, принятых в отношении бывшего областного руководства, и для «проверки» общей ситуации в области. Выступая на пленуме Западного обкома ВКП(б) 18 июня 1937 г., он отметил: «Мы уже в течение некоторого времени, я бы сказал, не месяца, мы имели сведения, что не все благополучно в руководстве Западного обкома, что Румянцев плохо работает... Мы начали политически присматриваться и пришли к заключению, еще до ареста Убаревича (так в оригинале. — Е. К.), что не все у него благополучно... после того как Убаревич дал показания, после того как мы получали целый ряд дополнительных материалов о крупнейших прорывах в работе Западного Обкома».

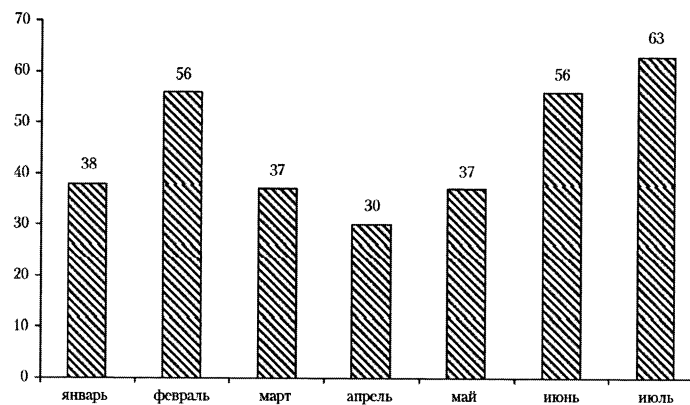
По итогам внеочередного пленума Западного обкома было решено в кратчайшие сроки разработать ряд мероприятий «по ликвидации последствий вредительства» в области и «выкорчевать еще не разоблаченных врагов, троцкистов и правых вредителей Румянцевско-Шильмановского вредительского охвостья».

Основными итогами мероприятий, которые вскоре после своего назначения организовали новые руководители Западной области, стали многочисленные увольнения и аресты бывших руководящих работников и сотрудников различных учреждений, начавшиеся еще до развертывания массового террора в стране. В сводке от 29 августа 1937 г. нового секретаря обкома партии Д. С. Коротченко на имя И. В. Сталина и заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК Г. М. Маленкова сообщалось, что к тому времени было репрессировано 746 руководителей области, из них: секретарей РК и их заместителей — 27, других партработников — 26, комсомольских работников во главе с секретарем обкома — 6, председателей РИК и горсоветов — 19, судебно-прокурорских работников — 21, работников НКВД — 11, председателей сельсоветов — 34⁵⁸.

Динамика репрессивной практики в территориальных границах Смоленщины за первые месяцы 1937 г. была следующей.

Приложение 32

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано за январь–июль 1937 г. (317 чел.)

Основной мерой наказания за этот период стало лишение свободы — 264 человека (расстрел — 14 человек, ссылка — 10 человек и др.).

Политических судебных процессов, проходивших в масштабе всей страны, для этого было недостаточно. Происходившие на столичном уровне события воспринимались в провинции с известной долей от-

⁵⁸ Карелин Е. Г. Механизм власти и управления Западного края Советской России в 1917–1939 гг. Смоленск, 2008. С. 338.

чуждения. Ощущение, что враги скрываются не только в центральном аппарате власти, но и могут встретиться буквально везде, необходимо было донести до самых отдаленных уголков страны.

3 августа 1937 г. в адрес секретарей обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий ЦК ВКП(б) направил шифротелеграмму «Об организации открытых процессов о «вредительстве» в сельском хозяйстве». ЦК считал «существенным недостатком руководства делом разгрома вредителей в сельском хозяйстве тот факт, что ликвидация вредителей проводится лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями».

Местные партийные органы обязывались в связи с этим «организовать в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа — вредителями сельского хозяйства... широко осветив ход судебных процессов в местной печати»⁵⁹.

Всего в течение трех с небольшим месяцев, с конца августа до конца ноября 1937 г., в пределах Смоленщины были проведены семь, а с учетом территории бывшей Западной области — девять показательных процессов. Два из них были областного, остальные районного масштаба.

Первые показательные политические судебные процессы были организованы в Андреевском и Красногорском районах Западной области и начались уже в конце августа 1937 г. Вслед за ними последовали аналогичные мероприятия в Сухиничском, Ярцевском, Сычевском, Вяземском и Рославльском районах. Областные процессы проводились непосредственно в Смоленске.

Следствие по шести уголовным делам, на основе которых были организованы показательные процессы, провели сотрудники НКВД, а еще по трем, возбужденным в Сухиничском, Ярцевском и Рославльском районах, сотрудники прокуратуры.

Все показательные судебные процессы, за исключением Андреевского, были организованы в точном соответствии с указаниями из Москвы. Процессы в Красногорском и Сычевском районах были направлены против бывшего «вредительского» районного руководства. Процессы в Сухиничском, Ярцевском и Рославльском районах были связаны с «вредительским» хранением и заражением зерна. Процесс

⁵⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. Н. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. С. 298.

в Вяземском районе и один из двух областных процессов были организованы по «фактам вредительства» в животноводстве. В основу еще одного областного процесса легли материалы о «вредительстве» при проведении землеустройства.

Основания для проведения процессов были выбраны не случайно и напрямую проистекали из удручающей картины, сложившейся в землеустройстве, хранении зерна и животноводстве страны в предшествующие годы.

Массовая кампания по землеустройству колхозов в Западной области, проводившаяся по линии народного комиссариата земледелия (НКЗ) СССР и его местных ответвлений — отдела по землеустройству Западного областного земельного управления (Запоблзу) и районных земельных отделов (райзо), началась примерно в середине 1935 г., после объединения большинства единоличных крестьянских хозяйств в коллективные.

Установление границ землепользования имело принципиальное значение для сельского хозяйства. На основе этих данных устанавливался план весеннего сева для каждого колхоза в отдельности и области в целом.

Мероприятиям по землеустройству придавалось и важное политическое значение: составленные землеустроителями государственные акты (госакты) «на вечное пользование землей» должны были утверждаться райисполкомами и после этого в торжественной обстановке вручаться колхозникам. В этих документах надлежало фиксировать подробные сведения о земельных владениях колхозов.

С самого начала работ землеустроители Западной области оказались в крайне неблагоприятных условиях. Провести землеустройство требовалось в сжатые сроки: только до 1 января 1936 г. предполагалось отвести границы 5 тыс. колхозов и вручить им госакты «на вечное пользование землей».

Объективные трудности и, в первую очередь, крайняя спешка при проведении работ неизбежно должны были отразиться на качестве землеустройства, которое сопровождалось массовым браком и недоработками. Границы землепользования устанавливались, не соотносясь с хозяйственными потребностями: привычный для скота путь к водопою, например, мог неожиданно оказаться за территорией колхоза. Колхозные земли нарезались чересполосно и неудобно для ведения хозяйства. Случалось, что наделы единоличников отводились прямо в черте колхозных земель «на манер столыпинских хуторов». В результате «спрямления» границ от колхозов отрезались куски пашни, вместо которых либо прирезались кустарник или заболочен-

ные участки, либо вообще не осуществлялось никакой компенсации. Границы колхозов не закреплялись межевыми знаками. Действительное количество пахотной земли, которой владели колхозы, не соответствовало указанному в госактах, вследствие чего или устанавливались нереальные планы сева, или часть пахоты оставалась незадействованной. Передел границ землепользования осуществлялся уже после вручения госактов, в которые требовалось вносить исправления. Устранение допущенного брака и различные злоупотребления влекли за собой перерасход выделенных на землеустройство денежных средств. Принимать работу землеустроителей и проверять данные, вносимые в госакты, необходимо было «в натуре», выезжая на место, но это правило постоянно нарушалось. Инспектора земельного отдела или уполномоченные лица чаще проверяли работу на бумаге, «камерально», не выявляя случаев брака.

В сводки для отчета перед Наркомземом СССР вносилось «очковтирательское», т. е. не соответствовавшее действительному количеству врученных госактов. Между тем эти документы, изготовленные землеустроителями и готовые к выдаче, лежали в помещениях райисполкомов без движения по несколько месяцев. В отдельных районах области колхозам вручались незаполненные госакты, данные в которые вносились «задним числом». Количество госактов, подлежавших исправлениям и замене или незаполненных, но врученных колхозникам, исчислялось по меньшей мере сотнями.

Формально план проведения землеустройства в Западной области по состоянию на начало 1937 г. был выполнен, но по существу он оказался сорван. Однако проблема была не только в установлении границ между колхозами. Стремление во что бы то ни стало увеличить урожаи зерновых культур и погоня за проведением землеустройства приводили к тому, что луга, клевер и другие ценные угодья отводились под пашню. В результате нарушался севооборот в колхозах, от чего зависели будущие урожаи и количество кормов для скота.

Урожайность зерновых в Западной области в период с 1933 по 1936 гг. неуклонно снижалась. В 1936 г. урожаи ржи и пшеницы были примерно в полтора-два раза меньше аналогичных показателей 1933 г.

Согласно данным Западного облземуправления на 10 октября 1936 г., не подлежавшие доработке севообороты существовали только в 1865 из 13 136 колхозов области и еще в 3915 колхозах они нуждались в переделке. В остальных колхозах Западной области границы севооборотов либо не сохранились, либо вообще отсутствовали.

Ситуация в сфере животноводства Западной области вообще была близка к катастрофической. Поголовье лошадей к началу 1937 г. составляло лишь 50,7 % от уровня 1928 г., поголовье крупного рогатого скота — 72,5 %, а поголовье овец — только 25,1 %. Главная причина заключалась в неудовлетворительном содержании животных. Нехватка кормов, плохо приспособленные помещения, скученные условия содержания при наличии инфекционных болезней, небрежное обращение со стороны персонала и другие подобные факторы неуклонно вели к падению уровня животноводства.

Так, одним из непосредственных результатов циркуляра областной прокуратуры № 4р 4/124 от 3 марта 1937 г. «О мероприятиях по содействию прокуроров в выполнении плана весеннего сева» и общей тенденции на ужесточение репрессивной политики стало уголовное дело по обвинениям во «вредительстве» и других контрреволюционных преступлениях, возбужденное в апреле 1937 г. в селе Андреевское одноименного района Западной области. Этот показательный процесс проходил еще до ареста областного руководства и соответствующей августовской телеграммы из Москвы. В этом его существенная особенность и отличие от других судебных процессов на Смоленщине.

Под стражей оказалось шесть местных жителей, среди которых были старший землеустроитель Андреевского района К. В. Румянцев, землеустроитель того же района В. А. Журавлев, зоотехник по племенному скоту при Андреевском райзо И. Г. Кольцов, десятник по строительству, также работавший при Андреевском райзо, В. С. Сергеев, учитель географии, русского и немецкого языков Андреевской средней школы Б. В. Мясоедов и бухгалтер Андреевского отделения госбанка И. А. Алексеев. Во время предварительного следствия все арестованные содержались в тюрьме города Смоленска.

Пятеро из обвиняемых, кроме Румянцева, являлись коренными жителями Андреевского района и были еще сравнительно молодыми людьми. Старшему, Сергееву, было едва за сорок, младшему, Румянцеву, немногим более тридцати. Все были беспартийными и ранее не судимы. У всех на иждивении находились несовершеннолетние дети, не считая остальных членов семей. Румянцев до ареста состоял членом ВЛКСМ, откуда был исключен «в связи с настоящим делом».

Обвиняемые были знакомы друг с другом, однако в основном это знакомство было «шапочным», как с односельчанами. Журавлев и Румянцев были знакомы по работе, но отношения между ними были натянутыми. Румянцев и Кольцов жили в одном доме и нередко по-соседски скандалили друг с другом. К Кольцову домой часто захо-

дили знакомые для того, чтобы «выпить». Среди них по несколько раз бывали и обвиняемые. По жалобам Румянцева, Кольцов «за нетактичное поведение» был дважды оштрафован милицией. Казалось, что эти люди были ничем особенным не примечательны, и на первый взгляд было не совсем понятно, что могло их объединять.

Действительная причина, по которой все обвиняемые оказались под следствием, заключалась в их прошлом и социальном происхождении. Мясоедов был сыном сельского священника, закончил духовную семинарию в Смоленске и два курса Московского коммерческого института, откуда по мобилизации в 1916 г. был призван в армию. В старой русской армии он служил прапорщиком, но впоследствии, с 1918 по 1921 гг., являлся военным служащим Красной армии. В 1933 г., работая в Андреевском леспромхозе, Мясоедов арестовывался сотрудниками ОГПУ по обвинению во вредительстве, находился под стражей около 50 дней и был освобожден за недоказанностью.

Алексеев воспитывался в семье дяди, который до революции был волостным старшиной. Как и Мясоедов, он тоже служил прапорщиком в старой русской армии и затем был призван в РККА. Журавлев происходил из семьи зажиточных крестьян, закончил гимназию в Сычевке и был женат на дочери священника. Его отец до революции занимался торговлей, имел собственную бакалейную лавку и одно время служил доверенным лицом у купца Тарабукина по скупке льна.

Румянцев и Кольцов также происходили из семей зажиточных крестьян, что, правда, не мешало Румянцеву состоять в комсомоле. В хозяйстве родителей Кольцова в годы нэпа была наемная работница. Из шести подследственных один только Сергеев был по происхождению крестьянином-середняком, но и его прошлое не было безупречно: еще в первые годы Советской власти он был исключен из партии большевиков за «совершение религиозного обряда».

Главное обстоятельство, благодаря которому были арестованы именно эти жители села Андреевское, стало ясно даже им самим. В заявлении, адресованном своему земляку, уроженцу Сычевского уезда Смоленской губернии секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву с просьбой обратить внимание на их дело, они прямо указали причину ареста: «...Мы совершенно искусственно были объединены в контрреволюционную группу. В основу было положено исключительно социальное происхождение».

Другими словами, сотрудники НКВД арестовали не виновников хозяйственных преступлений как таковых, но тех, кого либо они сами, либо кто-то еще счел врагами, независимо от их причастности к хозяйственным преступлениям. На этот момент важно обратить

особое внимание. В начале 1937 г. началось постепенное ужесточение репрессивной политики. Одними из первых в числе жертв оказались ни в чем не повинные, но с социально-политической точки зрения наиболее уязвимые граждане, которые еще со времен коллективизации и гражданской войны воспринимались как «социально-чуждые элементы» и потенциальные враги советской власти.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что как само уголовное дело, так и последующий судебный Андреевский процесс были одной сплошной фальсификацией. В этой связи не имеет большого смысла заострять внимание на всех уголовно-процессуальных нарушениях и несоответствиях, допущенных во время предварительного и судебного следствия. Подобные процедуры в той ситуации являлись всего лишь формальностью, поскольку арестованных в любом случае следовало выставить главными виновниками провалов «политики партии и правительства» на уровне района.

Всем обвиняемым, исключая отдельные детали, было предъявлено обвинение в принадлежности к контрреволюционной организации и активной деятельности, направленной «к использованию выборов в органы государственного управления в антисоветских целях, в целях подрыва доверия к ВКП(б) и Советской власти, в целях провала верных компартии кандидатов и выбора своих кандидатов». Отдельные «участники контрреволюционной группы» также обвинялись в том, что «проводили вредительскую подрывную деятельность в сельском хозяйстве».

Даже при общем ознакомлении с обвинениями, которые были предъявлены арестованным во время предварительного следствия, хорошо заметно, что сотрудники органов госбезопасности пытались буквально ухватиться за любые безобидные или малозначительные факты, которые могли бы скомпрометировать арестованных и выставить их в качестве «вредителей» и «контрреволюционеров».

Алексеева, например, обвинили в связях с летчиком по фамилии Шигин, который работал в Москве, летал в Германию и якобы встречался там с сыном Троцкого Седовым. В 1936 г. Шигин, по словам Алексеева, был арестован и просидел под стражей несколько месяцев.

Летчик Шигин был, по-видимому, родом из Андреевского района, куда он приезжал в 1936 и 1937 гг. для того, чтобы распорядиться своим имуществом. Алексеев заявил, что с Шигиным он не знаком, но слышал о нем от своей тещи и ее сестры, которая жила в доме Шигина.

Алексеева также обвинили в том, что он якобы вербовал в контрреволюционную организацию И. Смирнова — единственного свиде-

теля, на показаниях которого было построено обвинение о принадлежности всех обвиняемых к контрреволюционной организации. Возглавлял эту организацию якобы Мясоедов. Смирнов вообще проживал в Сычевском районе и приезжал в село Андреевское «по делам», где действительно встречался с Алексеевым и Журавлевым.

Во время предварительного и судебного следствия Алексеев категорически отрицал показания Смирнова и заявил, что с ним он виделся в апреле 1937 г. четыре раза: «два раза мы вместе выпивали», «в одной выпивке принимал участие и обвиняемый Журавлев», но никаких разговоров на политические темы не вели.

Обвиняемый Журавлев уже во время суда дал по этому поводу следующие показания: «В апреле месяце 1937 года я ездил на автомашине вместе со свидетелем Смирновым со станции Ново-Дудино в село Андреевское, по дороге Смирнов старался вести разговоры о выборах в Советы и говорил, что нам надо выбирать своих людей, я со своей стороны запретил Смирнову говорить на эти темы. В том же месяце 1937 г., я был в квартире свидетеля А. ... где был и Смирнов... Мы стали выпивать, за выпивкой Смирнов... стал говорить, что при выборах надо выбирать своих людей, и назвал Румянцева, Мясоедова, но Смирнову запретили говорить на эту тему».

По логике того времени прошлое Смирнова было «чернее», чем у всех обвиняемых вместе взятых. В «преступном прошлом», с 1914 по 1917 гг., Смирнов служил письмоводителем в полицейском управлении города Кронштадта. В 1929 г. он был арестован сотрудниками ОГПУ и осужден. Срок лишения свободы Смирнов отбывал на Беломорканале и был досрочно освобожден.

Смирнов, судя по всему, являлся типичным агентом-осведомителем-лжесвидетелем-провокатором в одном лице, которых использовали сотрудники органов госбезопасности из числа скомпрометированных перед советской властью лиц. Прекрасно осознавая свое шаткое положение, он был готов дать любые показания и совершить любые действия, необходимые сотрудникам НКВД.

Предъявленные арестованным обвинения были общего, неконкретного характера или просто несущественны. Проходившие по делу свидетели, кроме Смирнова, ничего по-настоящему компрометирующего обвиняемых не сообщили. Очные ставки между обвиняемыми не проводились. Количество и содержание очных ставок, проведенных между обвиняемыми и свидетелями, для полноценного следствия было явно недостаточным. По словам обвиняемых, со следственными документами работники НКВД им должным образом

ознакомиться не дали. Никто из арестованных во время предварительного следствия виновным себя не признал.

После завершения предварительного следствия уголовное дело было передано в областную прокуратуру для последующей передачи в суд. Судебное заседание было назначено на 24 августа, но копии обвинительного заключения были вручены обвиняемым только поздним вечером 22 августа. Все оставшееся время обвиняемые провели на этапе. Из Смоленска они к вечеру 23 августа 1937 г. были доставлены в село Андреевское. Времени на то, чтобы как следует ознакомиться с обвинениями, у них не осталось.

Первая публикация о предстоящем процессе, являвшаяся копией обвинительного заключения, появилась в газете «Рабочий путь» от 23 августа 1937 г., и, как ни странно, о многих своих «преступлениях» обвиняемые узнали почти в один день с читателями газеты и в общей сложности примерно за сутки до начала суда.

Содержание обвинительного заключения, копии которого были вручены обвиняемым, стало для них настоящим откровением. По крайней мере, четверым из арестованных не были предъявлены многие или даже большинство изложенных в обвинительном заключении обвинений.

Уголовное дело было элементарно не доследовано. При других обстоятельствах оно, скорее всего, было бы возвращено на доследование либо прокуратурой, либо после подготовительного заседания суда, но в той ситуации никаких протестов заявлено не было. Заместитель областного прокурора по спецделам Тимошин, рассмотрев материалы предварительного следствия, дал следующее заключение: «Действия обвиняемых... квалифицированы правильно, дело направить на рассмотрение спецколлегии Запоблсуда». Специальная коллегия также приняла дело к рассмотрению без каких-либо возражений.

Перед началом судебного процесса действия Румянцева и Журавлева были квалифицированы по ст. 58-7, 10, ч. 1, Кольцова — по ст. 58-7, Мясоедова, Сергеева и Алексеева — по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР. Одновременно все «участники разоблаченной контрреволюционной банды» обвинялись по ст. 58-11 УК РСФСР.

Слушание проходило в обычном порядке. Показания о хозяйственной деятельности слушались публично, сведения о «контрреволюционной агитации» звучали только при закрытых дверях. Подсудимые категорически отрицали все обвинения в контрреволюционной деятельности и давали объяснения по фактам предъявленных им обвинений. После допроса обвиняемых слово было предоставлено свидетелям, трое из которых на суд не явились. Среди них был

и Смирнов — главный свидетель обвинения. Подсудимых больше не допрашивали, они только время от времени делали дополнения и заявления.

Большинство свидетельских показаний, как и на последующих показательных процессах, звучали либо голословно, либо не были подкреплены соответствующими следственными материалами. Показания свидетелей, если оценивать их с юридической точки зрения, звучали «неконкретно и неубедительно» или были явной клеветой. По словам подсудимых, некоторые свидетели, возводя на них клеветнические показания, просто воспользовались моментом и сводили с ними личные счеты. Показания по поводу трудовой деятельности обвиняемых, при беспристрастном рассмотрении дела, не значили бы ровным счетом ничего без соответствующей проверки и документации. Никакие оправдательные доводы или аргументы со стороны подсудимых в расчет вообще не принимались. Большинство сделанных ими заявлений и ходатайств были просто проигнорированы.

По-видимому, это был первый и последний показательный политический процесс в области, во время которого адвокат действительно пытался защитить своих подопечных. Сентюрин заявил, что предъявленное обвинение не доказано и нет никакого состава преступления со стороны Мясоедова и Сергеева, которых он требовал оправдать. В отношении Румянцева и Журавлева Сентюрин потребовал применить ст. 109 и в отношении Кольцова ст. 111 УК РСФСР (дело Алексеева суд решил пока отложить). Сентюрин так ревностно и эмоционально отстаивал свою точку зрения, что упал в обморок прямо в зале суда.

По поводу его речи спецколлегия вынесла резкое определение о том, что «...член партии Сентюрин в прениях сторон выступил с явно антипартийной и антисоветской речью... несмотря на бесспорность доказательств...». Спецколлегия также определила довести этот факт до сведения обкома и поставить перед коллегией защитников вопрос об увольнении Сентюринина.

Подсудимые и в ходе судебного заседания виновными себя не признали. Материалами предварительного и судебного следствия их вина в совершении контрреволюционных преступлений была совершенно не доказана. Тем не менее пятеро из них были приговорены к длительным срокам заключения — от восьми до десяти лет и, соответственно, к трем и пяти годам поражения в правах.

В первой телеграмме об организации показательных процессов не было точных указаний о том, какой приговор следует вынести подсудимым. В последний день процесса 26 августа 1937 исполняющий

обязанности первого секретаря Западного обкома ВКП(б) Д. С. Коротченко отправил секретарю ЦК ВКП(б) Сталину шифрованную телеграмму, в которой в общих чертах описал ход процесса, сообщив об ожидании приговора. Ответная телеграмма была отправлена вечером следующего дня, но приговор к тому времени уже был вынесен. Ответ Сталина был немногословным, но совершенно недвусмысленным: «Советую приговорить вредителей Андреевского района к расстрелу, а о расстреле опубликовать в местной печати. Секретарь ЦК Сталин»⁶⁰.

Чтобы выполнить этот немногословный «совет», понадобилось соблюсти ряд формальностей. Прокуратура Западной области через прокурора СССР А. Я. Вышинского опротестовала приговор в Верховном суде РСФСР. Спецколлегия Верховного суда РСФСР 29 августа 1937 г. отменила приговор «за мягкостью» и вернула дело на новое рассмотрение. Обвинения, выдвинутые в отношении Мясоедова и Сергеева, были дополнительно квалифицированы по статье 58-7 УК РСФСР на том основании, что они «также входили в контрреволюционную организацию, занимавшуюся вредительством». Согласно определению Верховного суда меру наказания к ним следовало применить «в соответствии со степенью их социальной опасности».

После завершения судебного процесса обвиняемые были препровождены в тюрьму города Вязьмы и принялись писать кассационные жалобы. В них они последовательно и подробно излагали обстоятельства своего дела и перечисляли нарушения, допущенные в ходе предварительного и судебного следствия. Прекрасно понимая, что судят их не за «преступления», но за их прошлое и социальное происхождение, осужденные тем не менее не теряли надежды найти заступника в лице верховной судебной власти.

Второй судебный процесс, также организованный как показательный, проходил с 3 по 6 сентября 1937 г. и мало чем отличался от первого. Были заменены состав суда, государственный обвинитель и защитник. Ко времени начала второго процесса «преступления» всех шести обвиняемых были квалифицированы совершенно одинаково: по ст. 58-7, 10, ч. 1 и 11 УК РСФСР.

Судебное следствие во время второго процесса было еще более безапелляционным, показания свидетелей звучали гораздо убежденнее и походили на цитаты из районных газет.

⁶⁰ Трагедия советской деревни... Т. 5. (1937–1939). Кн. 1. (1937). С. 400–401.

Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания. Кассационные жалобы и ходатайства о помиловании были оставлены без удовлетворения, и приговор был приведен в исполнение.

Судьбы осужденных в ходе показательных политических судебных процессов сложились по-разному:

Андреевский районный процесс (24–26 августа, 3–6 сентября 1937 года). По делу проходило шесть обвиняемых. Все осужденные были приговорены к высшей мере наказания, и приговор приведен в исполнение.

Ярцевский районный процесс над работниками конторы «Заготзерно» и уполномоченным комитета заготовок СНК СССР (18–19 сентября 1937 года). Все трое обвиняемых — бывший уполномоченный комитета заготовок СНК СССР по Ярцевскому району П. М. Тепкин, бывший управляющий конторой М. Б. Лавренев и бывший технический руководитель И. Рудник — были приговорены к высшей мере наказания.

Процесс над работниками отдела землеустройства Западного областного земельного управления (25–30 сентября 1937 года). Десять из одиннадцати обвиняемых — бывший начальник отдела землеустройства Ф. П. Светлов, бывшие главный и старший инженеры Н. П. Артемьев и Ф. И. Муравьев, бывший инспектор отдела Н. С. Павлов, бывшие старший землеустроитель и техник-землеустроитель Издешковского райзо А. В. Власов и И. М. Собешкин, бывший старший землеустроитель Дорогобужского райзо Е. Н. Лелянов, бывший старший землеустроитель Глинковского райзо И. М. Токмачев, бывший землеустроитель этого же района С. В. Фалк и бывший землеустроитель Смоленского райзо И. Ф. Московский — были приговорены к высшей мере наказания. Бывший землеустроитель Глинковского райзо С. И. Кузнецов был осужден на десять лет лишения свободы и пять лет поражения в правах.

Верховный суд СССР в «порядке помилования» заменил осужденным С. В. Фалку и И. Ф. Московскому высшую меру наказания на десять лет лишения свободы и пять лет поражения в правах. Остальные были расстреляны. В марте 1940 г. судебная коллегия Верховного суда СССР изменила приговор специальной коллегии Западного областного суда и переквалифицировала действия всех осужденных на ст. 109 УК РСФСР. Оставшимся в живых трем осужденным сроки наказания были снижены до 2 лет 6 месяцев лишения свободы, остальным уменьшены до 5 лет, но «за смертью осужденных» приговор в исполнение не был приведен. Определение судебной коллегии Верховного суда СССР было предписано приобщить к следственно-

му делу в секретном порядке и не сообщать об этом родственникам. В случае обращения последних в суд надлежало выдавать им справки только о переквалификации преступлений. Помимо этого сотрудниками Верховного суда СССР была дана еще одна очень важная инструкция, касавшаяся родных и близких осужденных: «В необходимых случаях надлежит принять меры, чтобы родственникам не чинились препятствия местными органами в связи с судимостью... осужденных (ограничение в выдаче паспортов, при поступлении детей в учебные заведения, ограничения по службе и т. п.). В таких случаях необходимо поставить соответствующие органы в известность об изменении квалификации преступления с тем, чтобы родственники осужденных ни в какой степени не были стеснены в своих правах в связи с прошлой судимостью осужденных».

Сычевский районный процесс (13–18 октября 1937 года). Девять из десяти обвиняемых — бывший секретарь райкома Е. Ф. Красильников, бывший председатель райисполкома С. К. Богданов, бывший заведующий райзо А. И. Павлов, бывший землеустроитель райзо Н. И. Буланов, бывший директор племхоза «Сычевка» А. Д. Лебедев, бывший начальник политотдела племхоза А. П. Петров, бывший председатель сельсовета А. П. Семенов, бывшие районные ветврачи Е. А. Рябушенко и Д. Н. Шмелев — были приговорены к высшей мере наказания и один подсудимый, бывший районный прокурор И. А. Кудрявцев, к 15 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. Приговор был отменен Верховным судом СССР, и дело возвращено на доследование со стадии предварительного следствия. В дальнейшем действия Е. Ф. Красильникова были переквалифицированы на ст. 111, а еще восьми человек, проходивших по этому делу, на ст. 109 и УК РСФСР. К началу 1939 г. Е. Ф. Красильников, С. К. Богданов, А. И. Павлов, Н. И. Буланов и А. П. Петров были осуждены на сроки от 1 до 5 лет. В отношении А. Д. Лебедева, А. П. Семенова, И. А. Кудрявцева и Е. А. Рябушенко уголовные дела были прекращены.

Вяземский районный процесс над работниками совхоза «Андрейково» (23–28 октября 1937 года). По делу проходило 12 человек: бывший директор совхоза «Андрейково» М. Н. Большаков, бывший начальник политотдела совхоза И. Г. Найкин, бывший ветврач Б. Р. Корогодов, бывшие зоотехники И. Ф. Мельников, В. Ф. Сырников и Е. В. Демьянов, бывшие бригадиры животноводов В. С. Латышев и К. З. Эрдман, бывший санитар-скотник С. С. Таболов, бывший агроном П. П. Левандовский, бывшие скотники И. Н. Голубев и И. А. Ветров.

В процессе судебного слушания материалы на Эрдмана и Ветрова были выделены для доследования. Остальные девять подсудимых были приговорены к высшей мере наказания и один из них (Латышев) к 15 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. Приговор был отменен Верховным судом СССР, и дело возвращено на доследование со стадии предварительного следствия. В ходе доследования материалы на Корогодова, Таболова, Левандовского и Голубева были выделены в отдельное делопроизводство.

Впоследствии обвиняемого Найкина суд оправдал. Преступления остальных пяти обвиняемых были переквалифицированы на ст. 109 УК РСФСР. Трое были осуждены на 1 год и 6 месяцев лишения свободы и еще один — сроком на год. Латышев в мае 1939 г. был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде.

По данным, содержащимся в деле, Корогодов, Таболов, Левандовский, Голубев и Эрдман были репрессированы, но уже по совершенно другим мотивам. Левандовского и Эрдмана осудили и расстреляли в ходе проведения «национальных операций» НКВД, жертвами которых стали многие проживавшие на Смоленщине поляки и латыши. Корогодов оказался среди бывших работников совхоза «Андрейково», репрессированных как «агенты иностранных разведок». Таболова и Голубева расстреляли как бывших кулаков. Примечательно, что осуждены они были особой тройкой при УНКВД по обвинениям, выдвинутым против них в начале следствия и предусмотренных ст. 58-7 и 11 УК РСФСР.

Рославльский районный процесс над работниками конторы «Заготзерно» (13–16 ноября 1937 года). Четверо из пяти обвиняемых — бывший заведующий конторой «Заготзерно» П. Н. Клягин, бывший технический руководитель А. Г. Курлевич, бывшие завскладами И. Е. Алфименков и В. В. Коношенков — были приговорены к высшей мере наказания. Бывший завскладом П. А. Тылин был осужден на 15 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах. Верховный суд «в порядке помилования» заменил двоим осужденным расстрел на 15 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах. Смертный приговор в отношении Клягина и Курлевич был приведен в исполнение.

В сентябре 1938 г. преступления Алфименкова, Коношенкова и Тылина были переквалифицированы Верховным судом СССР на ст. 109 УК РСФСР, а сроки наказания уменьшены до 3 лет лишения свободы.

Процесс над работниками отдела животноводства Западного (Смоленского) областного земельного управления (24–28 ноября 1937 го-

да). По делу проходило восемь обвиняемых: бывший заместитель начальника облзу по животноводству И. В. Кадетский, бывший начальник ветеринарного управления облзу А. У. Коршаков, бывшие начальники конеуправления облзу И. Д. Фомин и Я. Ю. Юрмальнек, бывший зоотехник управления животноводства облзу А. К. Ургорчев, бывший старший зоотехник управления животноводства облзу И. З. Райхлин, бывший ветврач ветеринарного управления облзу В. Ф. Рокачевский и бывший научный сотрудник Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии А. П. Юранов. Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания. Верховный суд СССР отменил приговор и отправил дело на доследование. В итоге в отношении Юранова и Ургорчевева дела были прекращены, Фомин был судом оправдан. Материалы следствия на Юранова были перед этим приобщены к уголовному делу о руководстве Сычевского района. Преступления Кадетского, Коршакова и Райхлина были переквалифицированы на ст. 111, а Рокачевского на ст. 179 УК РСФСР (изготовление, хранение, приобретение и сбыт сильнодействующих ядовитых веществ). Все четверо были приговорены к 1 году 6 месяцам лишения свободы. Материалы на Юрмальнека были выделены в отдельное делопроизводство. Бывший секретарь Вяземского райкома Юрмальнек был осужден и расстрелян в ходе проведения «латышской операции» НКВД.

Сроки лишения свободы отсчитывались с момента предварительного заключения. Многие осужденные успели отбыть их, находясь под следствием.

2.4.3. Приказ НКВД № 00447: реализация в регионе

2 июля 1937 г. политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об антисоветских элементах». Это был текст телеграммы секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий:

«Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немед-

ленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»⁶¹.

3 июля 1937 г. всем начальникам НКВД было дано еще одно задание — к 10 июля представить списки на все семьи лиц, которые были осуждены после 1 декабря 1934 г. (день убийства С. М. Кирова) Военной коллегией Верховного суда, а также списки на социально опасные семьи лиц, осужденных спецколлегиями судов.

Планомерная подготовка к массовым политическим репрессиям в соответствии с решением политбюро ЦК ВКП(б) и рядом других документов осуществлялась по всей стране в июле 1937 г. Сотрудники НКВД должны были немедленно взять на учет всех «возвратившихся на родину» после освобождения из ссылки или заключения «кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны... а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы»⁶².

Органам государственной безопасности была тем самым уготована роль главного инструмента репрессивной политики. Начиная уже с этого момента сотрудников НКВД, вопреки недавним установкам, стали ориентировать на аресты, осуществляемые не по фактам совершения преступлений, но по совершенно иным социальным признакам.

Решение ЦК ВКП(б) лишь в общих чертах формулировало характер предстоящих операций, подробности которых уточнялись в течение июля 1937 г. Одновременно расширялись категории потенциальных жертв намеченных репрессивных акций.

Для подготовки карательных операций типографским способом были изготовлены специальные учетные листы, каждый из которых назывался «справка на подлежащего репрессированию». Такие «справки» состояли из двух листов обычного делопроизводственного формата, на которых в объеме трех страниц располагались 15 учетных пунктов, содержащих сведения личного характера о каждой из намеченных жертв: фамилию, имя, отчество; гражданство; наци-

⁶¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 234–235.

⁶² Там же. С. 235.

ональность и подданство; место жительства; социальное положение, место работы и род занятий в прошлом; имущественное положение; судимость (за что, по какой статье и на сколько лет); был ли раскулачен и выслан; отбыл ли меру наказания (где, сколько лет) или бежал (когда, откуда); род занятий и место работы в настоящее время; состав семьи, возраст, род занятий членов семьи и где они проживали; был ли за границей (где, когда, как долго, как вернулся); данные о контрреволюционной деятельности в прошлом (следовало написать конкретно и с указанием источников); данные о контрреволюционной деятельности, связи с контрреволюционным или уголовным элементом в настоящее время; по какому агентурному делу проходил.

В июле 1937 г. сотрудники органов госбезопасности НКВД, действовавшие на территории Западной области, заполняли подобные справки, которые впоследствии приобщались к следственным делам и заменяли справки на арест, применявшиеся при обычных следственных действиях. На основе подобных данных, собираемых со всей страны, для каждого региона в отдельности устанавливались так называемые «лимиты» — количество граждан, подлежавших репрессиям.

На основе указанного постановления ЦК 30 июля 1937 г. вышел оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов».

В соответствии с приказом под репрессии подпадали «бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность», «бывшие кулаки, бежавшие из лагерей и трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность», «бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность», «члены антисоветских партий», «бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники», грабители, воры-рецидивисты, скотоконокрады, члены «фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований».

Все они делились на две категории: первая подлежала «немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, — расстрелу»; вторая — заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет.

Операцию предписывалось начать 5 августа и закончить в течение четырех месяцев. Допускалось использование войсковых или милицмейских подразделений.

По приказу № 00447 всего планировалось подвергнуть аресту 258 950 человек. Для Западной области первоначальное количество репрессируемых было определено в 6 тысяч человек. Из этого числа одну тысячу необходимо было расстрелять или «рассмотреть дела по первой категории», а остальных приговорить к различным срокам лишения свободы, что означало «рассмотреть дела по второй категории».

Сроки операции, которую первоначально планировалось закончить к декабрю 1937 г., постепенно отодвигались вплоть до ноября 1938 г.

На каждого арестованного предполагалось заводить следственное дело. Само следствие требовалось проводить «ускоренно и в упрощенном порядке». По окончании следствия дело направлялось на рассмотрение тройки.

Стандартный набор документов по каждому следственному делу должен был включать ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкету арестованного, агентурно-учетный материал, протоколы допросов и краткое обвинительное заключение.

Следственное дело обычно начиналось справкой на арест, в которой в общих чертах излагались основания для данной меры пресечения. Каждая такая справка должна была подписываться составившим ее оперативным сотрудником и кем-либо из руководящих работников органов госбезопасности (как правило, не ниже уровня заместителя начальника отдела УГБ или начальника районного отдела областного УНКВД).

Следственные дела могли быть групповыми и индивидуальными. Для упрощения процедуры следствия многие уголовные дела в годы репрессий оформлялись как групповые, причем количество арестованных, проходивших по каждому из таких дел, могло достигать нескольких десятков человек.

Следственные действия во время массовых репрессий 1937–1938 гг. на Смоленщине осуществляли оперативные сотрудники, состоявшие во всех отделах управления государственной безопасности независимо от их наименований. Основная «нагрузка» возлагалась на сотрудников 3, 4 и 5 отделов УГБ УНКВД по Западной (Смоленской) области. Третий отдел УГБ областного УНКВД в основном занимался репрессиями в отношении национальных контингентов. Четвертый, как и прежде, предпринимал карательные меры в отношении «антисоветских элементов». Репрессии против военнослужащих Белорусского военного округа осуществлялись, главным

образом, через 5-й отдел УГБ УНКВД по Западной (Смоленской) области.

В проведение массовых репрессий были вовлечены и сотрудники других отделов или управлений УНКВД по Смоленской области, как, например, работники милиции, которые принимали участие в арестах, обысках, конвоировании, допросах арестованных и даже в приведении приговоров в исполнение.

В целом репрессивную деятельность по политическим мотивам в период 1937–1938 гг. на Смоленщине осуществляли несколько формально не зависимых друг от друга органов государственной безопасности: УГБ УНКВД по Западной (Смоленской) области, дорожно-транспортные отделы ГУГБ НКВД Западной и Московско-Киевской железных дорог, 3-й отдел при Вяземлаге ГУЛАГа НКВД и с июня 1938 г. ОО НКВД Белорусского военного округа.

Работники 3-го отдела при Вяземлаге НКВД, как и сотрудники отделения третьего отдела УГБ при ОМЗ областного УНКВД, осуществляли репрессии по политическим мотивам в отношении заключенных. Для этой цели по линии НКВД СССР издавались специальные циркуляры, содержавшие указания на проведение репрессий против данной категории советских граждан.

Количество оперативных работников в районном аппарате УНКВД по Смоленской области было недостаточным для осуществления широкомасштабных акций, поэтому при проведении массовых репрессий были созданы специальные межрайонные оперативные группы, укомплектованные дополнительно привлеченными сотрудниками органов госбезопасности. Имеются данные о существовании Смоленской, Велижской, Вяземской, Рославльской и Сухинической межрайонных оперативных групп (межрайопергрупп), работой которых, как правило, руководили сотрудники областного аппарата УНКВД.

В качестве основных внесудебных органов выступали тройки, действовавшие при республиканских, краевых и областных НКВД–УНКВД, выносившие приговоры заочно и на основании одних только следственных материалов. В состав троек, если речь шла, например, о репрессиях в масштабе области, как правило, входили первый секретарь обкома ВКП(б) и начальник областного УНКВД. В роли третьего участника мог выступать областной прокурор или кто-нибудь из высокопоставленных работников области. Понятие «тройка» подразумевало только основной состав участников, потому что на заседаниях обычно присутствовал секретарь, фамилия которого тоже

фигурировала в документах. Прокурор области мог принимать участие в заседаниях тройки помимо основных членов.

Состав троек, действовавших при местных НКВД–УНКВД в различных регионах, автономных и союзных республиках СССР, был первоначально определен в оперативном приказе НКВД № 00447 и впоследствии неоднократно менялся.

В первый состав при УНКВД по Западной области вошли исполняющий обязанности первого секретаря Западного обкома ВКП(б) Д. С. Коротченко, начальник УНКВД по Западной области В. А. Каруцкий и председатель Запоблисполкома К. И. Бидинский. Все трое были людьми для области новыми, еще не успели обрасти прочными связями и знакомствами, поэтому, скорее всего, выносили приговоры без особых сожалений. Каруцкий был назначен начальником УНКВД по Западной области в апреле 1937 г., Коротченко и Бидинский получили свои посты в июне этого же года после «разоблачения» бывшего «вражеского» руководства во главе с секретарем обкома партии Румянцевым.

По словам прокурора Западной (Смоленской) области Терентьева, впоследствии также принимавшего участие в заседаниях особой тройки при областном УНКВД, рассмотрение следственных дел порой затягивалось далеко за полночь, вследствие чего прокурор часто возвращался домой только под утро⁶³.

Сотрудники ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги, 3-го отдела при Вяземлаге НКВД и позднее ОО НКВД Белорусского военного округа также направляли следственные дела на рассмотрение тройки при УНКВД по Западной (Смоленской) области. Причем сотрудники ДТО Западной железной дороги делали это независимо от того, где возникло следственное дело – на территории Смоленщины или Белоруссии. Основным внесудебным органом, на рассмотрение которого передавали следственные дела сотрудники ОДТО ГУГБ НКВД станции Фаянсовая, являлась тройка при УНКВД по Тульской области. Таким образом обвиняемый мог быть арестован, к примеру, на территории Вяземского района Смоленской области, но осужден тройкой при УНКВД по Тульской области.

В протоколах заседаний тройки при УНКВД по Западной (Смоленской) области следственные дела обозначались номером того отдела УГБ УНКВД, за которым они числились. Номер отдела УГБ УНКВД в протоколах заседаний тройки мог фигурировать и в том случае, если сотрудники органов госбезопасности, производившие

следствие, непосредственно в нем не состояли, но осуществляли оперативную деятельность под его руководством.

В остальных случаях следственные дела, выносившиеся на рассмотрение тройки, обозначались названием соответствующего органа госбезопасности – ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги, ОО НКВД Белорусского военного округа, 3-го отдела при Вяземлаге НКВД или одного из районных отделов УНКВД.

Следственные дела в годы репрессий в силу большого количества арестованных часто оформлялись настолько небрежно, что даже члены троек порой были вынуждены возвращать их на доследование, прекрасно понимая отсутствие каких бы то ни было оснований для ареста и следствия. Во многих следственных делах, например, отсутствовали ордера на арест и необходимые подписи, которые должны были ставить руководящие сотрудники органов госбезопасности. Протоколы допросов в уголовных делах о контрреволюционных преступлениях, рассмотренных во внесудебном порядке, по словам самих же сотрудников органов госбезопасности, нередко были «трафаретными» и являли собой набор однообразных фраз и голословных обвинений, не подтвержденных реальными фактами.

Протокол тройки направлялся начальнику оперативной группы для приведения приговора в исполнение. Исполнение приговоров в отношении первой категории осуществлялось «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение». Документы об исполнении приговора приобщались в отдельном конверте к следственному делу каждого осужденного.

Осужденные, приговоренные к смертной казни, поступали в распоряжение особых оперативных групп, состоявших из тщательно подобранных сотрудников НКВД. Оперативные группы приводили приговоры в исполнение и в строжайшей тайне осуществляли погребение тел расстрелянных в местах, известных только очень узкому кругу лиц, исключая даже основную массу сотрудников органов госбезопасности.

В состав одной из таких особых групп, действовавшей в феврале 1938 г. при УНКВД по Смоленской области, входили три человека: старший лейтенант милиции, одновременно являвшийся начальником группы, временно исполняющий дела (врид) коменданта УНКВД по Смоленской области в звании младшего лейтенанта госбезопасности и его помощник.

Приговоренным к расстрелу ничего об их участии не сообщали. После ликвидации каждой очередной партии осужденных сотрудники особой группы составляли специальный акт в одном экземпляре

⁶³ АУ ФСБ СО. Д. 12243-с. Т. 2. Л. 90.

под грифом «совершенно секретно», в котором указывали, что «решение заседания тройки приведено в исполнение путем расстрела» такого то числа в такое-то время и «трупы зарыты на установленную глубину». В актах также перечислялись фамилии расстрелянных, но места погребения специально не указывались. После оформления акты о приведении приговоров в исполнение, как и протоколы заседаний троек, сдавались в 8-й отдел УГБ УНКВД по Западной (Смоленской) области.

Родственникам, как правило, тоже никаких сведений о судьбе расстрелянных не сообщали и тела не выдавали. Вместо этого могли, например, по истечении определенного времени сообщить о том, что арестованный якобы скончался во время предварительного следствия или в местах заключения от какой-нибудь болезни.

В 1938 г. в прокуратуру Смоленской области попало письмо, тайно преданное из тюрьмы заключенным А. П. Лапышем, арестованным Дорогобужским райотделом УНКВД по Смоленской области. По-видимому, этот человек был взят под стражу в ходе проведения «национальных» операций НКВД. По мнению прокурорских работников, содержание письма являлось «в известной мере аналогичным с жалобами других арестованных».

В письме не только в общих чертах описана технология проведения массовых репрессий 1937–1938 гг., но и содержится своеобразный ответ из первых уст на вопрос о том, что творилось в сознании простых и ни в чем не повинных людей, неожиданно для себя оказавшихся под арестом в органах НКВД:

«Миша.

По лжедоносу одного мерзавца 9/VI (1938 г. — *Е. К.*) я арестован Дорогобужским райотделением НКВД, и мне предъявляют обвинение по ст. 58 УК п. 6 (шпионаж) и 58 п.10 (агитация против Советской власти). Но это же такая ересь, что нет слов выразить возмущение. Но если бы ты знал, какие здесь применяют методы, для того чтобы заставить человека дать им нужные показания, и, получивши эти показания, пишут, что обвиняемый сам сознался в своих контрреволюционных преступлениях, ибо человека действительно заставили подписать. Когда меня стали допрашивать, начальник Чернявский так сказал: “Говори, кто тебя завербовал в польскую контрразведку и кого ты завербовал, какую шпионскую работу выполнял?!” Мне, сам знаешь, это стало смешно, ведь ничего подобного не знаешь ни душой, ни телом. Нет, говорит, сознаешься. И вот какую пытку он применил: поставил меня в отдельную комнату лицом к стене и посадил рядом милиционера, и заставил, чтобы я не шевелился, стоял

и держал руки по швам, и чтобы не давать мне спать. Через каждые два часа милиционер менялся, а я должен был стоять. Голова мутится, в глазах темно, я падал, меня поднимали, снова ставили и так держали 6 суток день и ночь, трое суток не давали кушать. Не дали капли воды. У меня стала трястись голова, от жары полопались губы, я плакал, меня ставили на колени, заставляли делать гимнастику, меня доведут до сумасшествия, и начальник Чернявский говорит, что будет так пытать столько дней, сколько вздумается, пока не скажешь то, что им нужно, и не подпишешь свое показание. Я говорит, сделаю из тебя получеловека, ты больше не жилец на свете, ты будешь есть собственное [.....] и что я буду над тобой выделять, никто не узнает⁶⁴. И вот нужно выдумывать какую-нибудь историю, признавать себя шпионом, и ни в чем не виновный — признавать себя виновным, самому себе подписывать приговор, для того чтобы спасти хоть часть здоровья и жить. <...>

И вот, получив такое вынужденное признание за собственноручной подписью, они направляют материал в Смоленск, и там заочно осуждают на лет 10–15 тюрьмы, и все в порядке, ты уже враг. И здесь поступают [так] не только со мной одним, здесь есть человек 12 — белорусы, немцы, китайцы, на кого наклеветали, и тем более, кто имел несчастье родиться за границей. <...>

Мне кажется, что я попал в фашистские лапы, я нахожусь в каком-то чудовищном кошмаре, и я, кажется, не вынесу пыток <...>

Миша... напиши обо всем этом народному комиссару товарищу Ежову, пиши в ЦК ВКП(б), бей в набат, ведь они меня погубят. Ведь мне начальник райотдела НКВД Чернявский говорит, что мало этого, мы тебе еще будем вбивать под ногти булавки и иголки, а скажешь. Ведь люди под страхом пытки подписываются под любым показанием, что им напишут. <...>

Нужно немедленное вмешательство властей, ведь, может быть, здесь в РО НКВД и сидят враги, и делают все, чтобы отвлечь от себя внимание»⁶⁵.

Порядок осуждения национальных контингентов был принципиально новым для органов ОГПУ–НКВД. Значительная часть следственных дел проходила через тройки, но очень многие латыши и по-

⁶⁴ В характеристике, составленной секретарем Дорогобужского райкома ВКП(б) в декабре 1938 года на Чернявского, отмечалось, что он «провел большую работу по выкорчевыванию враждебных элементов» в районе. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325. Л. 46.

⁶⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325. Л. 79–81.

ляки были осуждены в так называемом «альбомном» порядке, имевшим свои особенности.

После ареста и окончания следствия на обвиняемых составлялись специальные справки, которые перепечатывались в виде списков и передавались на рассмотрение двух человек: начальника местного НКВД–УНКВД и прокурора. Отсюда возникло еще одно неофициальное название данного внесудебного органа – двойка. После вынесения приговора списки отсылались на утверждение в Москву, где их должны были утвердить нарком НКВД СССР и прокурор СССР, то есть Н. И. Ежов и А. Я. Вышинский. После утверждения списки возвращались обратно в регион для приведения приговоров в исполнение⁶⁶.

Такой порядок осуждения был разработан исключительно для национальных контингентов. «Альбомным» он назывался потому, что списки обвиняемых печатались по широкой горизонтальной стороне листа и сшивались по узкой на манер альбома. Отсюда и своеобразные выражения сотрудников НКВД – «записать на альбом» или «снять с альбома», что означало вернуть дело на доследование.

Следственные дела по контрреволюционным преступлениям, подлежавшие рассмотрению во внесудебном порядке, не были поднадзорны сотрудникам прокуратуры и передавались на рассмотрение напрямую. В том случае, если дело поступало на рассмотрение тройки или Особого совещания при НКВД СССР, в обвинительных заключениях указывались именно эти внесудебные органы. При рассмотрении следственного дела в «альбомном» порядке в обвинительном заключении приписывалось, что дело следует «направить на внесудебное рассмотрение в НКВД СССР».

Репрессиям подлежали также и лица, находившиеся в местах лишения свободы. Так, с 10 августа 1937 г. предлагалось начать и в двухмесячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных антисоветских элементов из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковных и прочих контрреволюционеров, ведущих в лагерях антисоветскую подрывную работу. Кроме того, репрессиям подлежали и уголовные элементы, содержащиеся в лагерях и ведущие там преступную деятельность. Весь перечисленный контингент после рассмотрения дел на тройках подлежал расстрелу без дальнейшего согласования.

⁶⁶ Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан: Выпуск 1. М., 1997. С. 28.

Как правило, особые тройки выносили обвинительные приговоры, формулировки в которых были стандартными: «РАССТРЕЛЯТЬ. Лично ему принадлежащее имущество конфисковать» или «заключить в ИТЛ сроком на ... лет, считая срок с ... г.».

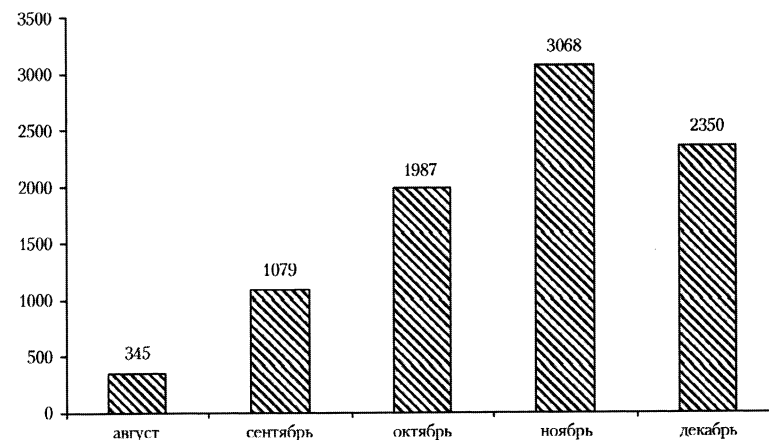
Решения особой тройки оформлялись в виде специально напечатанных протоколов, которые подшивались на манер обычного канцелярского дела и сдавались в 8-й отдел УГБ УНКВД по Западной (Смоленской) области. Выписки (распечатки) из протоколов особой тройки с вынесенным приговором подшивались к следственным делам.

8 сентября 1937 г. Н. И. Ежов докладывал Сталину о первых итогах операции по репрессированию антисоветских элементов. Всего на 1 сентября 1937 г. было арестовано 146 225 человек. Из них 69 172 – бывших кулака, 41 603 – уголовника и 35 454 – контрреволюционных элементов. Из этого числа арестованных осуждено тройками – к расстрелу 31 530 и заключению в лагеря и тюрьмы 13 669 человек. «Уже первые результаты операции показывают, – писал Ежов, – что удар был нацелен правильно и что он наносился по тем наиболее враждебным элементам, которые, будучи мало затронуты в прошлом, являлись основной базой для работы контрреволюционеров всех мастей»⁶⁷.

«Реализация» приказа № 00447 на Смоленщине за вторую половину 1937 г. выглядит следующим образом.

Приложение 33

Репрессированная Смоленщина, 1937–1938 гг.
Репрессировано за август–декабрь 1937 г. (8829 чел.)

⁶⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 337.

Основными мерами наказания за этот период стали: расстрел — 3702 человека, лишение свободы — 5068 человек (из них 10 лет ИТЛ — 4655 человек).

2 ноября 1937 г. постановлением политбюро ЦК ВКП(б) председателем особой тройки «по репрессированию кулацко-уголовных элементов взамен выбывших» по Смоленской области был утвержден начальник управления НКВД Наседкин.

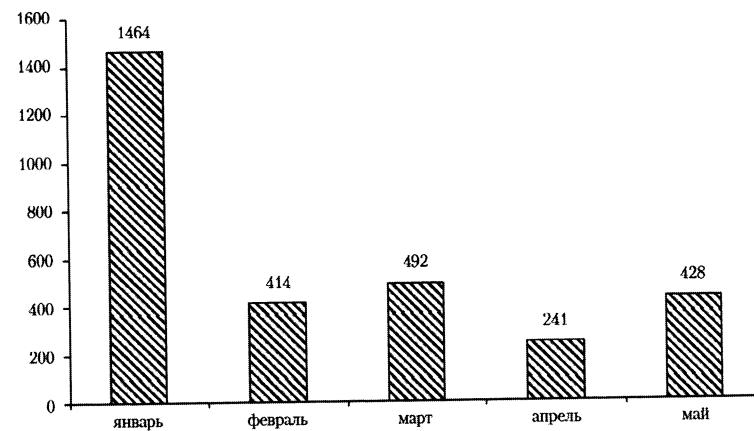
К этому времени, как видно из диаграммы, план по высшей мере наказания на Смоленщине фактически уже был выполнен. И тогда, 20 ноября 1937 г., секретарь Смоленского обкома ВКП(б) М. С. Савинов в шифротелеграмме на имя Сталина и Ежова пишет: «Установленный для Смоленской области лимит кулацкой операции первой категории исчерпан. В связи с окончанием операции в ближайшее время необходимо осудить более 2-х тысяч человек активных контрреволюционеров — попов, сектантов, организаторов контрреволюционных формирований, террористов, большая часть которых должна быть отнесена к первой категории. Прошу разрешить увеличить лимит по первой категории на 1000 человек»⁶⁸.

Подобного рода «заявки» с мест стали обычным делом в «соревновании» на уничтожение «врагов народа». 31 января 1938 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило дополнительное количество подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и «активного антисоветского элемента» по 22 краям и областям. Смоленской области в списке не было. И в этих последних областях (как и в Смоленщине. — *Е. К.*) работу троек по рассмотрению дел на бывших кулаков и других предписывалось закончить не позднее 15 февраля 1938 года.

По стране маховик репрессий заработал на всю свою мощь.

А на Смоленщине отсутствие дополнительных лимитов резко снизило масштабы репрессивной практики уже в феврале 1938 года.

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано за январь–май 1938 г. (3039 чел.)

Но зато фактически в два раза вырос процент приговоренных к расстрелу: 2516 человека, или 83 %, в то время как в 1937 г. этот «показатель» составил «лишь» 42 %.

Размах репрессий по всей стране заставил руководство органов НКВД внести некоторые «поправки» в деятельность троек.

21 мая 1938 г. вводилась в действие взамен объявленной ранее новая инструкция по работе троек НКВД, в соответствии с которой аресты следовало проводить не кампаниями или массовыми операциями, а повседневно. При вынесении своих решений тройкам надлежало руководствоваться правами, предусмотренными положением об Особом совещании, и выносить следующие административные решения: заключение в лагеря НКВД на срок до пяти лет, высылка из крупных промышленных городов в нережимные местности в пределах области, края на срок до пяти лет. Осужденные на срок менее трех лет направлялись в местные ИТК. Устанавливался 15-дневный срок ведения следствия и рассмотрения дел на тройках.

Рассмотрение каждого дела тройкой требовалось производить с обязательным вызовом на заседание тройки привлеченного. Если арестованный содержался вне областного центра, то перед отправкой дела на рассмотрение тройки арестованный допрашивался начальником горрайотдела милиции совместно с прокурором под протокол, который приобщался к делу, а арестованный на тройку не вызывался.

По рассмотренным на тройках делам велся протокол, в котором указывались все собранные материалы, краткое объяснение аресто-

⁶⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 432–433.

ванного, когда и за что задержан, где содержится под стражей и все, что выявила тройка. В заключительной части указывалось, какая и кому предлагалась административная мера и с какого числа считается начало ее срока.

Наряду с тройками в течение 1937 и 1938 гг. активно работала так называемая двойка, официально именуемая Комиссией НКВД и Прокурора СССР. Эта комиссия создавалась специально для того, чтобы упростить уничтожение людей, арестованных в порядке проведения массовых операций.

Комиссия НКВД и Прокурора СССР вынесла решения о расстрелах десятков тысяч советских граждан. Только 29 декабря 1937 г. Ежов и Вышинский, рассмотрев списки на 1000 человек, осудили к расстрелу 992 человека, 10 января 1938 г. рассмотрели списки на 1667 человек, 14 января — на 1569 человек, 15 января — на 1884 человека, 16 января — на 1286 человек, 21 января — 2164 человека⁶⁹.

Всего за время репрессий 1937–1938 гг. было издано свыше десяти основных оперативных приказов и циркуляров НКВД, определявших потенциальных жертв и порядок проведения репрессий. Помимо приказов, являвшихся основополагающими документами, по линии НКВД СССР также издавались всевозможные инструкции и прочие оперативные документы, касавшиеся проведения репрессивных акций.

Одновременно по линии прокуратуры были даны соответствующие указания, согласно которым прокурорские работники не только не должны были препятствовать репрессивной деятельности сотрудников органов госбезопасности, но даже оказывать им посильное содействие. Шифротелеграмма прокурора СССР А. Я. Вышинского № 973/ш/19723 от 7 августа 1937 г. предписывала всем прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей, автономных областей, военных округов и железных дорог ознакомиться с оперативным приказом НКВД № 00447 и «активно содействовать успешному проведению операции». Соблюдения процессуальных норм и предварительных санкций на арест не требовалось⁷⁰.

Все это неминуемо привело к огромным человеческим жертвам и страданиям.

Самым безжалостным органом репрессии на Смоленщине в годы Большого террора стала тройка. Всего тройками было осуждено в области за период с августа 1937 по декабрь 1938 гг. 10 734 человека.

⁶⁹ Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 162.

⁷⁰ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 98–99.

За это же время через спецколлегию «прошли» 176 человек, Особым совещанием были осуждены 820 человек, линейным судом — 72 человека.

Апогей репрессий пришелся на сентябрь–декабрь 1937 г. Только за эти четыре месяца всеми органами репрессии было «осуждено» почти 7400 человек! Основную «работу» выполнили тройки.

Приложение 35

**Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано тройками с августа 1937 г. по декабрь 1938 г. (10 734 чел.)**

Август 1937 г.	Сентябрь 1937 г.	Октябрь 1937 г.	Ноябрь 1937 г.	Декабрь 1937 г.	Январь 1938 г.	Февраль 1938 г.	Март 1938 г.	Апрель 1938 г.	Май 1938 г.	Июнь 1938 г.	Июль 1938 г.	Август 1938 г.	Сентябрь 1938 г.	Октябрь 1938 г.	Ноябрь 1938 г.	Декабрь 1938 г.	Всего
311	849	1634	2649	2006	575	191	440	8	191	5	27	5	582	1242	12	7	10 734

О степени жесткости и жестокости мер репрессии со стороны троек дает представление следующая таблица.

Приложение 36

**Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Меры репрессии троек с августа 1937 г. по декабрь 1938 г. (10 734 чел.)**

1937 г.	Мера репрессии (кол. чел.)						
	Расстрел	ИТЛ			Концлагерь	Лишение свободы	Прочее
		десять лет	восемь лет	пять лет			
Август	167	107	26	5	0	5	0
Сентябрь	319	463	50	0	0	17	0
Октябрь	701	876	17	0	3	33	4
Ноябрь	1084	1494	13	5	0	50	4
Декабрь	490	1348	93	7	0	55	12
Всего	2761	4288	199	17	3	160	20

1938 г.	Мера репрессии (кол. чел.)						
	Расстрел	ИТЛ			Концлагерь	Лишение свободы	Прочее
		десять лет	восемь лет	пять лет			
Январь	563	10	1	0	0	0	0
Февраль	174	12	1	4	0	0	0
Март	434	2	1	0	0	2	0
Апрель	6	0	1	0	0	0	3
Май	186	0	0	0	0	2	3
Июнь	1	2	1	1	0	0	1
Июль	25	1	0	1	0	0	1
Август	1	2	0	2	0	0	0
Сентябрь	293	165	54	55	0	10	1
Октябрь	381	496	249	59	3	45	2
Ноябрь	3	5	3	1	0	0	10
Декабрь	1	5	0	1	0	0	0
Всего	2068	700	311	124	3	59	21

В целом такое же соотношение в жертвах различных репрессивных органов имело место и в целом по стране.

В январе 1954 г. министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов подготовил для Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева рапорт. Из него следовало, что за 1937–1938 гг. НКВД арестовало более 1,5 млн человек, из них 1 млн 350 тыс. были осуждены, в том числе более 680 тыс. приговорены к расстрелу, 1728 чел. — к 25 годам лишения свободы, 1515 чел. — к 20 годам, 5043 чел. — к 15 годам, 626 534 чел. — на срок до 10 лет, 18 208 чел. — приговорены к ссылке и высылке⁷¹.

Из общего числа репрессированных за это время 1 млн 101 тыс. были осуждены тройками НКВД, 135 тыс. — военными коллегиями, трибуналами и судами, 64 тыс. — Особым совещанием⁷².

И здесь вполне уместным может быть замечание исследователя политических репрессий В. В. Кожина: «...в 1937–1938 годах... если угодно, *расстреливали* за то, за что в 1935-м или в 1939-м не стали бы даже *арестовывать*...»⁷³.

Из рук НКВД попавшим под арест в это время вырваться было весьма трудно. Всего по Смоленской области с июля 1937 г. по 1 января 1939 г. было освобождено органами НКВД, как незаконно арестованных, всего 680 человек⁷⁴.

При этом арестами только «непосредственных врагов народа» не ограничились. Параллельно изолировались от общества и члены семей «вредителей» и «шпионов».

Оперативным приказом НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. «О репрессировании жен и размещении детей осужденных “изменников Родины”» подлежали аресту жены «изменников Родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 года»⁷⁵. Жены подлежали заключению в лагеря на сроки от 5 до 8 лет, их «социально-опасные дети» — в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или «водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик». Женщин с грудными детьми сразу после объявления приговора надлежало без завоза в тюрьму направлять непосредственно в лагеря. Также следовало поступать и с женщинами преклонного возраста. Малолетних детей в возрасте до 15 лет следовало отдельно от матерей размещать в детских домах и яслях Наркомздравов и Наркомпросов республик. Туда же направлять должны были и грудных детей после достижения ими возраста 1–1,5 лет.

Окончание общего кошмара «всеобщей охоты на ведьм» наметилось осенью 1938 г.

Постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 8 октября 1938 г. комиссии в составе Ежова, Берии, Вышинского, Рычкова и Маленкова поручалось разработать в 10-дневный срок проект постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия. 17 ноября совместным решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) такое постановление было утверждено.

⁷³ Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. М., 2002. С. 322.

⁷⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 147.

⁷⁵ История сталинского ГУЛАГА... Т. 1. С. 277.

⁷¹ История сталинского ГУЛАГА... Т. 1. С. 609 (док. 223).

⁷² Там же. С. 609 (док. 223).

В соответствии с этим документом органам НКВД и прокуратуры запрещалось производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. Аресты следовало производить только по постановлению суда или с санкции прокурора, как это предписывалось Конституцией. Ликвидировались судебные тройки⁷⁶.

17 ноября 1938 г. вышел приказ НКВД № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года». Этим документом немедленно прекращалось производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, объявлялись утратившими силу связанные с массовыми репрессиями приказы, циркуляры и распоряжения НКВД СССР, все следственные дела, находившиеся в производстве в органах НКВД, следовало направлять в суды или Особое совещание при НКВД СССР, отменялась практика продления наказания находившимся в ссылке и лагерях⁷⁷.

Свет в конце тоннеля забрезжил. Но, увы, пока далеко не для всех.

2.4.4. «Национальные операции» на Смоленщине

По данным Смоленского губисполкома, на апрель 1929 г. в Смоленской губернии (как раз накануне создания Западной области) было учтено 78 703 представителя национальных меньшинств, что составляло 3,5 % от общего населения губернии.

Из них больше всего было евреев — 35 656 человек (45 % к общей цифре нацменьшинств, 1,5 % к общему числу населения губернии). В основном евреи проживали в городах — 29 649 человек, в сельской местности — лишь 6007 человек. По социальному положению еврейское население распределялось следующим образом: кулаки — 31,6 %, торговцы — 18,3 %, служащие — 17,5 %, рабочие — 9,5 %, земледельцы — 8,5 % и др.

Второй по численности группой были белорусы — 20 408 человек (25 % от общего числа нацменьшинств, 0,9 % к численности населения губернии). В сравнении с евреями, они наоборот проживали большей частью в деревне — 15 201 чел., а в городах жило 5207 человек.

Далее шли латыши. Их было всего 7581 человек (9,6 % нацменьшинств, 0,34 % населения губернии). Так же как и белорусы, латыши в основном жили в сельской местности (6152 чел.), а в городах —

⁷⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 607–611.

⁷⁷ Там же. С. 612–615.

1429 человек. Жили они отдельными колониями, которых насчитывалось около 70 с общим количеством хозяйств — 918. Главное занятие — сельское хозяйство, в основном животноводство.

Четвертую группу составляли поляки — 6038 человек (7,6 % нацменьшинств, 0,27 % населения губернии). Большая часть поляков жила в городах — 3188 человек, остальные в сельской местности — 2850 человек⁷⁸.

Другие национальности были представлены следующим образом: украинцы — 2404 чел., литовцы — 1388 чел., немцы — 1080 чел., цыгане — 1801 чел., эстонцы — 591 чел., татары — 581 чел. и прочие — 1245 чел.

Будущие репрессии второй половины 1930-х гг. против национальных меньшинств на Смоленщине пропагандистски как бы закладывались еще раньше. В январе 1930 г. в специальной справке по только что административно оформившейся Западной области с центром в Смоленске работники НКВД писали следующее: «Западная область — прифронтовая, пограничная. Близость польско-латвийской границы создает из Западной области в будущей войне ближайший тыл, который заблаговременно должен быть обеспечен благоприятной политической обстановкой»⁷⁹. Здесь были сосредоточены «ряд стратегических пунктов, важных военных складов, заводов военной промышленности и расположено Управление Белорусского военного округа». То есть формальных оснований для шпиономании было недостаточно.

Начались национальные чистки в регионе с немцев.

а) Немцы

Переселяться в Российскую империю немцы начали в XVIII веке. Наиболее активно этот процесс шел во второй половине XVIII — первой половине XIX века. В это время в отношении российских немцев проводилась открытая протекционистская политика. Со второй половины XIX века началась массовая эмиграция немцев за пределы Российской империи. Это было связано с реформой немецкой колонии на основе закона 1871 г., введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности и другими мерами правительства. Затем в системе образования появились требования обязательного введения в нацио-

⁷⁸ Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине: 1918–1938: Документы и материалы / Отв. ред. Д. И. Будаев. Смоленск, 1994. С. 145–153.

⁷⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Пор. 549. Л. 6.

нальных школах преподавания на русском языке и закона божьего. По Столыпинской аграрной реформе немецких колонистов (наряду с другими национальностями) стали ограничивать в праве приобретения земельной собственности. Первая мировая война развязала шовинистическую антинемецкую кампанию в России вплоть до погромов в отдельных городах. Все это усиливало немецкую эмиграцию из России.

С июля 1927 г. в стране начинается процесс создания отдельных немецких районов. На их основе была создана Республика немцев Поволжья.

На территории Смоленщины немцев было немного. Из справки Смоленского окружкома ВКП(б) на 25 октября 1929 года: «Немцы составляют значительное меньшинство, и они проживают отдельными хуторами и отдельными семьями». Численность их в губернии накануне создания Западной области составляла 1080 человек.

Немцы были к этому времени седьмой по численности национальностью на Смоленщине. А еще совсем недавно, менее чем полвека назад, представителей Германии на Смоленщине было 34 % от всех иностранных подданных, и они занимали второе место среди представителей 17 иностранных государств, проживавших в губернии. Хотя общее число немцев по переписи 1897 г. составляло в регионе всего 591 чел., или 0,04 % всего населения губернии.

С усилением в Германии влияния национал-социалистической рабочей партии и приходом к власти А. Гитлера в СССР начинает активно проявляться недоверие к советским немцам, их начинают рассматривать как потенциальную опасность для советского государства. В июле 1932 г. в циркуляре ОГПУ «О борьбе с разведывательной и вредительско-диверсионной работой немецких фашистов против СССР» в качестве основного направления подрывной работы российских немцев указывалось на усиление открытой фашистской пропаганды⁸⁰. Намечались задачи на длительный период. Органам госбезопасности следовало устанавливать лиц немецкой национальности, находящихся в переписке с родственниками в Германии и других странах, усилить наблюдение за специалистами-немцами в оборонных отраслях промышленности и служащими в Красной армии.

Так в начале 1930-х гг. уже начиналась подготовка к будущим массовым репрессиям по отношению к советским немцам.

⁸⁰ Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 75.

Только за 1934 год было арестовано около 4 тыс. российских немцев, которые оказывали содействие зарубежным организациям в распространении материальной помощи советским немцам в период голода 1933–1934 гг.⁸¹

В мае 1935 г. на места был направлен циркуляр Секретно-политического отдела НКВД СССР «О немецкой фашистской организации в СССР». Основные обвинения в нем выдвигались против представителей советской интеллигенции — преподавателей высших и средних учебных заведений, литературных работников издательств. Дело получило название «Арийцы». Члены группы «сознались» в том, что ставили целью создание в стране террористических организаций.

В течение 1935–1936 гг. были «вскрыты» сотни фашистских «террористических организаций», которые готовили теракты на Красной площади, лично против Сталина и других высших должностных лиц страны. На начало 1936 г. только в Республике немцев Поволжья велось 98 дел, связанных с советскими немцами и германскими подданными, по которым в качестве подозреваемых проходили 1441 человек⁸².

20 июля 1937 г. на заседании политбюро ЦК ВКП(б) Сталин написал записку: «Всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать». Именно с нее, по оценке Н. Охотина и А. Рогинского, «собственно говоря, и начинается “немецкая операция”» НКВД⁸³. Решение политбюро было соответствующим:

«Предложить т. Ежову дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах (артиллерийские, снарядные, винтовочно-пулеметные, патронные, пороховые и т. п.), и высылке части арестованных за границу.

Копию приказа прислать в ЦК.

О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК»⁸⁴.

25 июля 1937 г. такой приказ был подготовлен (№ 00439). Оперативными и следственными материалами якобы доказывалось, что германский Генеральный штаб и гестапо в широких размерах проводят в СССР шпионскую и диверсионную работу на важнейших

⁸¹ Там же. С. 76.

⁸² Там же. С. 81.

⁸³ Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев... С. 35.

⁸⁴ Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С. 35.

и, в первую очередь, оборонных предприятиях, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных.

Чтобы полностью пресечь эту деятельность, нарком приказывал начиная с 29 июля приступить к арестам германских подданных. Всю операцию по арестам предполагалось закончить в пятидневный срок. Однако на практике она длилась до 17 ноября 1938 г.

Одновременно предписывалось произвести срочный учет германских подданных, работающих во всех других отраслях советского хозяйства, а кроме того, бывших германских подданных, принявших советское гражданство, но ранее работавших в оборонной промышленности. На них всех следовало представить в Москву меморандумы с компрометирующими материалами «для решения вопроса об аресте».

Аресты по данной операции начались в стране с 30 июля 1937 г. Но уже очень скоро она была «отодвинута в сторону» другими, гораздо более масштабными операциями: 5 августа начались аресты по приказу № 00447 (так называемая «кулацкая операция»), 15 августа — по приказу № 00485 («польская операция») и др.

Чем обосновывался приказ «по немцам»?

В значительной мере ответ дает директивное письмо ГУГБ НКВД № 26 от 2 апреля 1937 г. «О возрастающей активности германских разведывательных органов...». В нем указывалось:

«Материалы по делам, ликвидированным во второй половине 1936 г., свидетельствуют о том, что значительно усилилась деятельность германских фашистов, типичная для предвоенного периода. Конкретная деятельность германских разведывательных органов на нашей территории развивается в следующих основных направлениях.

Организация террористических групп и создание кадров террористов-одиночек из среды граждан СССР для организации центральных террористических актов.

Создание диверсионных ячеек на всех сколько-нибудь значительных оборонных предприятиях с таким расчетом, чтобы к моменту войны развернуть разрушительную работу на основных предприятиях оборонного значения. Осуществление ряда диверсионных актов уже в настоящее время.

Организация совместной подрывной работы с антисоветским троцкистским подпольем внутри Советского Союза.

Создание в среде немецкого населения действенных повстанческих баз в тылу, подготовка к организации вооруженных выступлений к моменту войны.

Проникновение в ряды Красной Армии для создания в воинских частях террористических и диверсионных формирований. <...>

Практика показала, что все эти формы враждебной работы в действительности не отделены друг от друга, а, наоборот, переплетаются самым тесным образом. Большинство ликвидированных немецких диверсионных резидентур и организаций занималось параллельно организацией террористической работы, все проводили разведывательную работу, а в районах, где имеются сколько-нибудь значительные группы немецкого населения, одновременно подготавливали повстанческие кадры. Немецкие террористы, диверсанты, шпионы и организаторы массовой фашистской работы выступают почти повсеместно в одном лице»⁸⁵.

Однако отдельной директивы по аналогии с «польской» или «латышской» так и не последовало. «Чистили» как подданных Германии, так и советских граждан немецкой национальности.

Сколько было подвергнуто репрессиям?

Некоторые авторы считают, что в целом по стране было арестовано 65–68 тысяч немцев. Осуждено только в «альбомном порядке» было 55 005 человек. Из них к расстрелу (1 катег.) — 41 898 человек, ИТЛ (2 катег.) — 13 107, ИТЛ (10 лет) — 10 247, ИТЛ (5–8 лет) — 1913, ИТЛ (3 года) — 23 человека⁸⁶.

За период с начала операции и до 15 ноября 1938 г. из общего числа осужденных по стране (55 005 чел.) было приговорено к расстрелу в альбомном порядке 24 910 чел., Особыми тройками — 16 988 чел., к прочим мерам наказания в альбомном порядке — 5624 чел., Особыми тройками — 7483 чел.

На Смоленщине, по данным Охотина и Рогинского, эти цифры соответственно были следующими: всего было осуждено 242 человека, из них к расстрелу — 76 (все Особой тройкой), и 166 человек также Особой тройкой к прочим мерам наказания⁸⁷.

Материалы «Смоленского мартиролога» дают несколько иную картину.

В течение августа–декабря 1937 г., то есть в первый период немецкой операции, на Смоленщине всего был арестован 21 житель немецкой национальности.

Из них к расстрелу приговорили 14 человек (67 %!!! — Е. К.), отправили в ИТЛ 7 человек.

⁸⁵ Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С. 40–41.

⁸⁶ Там же. С. 62–63.

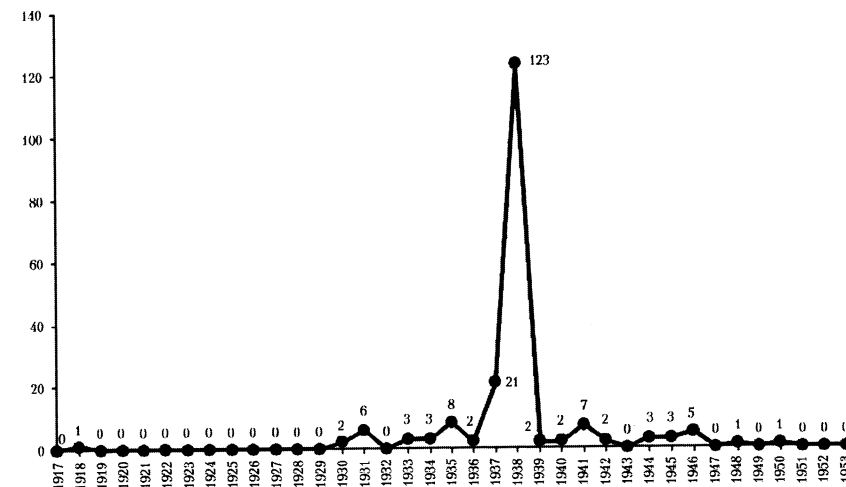
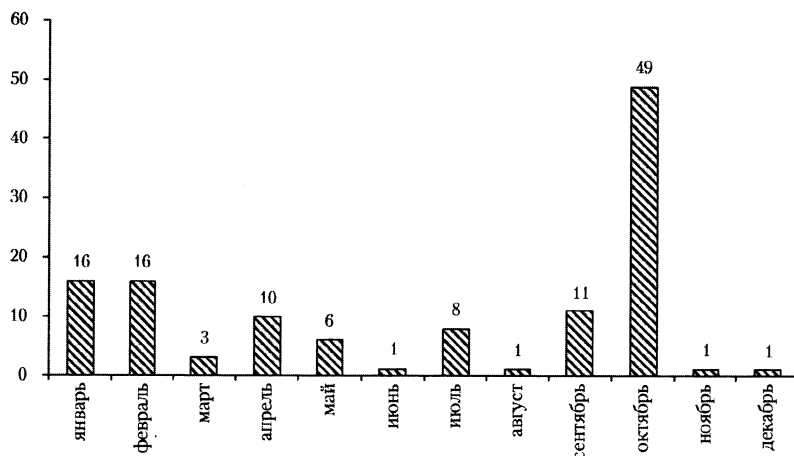
⁸⁷ Там же. С. 64–66.

Не было проявлено какой-либо жалости к немцам и в 1938 г. Из 123 арестованных меру наказания «расстрел» получили 53 человека (это уже «снижение» до 43 %), а из 69 человек, лишенных свободы, 45 были приговорены к 10 годам ИТЛ.

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано немцев за 1917–1953 гг. (195 чел.)

Приложение 37

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано немцев за 1938 г. (123 чел.)

б) «Польская операция»

Польша занимает особую страницу в истории Смоленщины.

После освобождения в 1514 г. из-под власти Великого княжества Литовского Смоленск стал «лакомым куском» для соседней Речи Посполитой. В эпоху «смутного времени», воспользовавшись фигурой Лжедмитрия I, в сентябре 1609 г. войска польского короля Сигизмунда осадили Смоленск. Целых 20 месяцев понадобилось полякам, чтобы захватить город и включить его в состав польского государства. Лишь в 1654 г. Смоленск был окончательно отвоеван у Речи Посполитой и по Андрусовскому перемирию (1667 г.) навсегда вошел в состав России.

За время польско-литовского владычества польская шляхта получила немало смоленских земель. Многие смоляне ушли на службу польскому королю. В итоге на территории Смоленщины и после революции оказалось значительное число поляков.

По данным переписи 1920 г., в Смоленской губернии проживало 6023 поляка. Из них больше всего жило в Смоленском уезде (2531 чел.). Затем шел Рославльский уезд (1656 чел.) и Духовщинский (387 чел.). В наиболее отдаленных от губернского центра уездах поляков было совсем мало — в Бельском 132 чел., а в Сычевском всего 39 чел.

Всплеск в октябре 1938 г. объясняется общей сентябрьской утановкой Москвы передать дела по национальным операциям Особым тройкам с обязательным вынесением приговоров в ближайшее время.

В целом же «немецкая операция» не получила в регионе такого развития и масштаба, как в крупных промышленных центрах, даже несмотря на приграничное положение области.

Это объяснялось малым числом оборонных предприятий и отсутствием здесь мест компактного проживания немцев, да и в целом общей незначительной численностью немецкого населения.

В целом польское население предпочитало города или крупные поселки. В самом Смоленске проживало 1429 поляков⁸⁸.

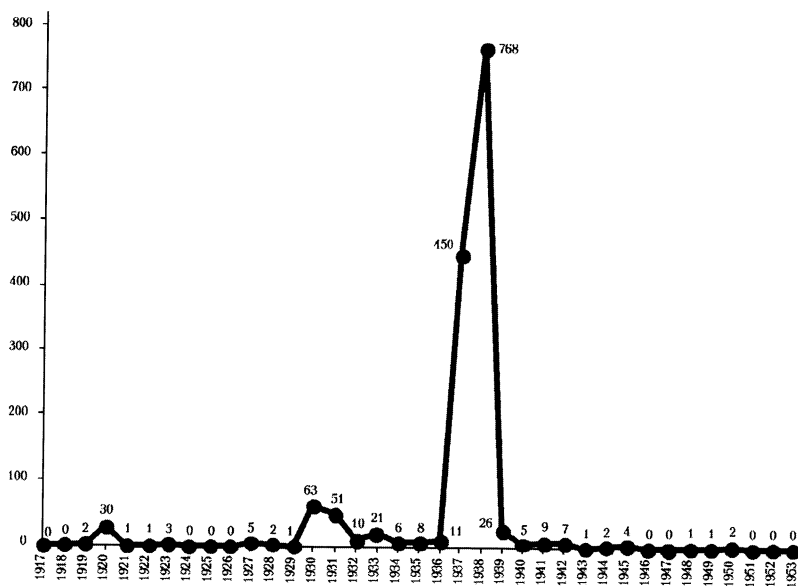
Перепись 1923 г. показала, что значительная часть польского населения все больше предпочитала жить в городах и в крупных поселках уездного уровня: в Смоленске — 2018 чел., в Рославле — 678 чел., в Вязьме 186 чел., в Ярцеве 125 чел., всего в городах и поселках городского типа — 3438 чел. В сельской местности поляков проживало 2904 чел. При этом преобладающее большинство жило в Смоленском (1319 чел.), Рославльском (633 чел.), Демидовском (281 чел.) и Ярцевском (223 чел.) уездах.

На октябрь 1929 г. польское население проживало колониями в Слободском районе (Скорьяки — 16 хозяйств, Кривка — 17 хозяйств), Ярцевском районе (Картыши — 30 хозяйств), Кардымовском районе (Зыкулино — 23 хозяйства, Перфилово — 10 хозяйств, Насдутчино — 6 хозяйств, Ново-деревня — 5 хозяйств) и в др. И это почти все, жившие в деревне. Остальные относились к горожанам.

Такое соотношение городского и сельского населения объясняет и то обстоятельство, что поляки в очень незначительном количестве попали под политику раскулачивания начала 1930-х годов.

Приложение 39

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 г.
Репрессировано поляков (1491 чел.)

⁸⁸ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1701. Л. 9.

С русским населением и представителями других национальностей поляки жили мирно, дружно, имея свою устоявшуюся нишу в социально-экономической жизни губернии.

Шпиономания в отношении поляков инициировалась исключительно Москвой. И это хорошо проявлялось уже в середине 1920-х годов.

Еще в апреле 1926 г. в спецсообщении Г. Г. Ягоды Сталину говорилось о том, что «польские... штабы по заданию англичан приступили к проведению широкой диверсионной работы в отношении нашего Союза и значительно расширили свою разведывательную сеть на нашей территории»⁸⁹. А в записке Ф. Э. Дзержинского Сталину от 11 июля 1926 г. прямо говорится, что «Польша готовится к военному нападению на нас с целью отделить от СССР Белоруссию и Украину»⁹⁰.

В марте 1933 г. ОГПУ была произведена операция по «очистке западной пограничной полосы». В итоге операции по границам Украины, Белоруссии, Западной и Ленинградской областей было арестовано 18 802 чел. Из этого числа, как сообщал Сталину в своей записке заместитель председателя ОГПУ Г. Е. Прокофьев, участников диверсионных и повстанческих организаций и групп было 14 391 чел., шпионов с выявленными их связями — 4441 чел.⁹¹ При ликвидации раскрытых организаций было задержано 18 эмиссаров польской разведки, ликвидировано 65 шпионских резидентур: польской (54), латвийской (5), румынской (4), финской (1) и эстонской (1) разведок⁹². Но их деятельность продолжалась и далее. И только с 15 апреля по 1 августа 1933 г. ОГПУ было вновь задержано 163 агента польской, латвийской и др. разведок. За это же время было ликвидировано 12 резидентур иностранных разведок.

В спецсообщении Г. Г. Ягоды Сталину в мае 1934 г. говорится, что 10 апреля 1934 г. был утвержден приговор о применении высшей меры социальной защиты в отношении руководителей вскрытой «Польской военной организации» («Польская организация войскова», ПОВ). Однако исполнение приговора было временно приостановлено. И теперь он просил Сталина решить вопрос о приведении приговора в исполнение⁹³. 9 июня 1934 г. политбюро ЦК ВКП(б)

⁸⁹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 117.

⁹⁰ Там же. С. 118.

⁹¹ Там же. С. 460.

⁹² Там же. С. 461.

⁹³ Там же. С. 525–526.

разрешило ОГПУ привести этот приговор в исполнение⁹⁴. Речь шла о шести членах ПОВ, арестованных на Украине.

В начале декабря 1935 г. нарком внутренних дел БССР И. М. Леплевский направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) Н. Ф. Гикало записку о «шпионской» работе поляков в Белоруссии по линии республиканской компартии и комсомола. В ней говорилось об «исключительно активной» работе, которую проводили поляки на территории Белоруссии по этим каналам. Ко времени подготовки записки уже было задержано 104 агента польских разведывательных органов, «непосредственно переброшенных из Польши и сознавшихся в проведении шпионской и повстанческой работы», а также было ликвидировано 30 шпионских и диверсионно-повстанческих резидентур польской разведки. В основном эта работа строилась под видом политэмигрантов из Польши на территории Советского Союза.

15 декабря 1935 г. Г. Г. Ягода сообщал Сталину о ликвидации польской националистической организации в Ленинградской области, которая ставила своей задачей «создание диверсионных ячеек на оборонных заводах Ленинграда и подготовку террористической деятельности». По делу было арестовано девять человек⁹⁵. Организация была связана с польским вице-консулом в Ленинграде.

Вскоре все проживавшие в пределах Западной, а затем и Смоленской области поляки в одночасье станут «иностранцами шпионами и диверсантами».

11 августа 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00485, положивший начало массовым репрессиям в отношении поляков. Формально задача ставилась «политически обоснованно»: необходимо было ликвидировать Польскую военную организацию, члены которой, как утверждалось, вели долгую и относительно безнаказанную диверсионно-разведывательную работу на территории СССР.

Приводились впечатляющие цифры: учтено по Союзу только 9000 из 15 000 перебежчиков из Польши, так же обстояли дела с учетом польских политэмигрантов. Верхушка ПОВ была к тому времени уже арестована. Потому основной задачей органов ГУГБ определялся «разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация не затронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР»⁹⁶.

Одновременно с приказом № 0048 за подписью Н. И. Ежова в местные органы НКВД было направлено «Закрытое письмо о фа-

⁹⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 530.

⁹⁵ Там же. С. 705–710.

⁹⁶ Там же. С. 301.

шистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». Оно шло не просто под грифом «Строго секретно», а с особым добавлением — «Хранить наравне с шифром». Что же в нем?

Дается подробная «история» создания и деятельности ПОВ. Согласно письму, «Польская организация войска» возникла в 1914 г. по инициативе и под личным руководством Пилсудского как националистическая организация активных сторонников борьбы за независимость Польши. Ее деятельность на территории СССР особенно активизировалась после майских событий 1926 г. в Польше, когда к власти вновь пришел Пилсудский. К этому времени агенты ПОВ уже были внедрены в различные государственные органы управления, включая ВЧК–ОГПУ–НКВД. За период с 1917 г. члены ПОВ готовили антисоветский переворот в 1918 г., сыграла «крупную роль» в деле срыва наступления Красной армии на Варшаву в 1920 г., собирали шпионскую информацию о военном, экономическом и политическом положении в СССР, готовили «центральные террористические акты», срывали работу советской контрразведывательной агентуры, вели подготовку военного нападения Польши на СССР...⁹⁷

Основная цель была указана в соответствии с приказом № 00485.

На проведение операции отводилось три месяца, и к 20 ноября ее уже надо было завершить (начать операцию предписывалось с 29 августа. — Е. К.). Аресту подлежали выявленные в процессе следствия и до того времени не разысканные активнейшие члены ПОВ, все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии, перебежчики, политэмигранты и политобменные из Польши, бывшие члены польских антисоветских политических партий, наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов.

В перечне категорий, подлежавших аресту, простые поляки не значились. Однако «немедленно арестовывать» следовало «всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов». Потому на практике репрессии обернулись в первую очередь против простых поляков.

Жестких квот по территориям не устанавливалось. Но всех арестованных, как это уже было отработано ранее, делили на две категории: первая — расстрельная, вторая — со сроком заключения от 5 до 10 лет.

О динамике арестов можно судить по следующим данным.

В сентябре доложили первые итоги операции по полякам. Всего к 30 августа были арестованы 15 218 человек, в том числе 5410 по

⁹⁷ Там же. С. 303–321.

УССР, 3697 по БССР, 775 по Западной области, 1293 по Ленинграду, 615 по Москве и т. д.⁹⁸

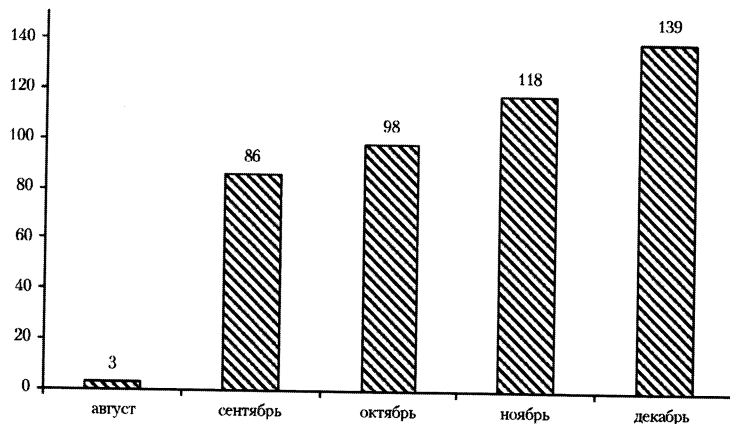
14 сентября 1937 г. Н. И. Ежов докладывал Сталину о ходе польской операции. На 10 сентября было арестовано по СССР 23 216 человек. Из них 7651 — в Украине, 4124 — в Белоруссии, 1832 — по Ленинграду, 1070 — по Московской области, 837 в Западной области и т. д.⁹⁹

В Западной области было «вскрыто и ликвидировано 24 польских шпионско-диверсионных формирований и разоблачено 33 польских агента. В частности, на Рославльском вагоноремонтном заводе «ликвидирована шпионско-диверсионная группа в составе 3 чел. Арестованный по делу поляк Прокопович — зам. нач. электроцеха признался, что в 1933 г. был завербован для шпионской работы в пользу Польши польским перебежчиком Кисляковым и совместно с последним завербовал ряд других лиц для шпионско-диверсионной работы. Последние арестовываются... В Вязме арестован пограничник И. К. Чувевский, который с 1928 г. является польским шпионом, будучи завербован польским разведчиком Радкевичем, бежавшим в Польшу»¹⁰⁰.

Материалы «Смоленского мартиролога» дают следующую картину репрессий в отношении поляков за 1937 г.

Приложение 40

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано поляков в августе–декабре 1937 г. (444 чел.)

⁹⁸ Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 158.

⁹⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 352–359.

¹⁰⁰ Там же. С. 354–355.

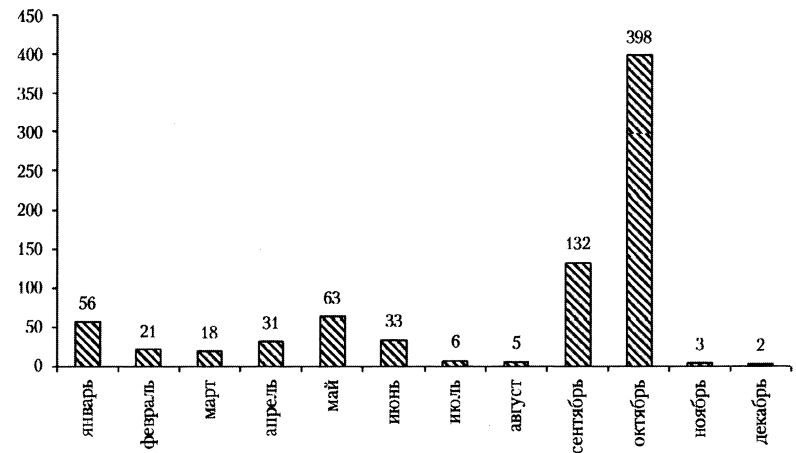
Основными мерами наказания за этот период стали: расстрел — 368 чел. и лишение свободы — 75 чел. (из них 10 лет ИТЛ — 71 чел.).

Как видим, жесткость решений в отношении поляков была в регионе в начале кампании даже выше, чем к немцам: если из числа репрессированных немцев к расстрелу приговорили 67 %, то из числа поляков — 83 %!!!

Темпы репрессий 1937 г. были настолько высокими, что на следующий год уже не оставалось польской основы для их поддержания. К августу 1938 г. на Смоленщине уже реально некого было арестовывать. Однако сентябрьское решение о создании Особых троек для завершения национальных операций дало резкий всплеск репрессий в отношении поляков (та же динамика имела место и в отношении немцев, см. приложение 37. — Е. К.).

Приложение 41

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано поляков в 1938 г. (768 чел.)

Первенство среди мер наказания в это время «захватили» ИТЛ — 470 чел. (из них 10 лет — 287 чел.), под расстрел попали 283 чел. (37 %).

Ноябрьская «амнистия» 1938 г. сразу показала — на Смоленщине для репрессий поляков больше нет.

в) Ликвидация смоленских латышей

Судьба латышей оказалась не менее трагичной, чем немцев и поляков.

Массовые аресты латышей начались по всей стране осенью 1937 г. на основе шифротелеграммы НКВД СССР № 49990 от 30 ноября 1937 г. о проведении операции по их репрессированию.

Текст телеграммы гласил: «В целях ликвидации работы латвийской разведки и разгрома националистической, антисоветской деятельности латышей на территории СССР, приказываю:

3 декабря 1937 года одновременно во всех республиках, краях и областях произвести аресты всех латышей, подозреваемых в шпионаже, диверсии, антисоветской националистической работе.

Аресту подлежат все латыши:

- а) находящиеся на оперативном учете и разрабатываемые,
- б) политэмигранты из Латвии, прибывшие в СССР после 1920 года,
- в) перебежчики из Латвии,
- г) руководители, члены правлений и штатные сотрудники местных филиалов общества «Прометей» и латышских клубов,
- д) руководители и члены бюро местных отделений Общества латышских стрелков при Осоавиахиме,
- е) бывшие руководители и члены правлений ранее функционировавших акционерных обществ «Продукт» и «Лесопродукт»,
- ж) латвийские подданные, за исключением сотрудников дипломатических учреждений,
- з) латыши, прибывшие из Латвии в качестве туристов и осевшие в СССР».

Очевидно, что потенциально репрессированным при таких условиях мог стать любой латыш, поскольку Смоленская область являлась приграничной российской территорией, и обвинить в шпионаже или националистической работе можно было представителя любой национальности.

При этом соответствующая почва под приказ готовилась еще с самого начала года.

21 января 1937 г. руководство НКВД направило Сталину спецсообщение о латышской «контрреволюционной» организации. В нем уже констатировалось, что Главным управлением госбезопасности НКВД «вскрыта и в настоящее время ликвидируется латышская контрреволюционная троцкистская организация». По оценке Н. И. Ежова, в нее входили члены Латвийской компартии и политэмигранты, прибывшие нелегально в СССР по каналам Коминтерна и МОПРа

(Международная организация помощи бойцам революции). Последняя организация возникла в Латвии еще в 1928–1929 гг. на базе групповой борьбы против руководства латвийской секции Коминтерна. В то время основной целью организации «являлась дискредитация руководства нелегальной компартии с последующим захватом в свои руки центрального аппарата и ее секции в Москве». Теперь деятельность организации якобы направлялась латвийской политической полицией в Риге. Агенты занимались «сбором шпионских сведений» в СССР. По делу проходило 33 человека¹⁰¹.

В обстановке, когда по всей стране уже несколько месяцев вылавливали «шпионов» из числа немцев и поляков, латышская кампания воспринималась вполне «естественно».

Кто станет «шпионом» и «диверсантом» латышской национальности на Смоленщине? Для более точного ответа обратимся к истории латышского расселения в губернии.

На Смоленщину безземельные латышские крестьяне стали переезжать в 1880-х гг., «имея при себе не более 3–5 рублей»¹⁰². По социальному положению то были преимущественно батраки, знающие какое-нибудь ремесло: печники, столяры, портные и пр. И именно благодаря этому обстоятельству «им удалось кое-как свести концы до оборудования хуторов». Не имея достаточных средств, они поселились главным образом в селах Бельского, Смоленского и Ярцевского уездов, выбирая места подешевле, большей частью «неудобные земли». То были помещичьи земли, в основном в лесах. Земля такая стоила от 5 до 15 рублей за десятину. Покупали ее батраки, получая кредиты в банке. Большинство хозяйств имели по 10–15 десятин земли. Но отдельные участки доходили и до 50 десятин.

Пример колонии Медведово (отчет 1925 г.): «Колония существует 27 лет со 180 жителями в почти непроходимых Бельских лесах. Земля плохая, налог очень тяжелый. Хозяйства не развиваются»¹⁰³.

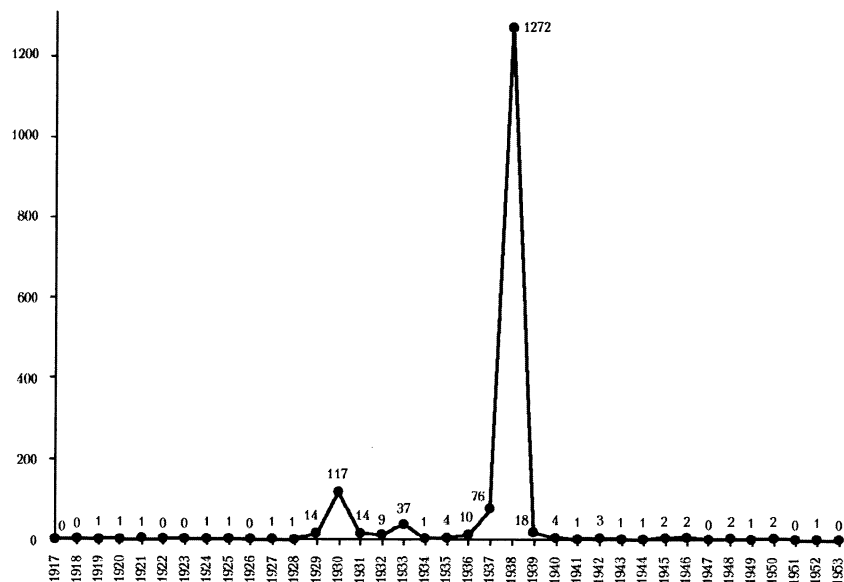
Чтобы превратить такую землю в пригодную для сельского хозяйства, необходимо было приложить много усилий: «провести канавы и освободить от леса и пней». Обработывалась земля по многопольной системе с активным применением органических и искусственных удобрений. Главной опорой в латышских хозяйствах стало скотоводство: в каждом хозяйстве имелось по 2–3 лошади и по

¹⁰¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 298.

¹⁰² ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 248. Л. 51.

¹⁰³ Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине... С. 72.

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг. Репрессировано латышской (1600 чел.)

3–6 коров. Кроме того, латыши занимались садоводством, пчеловодством, огородничеством. Не исключались и ремесленные работы.

В докладе секретаря латышского бюро Смоленского губкома РКП(б) о положении в Кашкуринской колонии Демидовского уезда за 1920 г. указывалось, что в колонии было около 2 тыс. человек. Жили крестьяне-колонисты преимущественно на хуторах, землю обрабатывали по многопольной системе с применением сельхозмашин. Интенсивно занимались скотоводством и садоводством. Однако налоги тяжело ложились на латышей из-за того, что у них скота было больше, чем у русских соседей. И поэтому уже тогда наблюдалось сокращение скота, а следовательно, и всего хозяйства. Одновременно возрастала тенденция к переселению в Саратовскую губернию, в Украину, на Кубань. На вопрос — почему? — латыши отвечали: «не отплачивается в Смоленской губернии наш труд, работаем от солнца до солнца, но не можем свести концы с концами».

Недовольство налоговой политикой в отношении их хозяйств как наиболее «культурных» выливалось в негативное отношение к советской власти. Латыши смотрели на нее как на переходную: «придут, мол, рано или поздно белые и восстановят старый строй»¹⁰⁴. С русскими жили дружно и пользовались авторитетом.

В середине 1920-х гг. уже пошли по колониям слухи о неизбежном выселении латышей, особенно более состоятельных. Менялось и отношение русских к латышам. В отчете Ростовской колонии Духовщинского уезда за 1925 г. читаем: «Есть какое-то презрение к латышам, которые и на худшей земле в лесах умеют жить, работая как люди»¹⁰⁵.

Некоторое внешнее благополучие латышских хозяйств в сравнении с местным крестьянством приводило к ситуации, когда власти смотрели на них как на кулаков.

Об этом латыши открыто говорили на уровне губкома партии. Так, в отчете латсекции Смоленского губкома ВКП(б) от 26 марта 1928 г. читаем: «По своему быту и национальным особенностям латышский крестьянин во многом отличается от русского крестьянина, благодаря чему он часто неправильно причисляется к категории кулака»¹⁰⁶.

В целом же в ходе «кулацкой операции» смоленские латыши пострадали незначительно.

Партийные органы достаточно объективно оценивали в это время положение с латышами. Но в меняющейся политике по отношению к зажиточным крестьянам и накануне коллективизации они уже явно подстраивались под ситуацию. Осенью 1929 г. Смоленский окружком ВКП(б) давал следующую картину социального состава некоторых латколоний: Кашкурино — бедняков 19 %, середняков 71 %, кулаков 10 %; Башутки — 24 %, 43 %, 33 % соответственно (выделено нами. — Е. К.); Юдино — 48 %, 50 % и 2 %¹⁰⁷. В Вяземском уезде, к примеру, латыши являлись «исключительно батраками»¹⁰⁸. Причем это были в основном бывшие красноармейцы.

В общей ситуации борьбы с кулаком в начале 1930-х гг. латышские хозяйства не могли избежать раскулачивания. Нарушения и злоупотребления здесь укладываются в общую картину по стране.

Результаты раскулачивания в деревне Лисичино Сафоновского района инструктор отдела национальных меньшинств Западного облисполкома описывает следующим образом: «Лисичинские латыши

¹⁰⁴ Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине... С. 36–38.

¹⁰⁵ Там же. С. 73.

¹⁰⁶ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2919. Л. 201.

¹⁰⁷ ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 306. Л. 134.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2605. Л. 9.

усиленно занимались скотоводством, полеводством и садоводством. Каждое хозяйство имело молодой фруктовый сад и по несколько коров и поэтому начали жить лучше, чем окрестное население, т. е. постоянные жители, которые имели помногу земли, но плохо культурно обрабатывали ее. Я эти колонии начал посещать с 1920 г. ежегодно по 1928 г. и наблюдал за развитием сельского хозяйства. Когда я теперь (не ранее сентября 1932 г. — *Е. К.*) прибыл в Лисичино, я там не нашел ни одного латыша. Я старался выяснить, где делись латыши, причем установил, что их раскулачили; так как я знаю, что лисичинские латыши никого не эксплуатировали, я старался выяснить причины, почему они раскулачены и установил, что латыши раскулачены по следующим причинам: 1) за то, что они до революции арендовали землю; 2) за то, что они после революции приобрели для личных нужд некоторые сельскохозяйственные машины; 3) за то, что они имели помногу коров; 4) и за то, что они жили на хуторах по способу Столыпина. Считаю, что здесь допущено самое грубое искривление нацполитики; если латыши как переселенцы не имели своей собственной земли и им пришлось арендовать землю от помещиков — это [не] кулацкий способ. Голод, умирать нельзя было, их аренда — не эксплуатация. Надо отличать аренду эксплуататорскую от аренды, необходимой для средств существования. На месте это не отличают; что касается найма и машин, я никогда не наблюдал, что они кого-либо эксплуатировали или выдали машины для эксплуатации окрестного населения. Латыши, эстонцы и поляки, как более культурный народ, любят обрабатывать землю машинным способом, так как они этому научились в своих родных местностях. Так как латыши, поляки, эстонцы в основном живут на хуторах, также было бы неверно их ликвидировать как хуторскую систему. Также неверно ликвидировать за количество молочного скота, так как они в основном любят заниматься животноводством»¹⁰⁹.

Интересные обстоятельства раскулачивания латышей выяснились в связи с обследованием колхоза им. Биркмана Бережнянского сельсовета Смоленского (Кардымовского) района. Здесь весной 1931 г. раскулачили члена колхоза Августа Андреевича Эглита. Один из его сыновей, Александр, будучи на тот момент красноармейцем 191 стрелкового полка 64 дивизии, написал в августе 1932 г. жалобу в газету «Правда». В ней он писал, что допущенная ранее ошибка уже в основном исправлена, даже отец из ссылки был возвращен и ему вернули часть изъятого имущества. Но не возвращали никак изъ-

ятое одновременно и его имущество, которое в тот момент хранилось у отца.

В сентябре 1932 г. в колхоз была направлена специальная комиссия от Смоленского горкома ВКП(б). В ходе разбирательства дела было выяснено следующее. Эглит прибыл на Смоленщину 35 лет назад. Вначале арендовал у помещика Лапина участок земли в 20 десятин, платя в год по 60 рублей за каждую десятину. Из скота имел одну корову, одну лошадь. Семья состояла из шести человек. В 1908 г. у помещика Гергарда купил 24 десятины земли. Скота уже имел 4 коровы, 1 быка, 2 лошади. В 1913–1914 гг. у этого же помещика купил еще 10 десятин земли. Скота имел — 3 лошади, 3 коровы, 2 телят, овец, поросят и т. д. Такое же хозяйство у него сохранилось и после революции, вплоть до 1927 г. Затем он отделил сыновей Августа и Александра, которым выделил избу, амбар, сарай, 2 коровы, 1 лошадь. В его пользовании остались 2 коровы, 1 лошадь, 18 десятин земли. Как до, так и после революции имел конную молотилку, веялку, косилку, жнейку.

В феврале 1930 г. в сельсовете был создан национальный латышский колхоз им. Биркмана. В него вошло 48 крестьянских хозяйств, из них 2 батрацких, 8 бедняцких и 29 середняцких (еще 9 семей не крестьянского происхождения). В 1930 г. в колхоз добровольно вступили сыновья Эглита. Сам он также вступил в данный колхоз в начале 1931 г., сдав все сельскохозяйственные машины и жеребенка, оставив себе лошадь и корову, свинью, барана и 4 овцы. В марте 1931 г. его раскулачили и с семьей отправили в Уральскую область.

Комиссия выяснила, что хозяйство Эглита постоянной наемной рабочей силой не использовало. Единственное, что инкриминировали А. А. Эглиту, это, по показаниям крестьянина Попова, то, что его отец до революции пилил доски для постройки дома Эглита. Кроме этого, у Эглита была работница, проработавшая всего 26 дней, найм которой был вызван смертью жены Эглита. Сельхозмашины в наем не сдавались. То есть крестьяне им не эксплуатировались. Это было зажиточное, но не кулацкое хозяйство. Потому раскулачивание Эглита признавалось неправильным¹¹⁰. 26 сентября 1932 г. решением президиума Смоленского райисполкома А. А. Эглит был восстановлен в гражданских правах, а с его хозяйства снят индивидуальный налог. И такое развитие событий можно расценивать как очень благополучное на тот момент для всей семьи Эглитов (в январе 1938 г. А. А. Эглит будет расстрелян. — *Е. К.*).

¹⁰⁹ Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине... С. 227–228.

¹¹⁰ ГАСО. Ф. 2395. Оп. 1. Д. 797. Л. 75, 77.

По всему Бережнянскому сельсовету было раскулачено 14 хозяйств, из которых почти половина пришлось на колхозников. Не все хозяйства были выселены. Так, например, вообще не выселялись семьи П. П. Катрузова, Т. А. Якушенкова, П. М. Мотарина, А. П. Усачева, П. П. Берзина, И. А. Элита, В. К. Сизова, поскольку кто-либо из членов семей состоял в Красной армии¹¹¹.

Наиболее компактными колониями латышское население проживало в Демидовском районе (деревни Кашкурино и Няньковичи), Катынском (Башутки, Велино и Ракитня), Сафоновском (Пирогово, Волково), Ярцевском (Воротышино, Лукьяново, Стогово), Пречистенском (Ростово, Горецка, Мохино) и Кардымовском (Гальцево, Хотьяново, Курдымово) районах.

В феврале 1927 г. были организованы самостоятельные латышские сельские советы в трех уездах — в Башутко-Велинской латколонии Катынской волости Смоленского уезда и в Кашкуринской латколонии Демидовского уезда. Затем к ним добавились еще два сельсовета — в Ростовской латколонии Пречистенской волости Ярцевского уезда и в Трисвятской латколонии Издешковской волости Вяземского уезда.

К 1930 г. на территории бывшей Смоленской губернии, ставшей в 1929 г. центрообразующей территорией Западной области с административным центром в Смоленске, было четыре латышских сельских совета:

- Роговский с/с Стодолищенского р-на Рославльского округа — 318 чел.,
- Кашкуринский с/с Демидовского р-на Смоленского округа — 288 чел.,
- Башуткинский с/с Катынского р-на Смоленского округа — 414 чел.,
- Ростовский с/с Пречистенского р-на Смоленского округа — 349 чел.¹¹²

Оценка политического настроения латышского населения руководством губернии не была высокой даже в нэповский период. «Если до Октябрьской революции, — читаем в отчете латсекции Смолгубкома ВКП(б) весной 1927 г., — в смысле лучшего ведения сельского хозяйства латышский крестьянин мог служить некоторым примером для русского крестьянина», то к тому времени он «замкнулся в себе» и оставался «политически отсталым»¹¹³.

¹¹¹ ГАСО. Ф. 2395. Оп. 1. Д. 796. Л. 84.

¹¹² ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 308. Л. 95.

¹¹³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2599. Л. 16.

Опереться на латышей-коммунистов в деревне не получалось. В основном они были в среде городского населения. В 1928 г. членов и кандидатов ВКП(б) среди латышей Смоленской губернии было 326 мужчин и 76 женщин, всего 402 человека. «Почти все вышеназванные товарищи, — читаем в отчете латсекции губкома партии от 26 марта 1928 г., — являются беженцами из Латвии империалистической и гражданской войн и проживают в городах в качестве рабочих и служащих»¹¹⁴.

Латышский крестьянин, в оценке местных властей, продолжал «вести свое хозяйство так, как это делалось лет 30–40 тому назад в Латвии, откуда он выехал»¹¹⁵. Даже бюро латсекции Смоленского губкома ВКП(б) летом 1929 г. отмечало, что «коллективизация среди латнаселения проходит слабо». Почему? «Дело не движется... ввиду хуторской системы хозяйствования, разбросанности хозяйств, желающих объединиться, и отсутствия помощи со стороны местных работников»¹¹⁶.

Да и стоило ли латышскому крестьянину идти в колхоз, если, проживая «исключительно на хуторах», он «по экономической мощи» был выше среднего русского крестьянина на 31 %?! Коллективная обработка земли здесь мало применялась.

Но жизненные обстоятельства все же толкали латышей в колхозы.

Отдельные коллективные хозяйства имелись у смоленских латышей еще с эпохи окончания гражданской войны. Но основную массу таких хозяйств составляли «выехавшие из Латвии в 1919 г. батраки»¹¹⁷ или демобилизованные в 1921 г. латышские стрелки¹¹⁸. В 1924 г. таких латышских колхозов было в губернии девять: из них семь в Вяземском уезде и по одному в Бельском и Смоленском.

Примером может служить Васневская коммуна Вяземского уезда. В 1922 г. после ликвидации совхоза «Васнево» группа демобилизованных латышских стрелков в количестве 35 человек взяла этот ликвидированный совхоз в аренду и организовала коммуны. Им досталось полностью разрушенное хозяйство: для посева имелось только 17 десятин земли, из скота — 5 лошадей и 28 коров с молодняком, изношенный и поломанный сельхозинвентарь и требующие капитального ремонта постройки. Вскоре коммуна уже имела 130 десятин

¹¹⁴ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2919. Л. 199.

¹¹⁵ Там же. Л. 201.

¹¹⁶ Там же. Д. 3970. Л. 36.

¹¹⁷ Там же. Л. 28 об.

¹¹⁸ Там же. Д. 2919. Л. 2 об.

пашни с 10-польным севооборотом, 19 лошадей, 49 коров, 42 свиньи, 49 овец. Избежать финансовых проблем колонистам не удалось. Но прогресс в развитии хозяйства был очевиден¹¹⁹.

Немало было и крепких колхозов.

В сентябре 1933 г. колхоз им. Биркмана-2 Кашкуринского сельсовета Демидовского района считался в районе «как самый крепкий и лучший колхоз», в котором «образцово было поставлено свиноводство и работа молочной фермы». Колхоз был создан в 1930 г. В 1933 г. он объединял 74 хозяйства (а всего в сельсовете было 80 латышских хозяйств). Земли было 700 га, из них под пашней 197 га, лугов — 103 га. Членов колхоза — 276 человек, из них трудоспособных мужчин — 65, женщин — 67. Лошадей было 50 голов. Колхоз имел две фермы — молочно-товарную и свиноводческую. Коров насчитывалось 96 голов, свиней — 139 голов. В единоличном пользовании у колхозников находилось 70 коров. Организовано пчеловодство — 30 ульев. Только за 1933 г. была построена общественная столовая, обслуживавшая ежедневно до 100 человек; сделан капитальный ремонт скотного двора на 50 голов; оборудована конюшня на 20 голов; отремонтирована школа; куплены — новый мотор для трактора, тракторный двухлемешный плуг, картофелесортировка, тракторная силосорезка, три соломорезки, сенокосилка; имелись молотилки, дисковые сеялки, разные по функционалу плуги, картофелекопалка, молотилки и т. д.¹²⁰

Другой пример. Латышский колхоз «Цериба» Холм-Жирковского района был образован в 1930 г. Летом 1934 г. он объединял 14 семей (всего 64 чел.). Из трудоспособных в колхозе работали 10 мужчин, 10 женщин и 3 подростка. Земли было 416 гектаров, из них пашни — 115 га, под лесом — 248 га, под усадьбой — 10 га, под сенокосом — 30 га. Было 20 рабочих лошадей, 20 дойных коров и 18 голов молодняка. Финансово-экономическое положение оценивалось как очень слабое¹²¹.

В 1936 г. в смоленских районах Западной области насчитывалось 12 латышских колхозов: им. XVI партсъезда, «Красный герой» (Духовщинский р-н), «Арайс» (Смоленский р-н), «Щок» (Ярцевский р-н), «Победа», «Красный стрелок» (Издешковский р-н), им. Биркмана, «Страуме» (Кардымовский р-н), им. Биркмана-2 (Демидовский р-н), «Цериба», «Кульгура» (Холм-Жирковский р-н), «Узвар» (Стодолиценский р-н).

Кроме латышских были и другие национальные колхозы: один литовский («Красная заря» Руднянского р-на), два польских («Зыкалино» Смоленского и «Трибуна Радецка» Демидовского р-на).

Все национальные колхозы объединяли 879 хозяйств, из которых латышских было 592.

Вскоре 441 латышское хозяйство попадет под репрессии. Это будет результатом целенаправленной политики по ликвидации национальных колхозов.

В конце июля 1938 г. в Москву была направлена докладная записка начальника 3-го отдела УГБ УНКВД по Смоленской области «Об экономическом и политическом состоянии национальных колхозов по Смоленской области». В ней говорилось, что в течение 1937–1938 гг. в ходе операций «по полякам, латышам и литовцам» было установлено, что «иностранцы разведки широко использовали латышские, польские и литовские колонии (нацколхозы) как свою основную базу для внедрения и насаждения» на территории области «шпионской, диверсионной, повстанческой и вредительской агентуры». Так, «во всех без исключения латышских колхозах были вскрыты филиалы ликвидированной... в 1937 году контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческой организации». А также «шпионские резидентуры германской, латышской, польской и литовской разведок». Одновременно были разоблачены и «отдельные шпионы и диверсанты-одиночки»¹²².

В записке отмечалось, что в результате проведенных операций в 18 колхозах было репрессировано 448 латышей, поляков и литовцев¹²³.

По отдельным колхозам картина складывалась следующая. В латышском колхозе «Узвар» Стодолиценского района было репрессировано 17 человек из 23 латышских хозяйств. В колхозе «Красный стрелок» Издешковского района репрессировано 35 человек¹²⁴. Причем коммуна «Красный стрелок» была организована еще в 1921 г. демобилизованными бойцами гражданской войны и группой политэмигрантов из Латвии. Она была создана на землях бывшего помещика Лызлова. С самого начала колхоз состоял как из латышей, так и из русских. В 1931 г. в колхозе было 84 латыша, 80 русских и 4 литовца. И если в 1921 г. в коммуне было 11 хозяйств с числом едоков 16, то в 1931 г. хозяйств было уже 45, а едоков 168. По социальному составу колхоз и в 1931 г. все еще оставался батрацко-бедняцким:

¹¹⁹ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2246. Л. 101–104.

¹²⁰ ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2079. Л. 67–68 об.

¹²¹ Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине... С. 277–278.

¹²² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Пор. 1890. Л. 72.

¹²³ Там же. Л. 74.

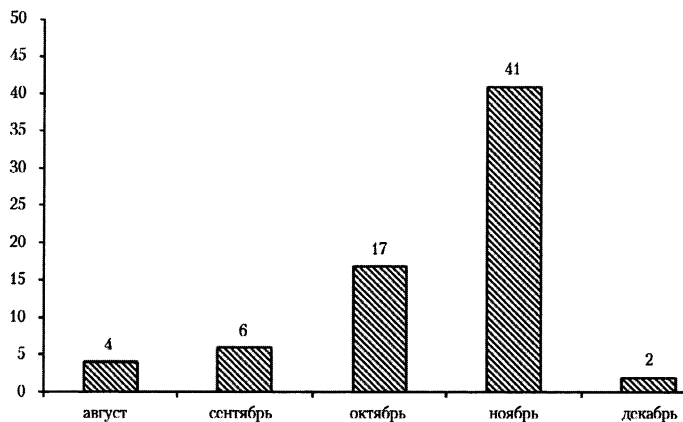
¹²⁴ Там же.

батраков — 69 человек, бедняков — 34, середняков — 49. При этом убыточным колхоз не был. По итогам 1930 г. его прибыль составила 4687 рублей¹²⁵.

Однако массовые репрессии против латышей начались еще задолго до «борьбы с национальными колхозами». Датировать их следует летом 1937 г.

Приложение 43

Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессировано латышей в августе–декабре 1937 г. (70 чел.)

В отличие от немецкой и польской кампаний основной мерой наказания для латышей за первый период национальной операции стал не расстрел (30 чел., или 43 %), а лишение свободы — 38 чел. (54 %), из которых 10 лет ИТЛ получили 32 чел.

К концу 1937 г. среди латышского населения уже прочно укоренились слухи о том, что латыши будут арестованы и высланы все без исключения и преследуются они «как нация»¹²⁶.

Такой ситуацией пользовались местные советские начальники, заставляя латышей подписываться на значительные суммы по займам, угрожая в противном случае «поговорить в другом месте»; предлагая продавать свои дома колхозам, поскольку их «все равно арестуют и вышлют»; исключая латышские семьи из колхозов по факту ареста главы семьи¹²⁷.

¹²⁵ ГАСО. Ф. 2395. Оп. 1. Д. 798. Л. 1–9.

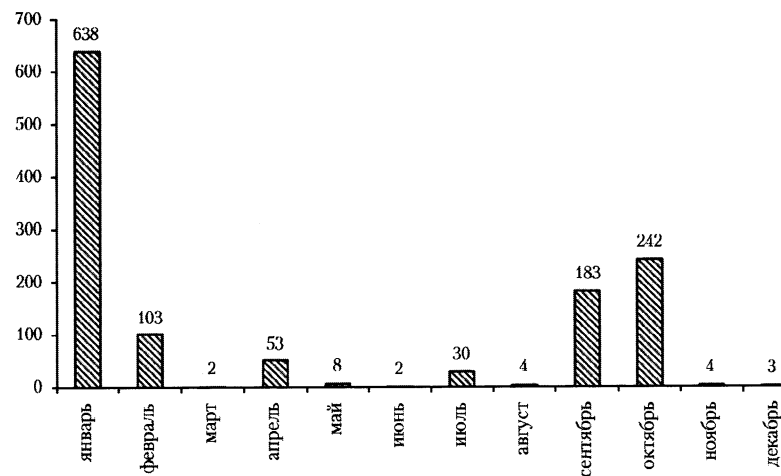
¹²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 1. Пор. 1890. Л. 78.

¹²⁷ Там же. Л. 80.

Предчувствия латышей в полной мере оправдались уже в январе 1938 г. То был месяц настоящего кошмара — половина от всего числа арестованных в течение наступившего года! В сентябре и октябре осталось лишь провести последнюю «зачистку».

Приложение 44

Репрессированная Смоленщина, 1917–1937 гг.
Репрессировано латышей в 1938 г. (1272 чел.)

Борьба с латышами в начале 1938 г. вылилась в их массовое физическое уничтожение, получившее свое логическое завершение осенью того же года в деятельности Особых троек. Основной мерой наказания стал расстрел. К нему было «приговорено» 834 чел., что составило 66 % общего числа репрессированных в 1938 г. Лишены свободы были 429 чел. Из них по 10 лет ИТЛ получили 273 чел.

Общая судьба смоленских латышей в ходе спецоперации НКВД может быть проиллюстрирована на примере одного поселения — колхоза имени Биркмана с центром в дер. Кашкурино Демидовского района за январь 1938 г. Приведем поименный список 38 чел., репрессированных только с мерой наказания «расстрел».

**Репрессированная Смоленщина, 1917–1953 гг.
Репрессированные латыши к-за им. Биркмана
(Демидовский р-н) Смоленской обл.
в январе 1938 г. с мерой наказания «расстрел»**

ФИО	Должность в колхозе	Статьи	Дата приговора	Мера наказания	Дата исполнения приговора
Авот Иван Борисович	кузнец	58-4, 7, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Берзлап Петр Павлович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Богданов Владимир Павлович	директор школы	58-4, 7, 11	08.01.1938	расстрел	15.03.1938
Бремз-Стырн Владимир Августович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Бремз-Эзерин Иван Эрнестович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Вильцен Альфред Бернардович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	03.02.1938
Вильцен Владимир Петрович	председатель правления	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Галдин Павел Иванович	сторож	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Дейч Петр Андреевич	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	08.02.1938
Запровский Бернанд Романович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Запровский Петр Романович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Запровский Роберт Романович	кладовщик	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Запровский Эдуард Петрович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Зауэр-Матвеева Эмилия Яновна	председатель с/с	58-4, 7, 11	08.01.1938	расстрел	03.03.1938
Калинин Николай Петрович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	27.01.1938	расстрел	09.02.1938
Латвер Жан Эдуардович	шофер	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	15.02.1938

ФИО	Должность в колхозе	Статьи	Дата приговора	Мера наказания	Дата исполнения приговора
Лигер Паулина Петровна	бригадир свиноводческой фермы	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	27.01.1938	расстрел	09.02.1938
Лигер Петр Петрович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Маликан Александр Петрович	бригадир	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Маликан Яков Яковлевич	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	27.01.1938	расстрел	09.02.1938
Пелит Карл Яковлевич	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Ратенек Александра Ивановна	учительница	58-4, 7, 10, 11	08.01.1938	расстрел	15.03.1938
Розе Петр Бертульевич	зав. конефермой	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Стырн Август Александрович	конюх	58-4, 7, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Стырн Август Яковлевич	столяр	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Стырн Иван Устинович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Стырн Иван Яковлевич	секретарь сельсовета	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Стырн Луция Мартыновна	бригадир	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	27.01.1938	расстрел	09.02.1938
Стырн Минна Устиновна	бригадир полеводства	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	27.01.1938	расстрел	09.02.1938
Усин Андрей Петрович	колхозник	58-4, 7, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Чаш Иван Иванович	избач	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Чаш Иван Мартынович	колхозник	58-2, 7, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Чударь Мальвина Ивановна	колхозница	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	27.01.1938	расстрел	09.02.1938
Шемель Александр Карлович	конюх	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938

ФИО	Должность в колхозе	Статьи	Дата приговора	Мера наказания	Дата исполнения приговора
Эглав (Эглова) Берта Петровна	колхозница	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	27.01.1938	расстрел	09.02.1938
Эглит Петр Егорович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938
Якобсон Владимир Августович	колхозник	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	27.01.1938	расстрел	09.02.1938
Якобсон Иван Андреевич	председатель	58-2, 7, 8, 9, 10, 11	08.01.1938	расстрел	09.02.1938

Статьи обвинения стандартные — 58-9, 10, 11. Это — контрреволюционное уничтожение социалистической собственности; антисоветская пропаганда или агитация; участие в деятельности преступной организации соответственно. Уже в таком сочетании избежать высшей меры наказания было безнадежно. Но у многих «набор» гораздо шире — это в основном части 2, 4, 7 и 8 указанной 58-й статьи Уголовного кодекса. Они означали: подготовку иностранного вторжения на советскую территорию; оказание каким бы то ни было способом помощи иностранным государствам в осуществлении этих целей; умышленные действия, направленные на подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения, кредитной системы, кооперации; совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти.

И все это делали латыши-колхозники в достаточно далекой и от областного центра, и тем более от государственной границы, деревне Смоленской области !!!

Абсурд?! Конечно! Если бы только не одно обстоятельство — одинаковая у всех мера наказания «расстрел». И при этом без особых задержек приведенная в исполнение. У некоторых даже в день вынесения решения!

Всего за время «латышской операции» в деревне Кашкурино были репрессированы 52 чел. Из них 48 чел. были расстреляны, 4 чел. осуждены на 10 лет ИТЛ. Других, более мягких, мер наказания к латышам этой деревни не применяли.

В такой ситуации квалифицировать действия властей можно однозначно — это не что иное, как государственное преступление! Чем, по сути, явились все национальные операции периода Большого террора.

Чтобы окончательно «закрыть» латышскую проблему в начале 1938 г. была объявлена война и национальным сельсоветам. Их ликвидировали по формальным признакам — малочисленности населения.

В качестве примера возьмем тот же латышский Кашкуринский сельсовет Демидовского района. Решением президиума Смоленского облисполкома от 21 февраля 1938 г. он был ликвидирован и включен в состав соседнего Жичицкого сельсовета, поскольку «в Кашкуринском сельсовете осталось всего взрослого населения 55 чел.»¹²⁸ А еще в апреле 1934 г. в сельсовете было два населенных пункта, 34 двора с населением 206 чел., с колхозом, который объединял 57 хозяйств¹²⁹.

Так Смоленщина перестала быть второй родиной для многих сотен латышей, прибывших сюда в поисках условий для нормальной человеческой жизни.

* * *

Большой террор безжалостно прошелся по национальным меньшинствам в масштабах всей страны.

По отчетным данным, только на 10 сентября 1938 г. по приказам в отношении представителей разных национальностей было рассмотрено дел на 227 986 чел., в том числе осуждено к расстрелу 172 830 чел., к разным мерам наказания — 46 912 чел., передано на рассмотрение в суды — 3120 дел, возвращено на доследование дел на 5124 чел. По отдельным национальностям общие данные следующие¹³⁰:

Национальность	Из них				
	Всего рассмотрено	Осуждено к расстрелу	Осуждено к др. наказаниям	Передано в суды	Возвращено к доследованию
Поляков	106 666	84 471	19 018	943	2234
Немцев	31 753	24 858	5750	676	569
Латышей	17 581	13 944	2741	512	384
Эстонцев	5680	4672	625	69	224

¹²⁸ Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине... С. 304.

¹²⁹ ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2078. Л. 87.

¹³⁰ Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 185–186.

Политбюро ЦК ВКП(б) 15 сентября 1938 г. по предложению НКВД приняло решение передать оставшиеся нерассмотренные дела на арестованных по контрреволюционным национальным контингентам на рассмотрение Особых троек на местах.

Особые тройки создавались в составе первого секретаря обкома ВКП(б), начальника управления НКВД и прокурора области. То есть в том же составе, в котором они существовали и до этого приказа.

На них возлагалась задача расследовать дела в отношении лиц, арестованных только до 1 августа 1938 г. Работу Особых троек планировалось закончить в двухмесячный срок. Решения по первой категории следовало приводить в исполнение немедленно.

Однако ноябрьские решения 1938 г. о прекращении массовых репрессий не дали этим планам реализоваться в полной мере.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г. в целях «дальнейшего укрепления социалистической законности о повышении роли советского правосудия» упразднилось Особое совещание при министре внутренних дел СССР.

Начиналась эпоха реабилитации.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Репрессии в документах

Уголовный кодекс РСФСР. Статьи о контрреволюционных преступлениях, 1922–1953 гг.

Документ 1

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года

Особенная часть

Глава I. Государственные преступления

1. О контрреволюционных преступлениях

57. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и тому подобными средствами.

58. Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах, или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею договоры — карается высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества.

При установлении судом неосведомленности участников о конечных целях означенного в этой статье преступления участие в нем карается лишением свободы на срок не ниже трех лет.

59. Сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству

тельству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции, равно как содействие иностранным государствам уже после объявления ими войны или посылки экспедиции, в чем бы это содействие ни выразилось, — карается наказаниями, предусмотренными ч. 1 ст. 58.

60. Участие в организации, действующей в целях совершения преступлений, означенных в ст. 57–59, — карается наказаниями, предусмотренными ч. 1 и 2 ст. 58.

61. Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57, — карается теми же наказаниями.

62. Участие в организации, действующей в целях, означенных в ст. 57, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, хотя бы вооруженное восстание или вооруженное вторжение и не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации, — карается теми же наказаниями.

63. Участие в организации, противодействующей в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений или предприятий или использующей таковые в тех же целях, — карается теми же наказаниями.

64. Участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрреволюционной организации, — карается наказаниями, предусмотренными ч. 1 ст. 58.

65. Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений — карается наказаниями, предусмотренными ч. 1 и 2 ст. 58.

66. Участие в шпионаже всякого рода, выражающееся в передаче, сообщении, или похищении, или собирании сведений, имеющих характер государственной тайны, в особенности военных, иностранным державам или контрреволюционным организациям в контрреволюционных целях или за вознаграждение, — карается наказаниями, предусмотренными ч. 1 ст. 58.

Оглашение тех же сведений при отсутствии контрреволюционных или корыстных целей и неосведомленности о возможных последствиях таковой деятельности — карается наказаниями, предусмотренными ч. 2 ст. 58.

67. Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе, — караются наказаниями, предусмотренными ч. 1 ст. 58.

68. Укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, совершение означенных преступлений при неосведомленности о их конечных целях — карается лишением свободы на срок не ниже одного года.

69. Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговой повинностей, — карается лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией.

За те же преступления, совершенные в военной обстановке или при народных волнениях, наказание повышается до высшей меры наказания.

Призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти при неустановленности контрреволюционных целей — карается наказаниями, предусмотренными ст. 83.

70. Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57, — карается изгнанием из пределов РСФСР или лишением свободы на срок не ниже трех лет.

71. Самовольное возвращение в пределы РСФСР в случае применения наказания по п. «а» ст. 32 — карается высшей мерой наказания.

72. Изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера — карается лишением свободы на срок не ниже одного года.

73. Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее, — карается лишением свободы на срок не ниже шести месяцев.

При недоказанности контрреволюционности означенных действий наказание может быть понижено до трех месяцев принудительных работ.

Публикуется по: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 13–16.

Документ 2

**Об изменениях и дополнениях
Уголовного кодекса РСФСР**

**Постановление 2-й сессии ВЦИК X созыва
10 июля 1923 г.
(Извлечения)**

ВЦИК постановил:

1. Изменить статьи: ...57, 63, 67... изложив таковые нижеследующим образом:

Ст. 57. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п.

Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее заведомо для совершившего деяние содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции.

Ст. 63. Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта в целях совершения деяний, предусмотренных ст. 57 (экономическая контрреволюция), — карается наказанием, предусмотренным ст. 58.

Те же действия при отсутствии признаков ст. 57, выразившиеся в сознательном неисполнении возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежном их исполнении или осложнении той же деятельности излишней канцелярской волокитой и т. д. (саботаж), — караются наказаниями, предусмотренными ст. 105.

Ст. 67. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных (агентура) должностях при царском строе, — караются наказаниями, предусмотренными первой частью ст. 58.

Публикуется по: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 17–18.

Документ 3

**Уголовный кодекс РСФСР 1926 года
Особенная часть**

**Глава I. Преступления государственные
1. Контрреволюционные преступления¹³¹**

58¹. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п.

Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее заведомо для совершившего его содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции.

58². Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные ею договоры — влечет за собой расстрел и конфискацию всего

¹³¹ Ст. 58¹–58¹⁸, впредь до утверждения Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР Положения о преступлениях государственных, даются в действовавшей до настоящего времени редакции с необходимыми вследствие изменений Общей части технико-терминологическими исправлениями.

имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего имущества.

При установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в настоящей статье преступления, участие в нем — лишение свободы на срок не ниже трех лет.

58³. Сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции, равно как способствование иностранным государствам уже после объявления им войны или посылки экспедиции, в чем бы это способствование ни выразилось, — меры социальной защиты, предусмотренные ч. 1 ст. 58².

58⁴. Участие в организации, действующей в целях совершения преступлений, означенных в ст. 58¹–58², — меры социальной защиты, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 58².

58⁵. Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 58¹ настоящего кодекса, — те же меры социальной защиты.

58⁶. Участие в организации, действующей в целях, означенных в ст. 58¹ настоящего кодекса, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, хотя бы вооруженное восстание или вооруженное вторжение и не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации, — те же меры социальной защиты.

58⁷. Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения или подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта, в целях совершения действий, предусмотренных ст. 58¹ (экономическая контрреволюция), — меры социальной защиты, предусмотренные ст. 58².

Те же действия при отсутствии признаков ст. 58¹, выразившиеся в сознательном неисполнении возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежном их исполнении или осложнении той же деятельности излишней канцелярской волокитой и т. д. (саботаж), — меры социальной защиты, предусмотренные ст. 109 настоящего кодекса.

58⁸. Организация в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций,

а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрреволюционной организации, — меры социальной защиты, предусмотренные ч. 1 ст. 58².

58⁹. Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений — меры социальной защиты, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 58².

58¹⁰. Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, — лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов государства, — расстрел.

Передача или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или по распоряжению руководителя ведомства, учреждения и предприятия, за вознаграждение или безвозмездно организациям или лицам, указанным в ч. 1 настоящей статьи, — лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до трех лет.

Примечание: Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом Советом Народных Комиссаров Союза ССР и опубликовываемом во всеобщее сведение.

58¹¹. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, — меры социальной защиты, предусмотренные ч. 1 ст. 58².

58¹². Укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным в ст. 58²–58¹¹, не связанные с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности о их конечных целях, — лишение свободы на срок не ниже одного года.

Недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных преступлениях, предусмотренных ст. 58²–58¹⁰ настоящего кодекса, — лишение свободы на срок до одного года.

58¹³. Пропаганда и агитация, выражающиеся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговой повинностей, — лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет.

Те же преступления, совершенные в военной обстановке или при народных волнениях, — расстрел.

Призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти при неустановленности контрреволюционных целей — меры социальной защиты, предусмотренные ст. 59⁶ настоящего кодекса.

58¹⁴. Использование религиозных предрассудков с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям — меры социальной защиты, предусмотренные ст. 58¹² настоящего кодекса.

58¹⁵. Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 58¹, — изгнание из пределов Союза ССР или лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет.

58¹⁶. Самовольное возвращение в пределы Союза ССР в случае применения меры социальной защиты по пункту «а» ст. 20 настоящего кодекса — расстрел.

58¹⁷. Изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера — лишение свободы на срок не ниже одного года.

58¹⁸. Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее, — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

При недоказанности контрреволюционности означенных действий мера социальной защиты может быть понижена до принудительных работ на срок до трех месяцев.

Публикуется по: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 22–26.

Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)

**Постановление ЦИК СССР
25 февраля 1927 г.**

Утвердить для включения в уголовные кодексы союзных республик нижеследующее Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления).

О преступлениях контрреволюционных

1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в СССР.

2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры — влекут за собой высшую меру социальной защиты — расстрел — или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества.

3. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способство-

вание каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, — влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 2 настоящего Положения.

4. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности — влечет за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела — или объявления врагом трудящихся, с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда.

5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п., — влечет за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 2 настоящего Положения.

6. Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, — влечет за собою лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР, — высшую меру социальной защиты — расстрел — или объявление врагом трудящихся, с конфискацией имущества, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглаше-

нию по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, — влекут за собою лишение свободы на срок до трех лет.

Примечание 1. Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом СНК Союза ССР по согласованию с Советами Народных Комиссаров союзных республик и опубликовываемом во всеобщее сведение.

Примечание 2. В отношении шпионажа военнослужащих сохраняет силу ст. 16 Положения о воинских преступлениях, утвержденного ЦИК Союза ССР 31 октября 1924 г. (СЗ 1924 г., № 24, ст. 207).

7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно операции, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, — влекут за собою применение мер социальной защиты, указанных в ст. 2 настоящего Положения.

8. Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, — влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 2 настоящего Положения.

9. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного, или общественного имущества, — влечет за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 2 настоящего Положения.

10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 2–9 настоящего Положения), а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания — влекут за собою лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных, или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, — влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 2 настоящего Положения.

11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящем Положении преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящим Положением, — влекут за собою меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящего Положения.

12. Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении — влечет за собою лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев.

13. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или в контрреволюционных организациях и террористических актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Публикуется по: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 28–34.

Уголовный кодекс РСФСР

Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г.
и с приложением постатейно-систематизированных материалов

Особенная часть ГЛАВА ПЕРВАЯ¹³²

Преступления государственные

1. Контрреволюционные преступления

58¹. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву и ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)].

58^{1а}. Измена родине, т. е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются —

высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет¹³³ с конфискацией всего имущества. [20 июля 1934 г. (СУ. № 30, ст. 173)¹³⁴]

¹³² Глава первая введена в действие со времени вступления в силу Положения о преступлениях государственных, принятого 3-й сессией III созыва Центрального Исполнительного Комитета СССР 25 февраля 1927 г. (СЗ СССР. 1927 г. № 12, ст. 123).

¹³³ См. ст. 28.

¹³⁴ Ст. 58^{1а} — 58^{1г} введены в действие со времени введения в действие пост. ЦИК СССР 8 июня 1934 г. (СЗ СССР. № 33, ст. 255).

58^{1б}. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества. [20 июля 1934 г. (СУ. № 30, ст. 173)]

58^{1в}. В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются —

лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, — подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет. [20 июля 1934 г. (СУ. № 30, ст. 173)]

58^{1г}. Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влечет за собой —

лишение свободы на десять лет.

Недонесение со стороны остальных граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст. 58^{1д}. [20 июля 1934 г. (СУ. № 30, ст. 173)]

58². Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры влекут за собой —

высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58³. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58⁴. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности, влечет за собой —

лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58⁵. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п., влечет за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58⁶. Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собою —

лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в случаях когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов СССР — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда, с конфискацией имущества.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или

безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влекут за собою —

лишение свободы на срок до трех лет. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

Примечание 1. Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом Советом Народных Комиссаров СССР по согласованию с советами народных комиссаров союзных республик и опубликовываемом во всеобщее сведение. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]¹³⁵

Примечание 2. В отношении шпионажа лиц, упомянутых в ст. 193¹ настоящего Кодекса, сохраняет силу ст. 193²⁴ того же Кодекса. [9 января 1928 г. (СУ. № 12, ст. 108)]

58⁷. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58⁸. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58⁹. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества влечет за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58¹⁰. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению

отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58²–58⁹ настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собою —

лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных, или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58¹¹. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58¹². Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58¹³. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

58¹⁴. Контрреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собою —

лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией имущества. [6 июня 1927 г. (СУ. № 49, ст. 330)]

Публикуется по: Уголовный кодекс РСФСР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 35–43.

¹³⁵ См. постановление Совета Министров СССР 8 июня 1947 г. (стр. 152).

2. Репрессивные органы и их полномочия

Документ 6

**О революционном трибунале, его составе, делах,
подлежащих его ведению, налагаемых
им наказаниях и о порядке ведения его заседаний**

**Инструкция НКЮ
19 декабря 1917 г.
(Извлечения)**

1. Революционному трибуналу подлежат дела о лицах:

а) которые организуют восстание против власти Рабоче-Крестьянского Правительства, активно противодействуют последнему или не подчиняются ему, или призывают других лиц к противодействию или неподчинению ему;

б) которые пользуются своим положением по государственной или общественной службе, чтобы нарушить или затруднить правильный ход работ в учреждении или предприятии, в котором они состоят или состояли на службе (саботаж, сокрытие или уничтожение документов или имущества и т. п.);

в) которые прекращают или сокращают производство предметов массового потребления без действительной к тому необходимости;

г) которые путем скупки, сокрытия, порчи, уничтожения предметов массового потребления или иными способами стремятся вызвать их недостаток на рынке или повышение цен на них;

з)¹³⁶ преступления против народа, совершаемые путем использования печати, подлежат ведению особо учреждаемого революционного трибунала печати.

2. Революционный трибунал за указанные в первом разделе деяния определяет виновным следующее наказание:

1) денежный штраф, 2) лишение свободы, 3) удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, 4) объявление общественного порицания, 5) объявление виновного врагом народа, 6) лишение виновного всех или некоторых политических прав, 7) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного, 8) присуждение к обязательным общественным работам.

Меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести.

¹³⁶ Буквенная нумерация источника публикации. — Е. К.

Публикуется по: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 9–10.

Документ 7

**Выписка из протокола № 21 заседания СНК
об организации ВЧК**

20 декабря 1917 г.¹³⁷

Председательствует В. И. Ленин

Слушали:

9. Доклад Дзержинского об организации и составе Комиссии по борьбе с саботажем.

Состав (еще не полный)¹³⁸: 1) Ксенофонтов, 2) Жиделев, 3) Авенин, 4) Петерсон, 5) Петерс, 6) Евсеев, 7) Трифонов В., 8) Дзержинский, 9) Серго?, 10) Васильевский?

Задачи комиссии: 1) Пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили.

Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними.

Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения.

Комиссия разделяется на отделы: 1) информационный, 2) организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отделов), 3) отдел борьбы. Комиссия сконструирована окончательно завтра. Пока действует Ликвидационная комиссия Военно-революционного комитета. Комиссии обратить в первую голову внимание на печать, саботаж, к.-д., правых с.-р., саботажников и стачечников. Меры — конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.

Постановили:

9. Назвать комиссию — Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем — и утвердить ее.

Опубликовать¹³⁹.

¹³⁷ По старому стилю — 7 декабря.

¹³⁸ На следующий день — 21 декабря в состав ВЧК были введены В. Р. Менжинский, К. А. Яковлев и А. П. Смирнов.

¹³⁹ Сообщение о создании ВЧК было опубликовано 10 декабря (по новому стилю — 23 декабря) 1917 г. в газете «Известия ВЦИК».

Документ 8

**Приказ ВЧК № 64
«Об упразднении ВЧК»**

9 февраля 1922 г.

При сем объявляется для сведения и исполнения постановления ВЦИК от 6 февраля с. г. об упразднении ВЧК и ее местных органов и телеграмма ВЧК от 9.02 № 102521.

Зам. нач. Админоргупр ВЧК

Музыкант

Приложение 1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета

Во исполнение постановления 9-го Всероссийского Съезда Советов о реорганизации Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности и ее местных органов Всероссийский Исполнительный Комитет постановляет:

1. Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию и ее местные органы упразднить.

2. Возложить на Народный комиссариат внутренних дел наряду с другими задачами, указанными в параграфе 1 положения о НКВД, выполнение по всей территории РСФСР нижеследующих задач:

- а) подавление открытых контрреволюционных выступлений, в том числе бандитизма;
- б) принятие мер охраны и борьбы со шпионажем;
- в) охрана железнодорожных и водных путей сообщения;
- г) политическая охрана границ РСФСР;
- д) борьба с контрабандой и переходом границ Республики без соответствующих разрешений;
- е) выполнение специальных поручений президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета или Совета Народных Комиссаров по охране революционного порядка.

3. Для проведения в жизнь этих задач образовать при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР Государственное Политиче-

ское Управление под личным председательством Наркомвнудела или назначаемого Совнаркомом его заместителя, а на местах — политические отделы, в автономных республиках и областях при центральных исполнительных комитетах и в губерниях при губисполкомах.

4. Политотделы при ЦИК автономных республик и областей остаются непосредственно в подчинении НКВД по Госполитуправлению на тех основаниях, как и все объединенные Народные комиссариаты и управления республик и областей.

5. Политотделы губисполкомов действуют на основании особого положения о них, утвержденного президиумом ВЦИК.

П р и м е ч а н и е. Особые отделы и Транспортные отделы, находясь в составе Госполитуправления и Политотделов, ведут борьбу с преступлениями в армии, на жел. дор. на основании особых положений, утвержденных президиумом ВЦИК.

6. В непосредственном распоряжении Госполитуправления состоят особые части войск, в количестве, определяемом постановлением Совета Труда и Оборона, управляемые особым, входящим в состав учреждений Госполитуправления штабом войск Госполитуправления Народного комиссариата внутренних дел.

7. При необходимости принятия мер пресечения в отношении лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, бандитизму, шпионажу, хищениям на железнодорожных и водных путях сообщения, контрабанде и переходу границ без разрешения, Госполитуправлению, Политотделам, а также и уполномоченным их в уездах предоставляется право производства обысков, выемок и ареста на следующих основаниях:

а) в отношении лиц, застигнутых на месте преступления, аресты, обыски или выемки агентами Госполитуправления или Политотделов могут быть произведены без специального постановления Госполитуправления или Политотделов и особого ордера, с последующей санкцией председателя Госполитуправления или Политотделов в течение 48-ми часов по принятии мер пресечения, во всех остальных случаях арест, а также обыски и выемки допускаются не иначе, как по специальному постановлению Госполитуправления или Политотделов, за подписью председателей их по особым ордерам, порядок выдачи каковых определяется вырабатываемой Госполитуправлением и утверждаемой Народным комиссариатом юстиции инструкцией;

б) не позднее 2-х недель со дня ареста должно быть предъявлено обвинение арестованному;

в) не позднее 2-х месяцев со дня ареста Госполитуправление или освобождает арестованного или испрашивает у президиума ВЦИК

разрешение на дальнейшую изоляцию, если того требуют особые обстоятельства дела, на срок, определяемый президиумом ВЦИК, или направляет дело в суд, зачисляя арестованного за ним.

8. Все общеуголовные дела по спекуляции, должностным и др. преступлениям, находящиеся до опубликования настоящего постановления в производстве ВЧК и ее органов, подлежат в 2-х недельный срок передаче в Ревтрибуналы и народные суды по принадлежности, и впредь все дела о преступлениях, направленные против Советского строя или представляющие нарушение законов РСФСР, подлежат разрешению исключительно в судебном порядке Ревтрибуналами или народными судами по принадлежности.

9. Общий надзор за выполнением статей 7 и 8 настоящего постановления возлагается на народный комиссариат юстиции.

10. В соответствии с настоящим постановлением дополнить положение о Народном комиссариате внутренних дел.

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета
Секретарь ВЦИК

М. Калинин
А. Енукидзе

Москва, Кремль, 6-го февраля 1922 г.

Приложение 2

ТЕЛЕГРАММА ВЧК

По постановлению ВЦИК ВЧК и ее местные органы управления упразднить. На основании этого: 1) ПП ВЧК реорганизовать в Полномочные представительства Госполитуправления. 2) Губчека реорганизовать в Губотделы ГПУ, все существующие политбюро и информационные пункты ГЧК реорганизовать в уездные уполномоченные ГПУ по штату: уполномоченных — один, помощников — два, для получения — один, курьер — один. 3) Органы ГЧК реорганизовать в окружные и дорожные Транспортные отделы ГПУ. 4) Особотделы и Особотделения реорганизовать в Особотделы и Особотделения ГПУ. 5) Реорганизацию закончить к первому марта без перебоев в работе, новые наименования ввести в действие с первого марта. 6) ПП, председатели и начальники остаются на своих местах и присваивают наименования ПП, пред. и нач. соответствующих органов Госполитуправления. 7) На ГПУ возлагаются задачи: борьба и всесторонняя информация и агентура подавления контрреволюционных выступлений и бандитизма, борьба со шпионажем, охрана желдоргов и водпутей сообщения и провозимых по ним грузов, политическая охрана границ, борьба с контрабандой и незаконным переходом гра-

ниц. Срок предварительного заключения — два месяца, обвинение предъявить не позднее двух недель. Законченные дела передавать по подсудности в Ревтрибуналы и нарсуды. Печати упраздненных органов ВЧК после первого марта отправить ГПУ, Москва, Б. Лубянка, 2. Получение и исполнение донести. 9 февраля 1922 года № 102521.

Зам. Председателя ВЧК Уншлихт

Зам. нач. Админоргупр ВЧКМузыкант

Публикуется по: Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ. 1917—1991. Справочник / Составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк [и др.], 2003. С. 414—416.

Документ 9

Положение о Государственном политическом управлении, утвержденное постановлением президиума ВЦИК

16 марта 1922 года

I. Общее положение

1. Государственное Политическое Управление (ГПУ) состоит при НКВД.

2. Председателем ГПУ является Народный Комиссар Внутренних Дел или назначаемый СНК его заместитель.

3. Для разрешения основных вопросов и направления работы как и вопросов, требующих согласования между отдельными частями, при председателе ГПУ состоит Коллегия, члены которой утверждаются СНК.

4. Для осуществления возложенных на него задач ГПУ организует на местах:

а) Губернские отделы ГПУ при ГИК;

б) Областные отделы ГУП¹⁴⁰ при ЦИК автономных Республик и областей;

в) Особые Отделы ГПУ фронтов, военных округов и армий, особые отделения дивизий и охраны границ;

г) Транспортные Отделы ГПУ на ж. д. и водных путях сообщения;

д) Полномочные Представительства ГПУ для объединения, руководства и координации работы местных органов на окраинах и в Автономных Республиках и областях.

¹⁴⁰ Так в источнике. — Е. К.

5. ГПУ является учреждением со строго централизованным управлением, с правами действующих частей Красной Армии в вопросах пользования ж. д. и водными путями сообщения, государственными средствами связи (телеграфом, телефоном и радио), снабжением сотрудников продовольствием, обмундированием и другими преимуществами, связанными с этим положением (согласно постановлений СТО от 17 сентября 1920 года).

6. Все штатные сотрудники ГПУ и его местных органов считаются на военной службе и в отношении всех прав, обязанностей и преимуществ приравниваются к служащим военного ведомства.

7. Смета ГПУ утверждается СНК, все сметы местных органов проходят и утверждаются в общем порядке по смете ГПУ.

8. В непосредственном распоряжении ГПУ состоят особые войска, сведенные в отдельную армию Госполитуправления в количестве, устанавливаемом СТО, и подчиненные во всех отношениях Председателю ГПУ.

9. ГПУ делегирует своего представителя с правом решающего голоса в Пленум Верховного Трибунала ВЦИК, в состав же отдельных Коллегий Верховного Трибунала входят представители соответствующих частей ГПУ. Губернские отделы ГПУ делегируют своего представителя в Коллегию Губревтрибунала, Особые Отделы — в соответствующие Реввоен трибуналы, а Транспортные Отделы — в соответствующие железнодорожные Трибуналы.

II. Задачи Госполитуправления

10. Задачами ГПУ являются:

а) предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений, как политических, так и экономических;

б) борьба со всякого рода бандитскими и вооруженными восстаниями;

в) раскрытие контрреволюционных организаций и лиц, деятельность которых направлена к подрыву хозяйственных органов Республики;

г) охрана государственных тайн и борьба со шпионажем во всех видах его проявления (осведомительным, вредительным, политическим, военным и экономическим);

д) охрана ж. д. и водных путей сообщения, борьба с хищениями грузов и преступлениями, направленными к разрушению транспорта или понижению его провозоспособности;

е) политическая охрана границ РСФСР и борьба с экономической и политической контрабандой и незаконным переходом границ;

ж) выполнение специальных заданий ВЦИК и СНК по охране революционного порядка.

III. Средства к осуществлению изложенных задач

11. Средствами к осуществлению возложенных на ГПУ задач являются: осведомление, розыск, наблюдение, арест, выемка, обыск, дознание, предварительное следствие и регистрация;

а) соби́рание и сообщение подлежащим государственным учреждениям всех сведений, интересующих их с точки зрения борьбы с контрреволюцией, как в области политической, так и экономической;

б) агентурное наблюдение за преступными или подозрительными лицами, группами и организациями на территории РСФСР и за кордоном;

в) выдача разрешений на выезд за границу и въезд в РСФСР иностранных и русских граждан;

г) высылка из пределов РСФСР неблагонамеренных иностранных граждан;

д) просмотр почтово-телеграфной и иной корреспонденции, как внутренней, так и заграничной;

е) производство в целях розыска с соблюдением правил и порядка, установленных ст. 7 постановления ВЦИК от 6 февраля 1922 г., арестов, обысков, выемок, истребования справок, сведений и выписок из деловых бумаг, отчетов и докладов;

ж) подавление при помощи войск ГПУ вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений;

з) производство дознания и направление дел о раскрытых преступных деяниях для слушания в судебные органы с соблюдением ст. 7 постановления ВЦИК от 6 февраля 1922 г.;

и) регистрация уличенных и заподозренных в преступных деяниях лиц и их дел; регистрация неблагонадежного, административного и руководящего персонала государственных учреждений, промышленных предприятий, командного и административно-хозяйственного состава Красной Армии; статистическая и политическая разработка данных регистрации; регистрация и суммирование ненормальных явлений жизни РСФСР в целях выявления их причин и последствий.

12. Народный Комиссариат Юстиции осуществляет общий надзор над законностью действий ГПУ и его местных органов.

Публикуется по: Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ. 1917—1991. Справочник / Составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк [и др.], 2003. С. 423—424.

**Положение
об Объединенном государственном
политическом управлении СССР и его органах**

15 ноября 1923 г.

1. На основании ст. 61 Конституции Союза ССР, в целях объединения революционных усилий республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом, учреждается при Совете Народных Комиссаров Союза ССР Объединенное Государственное Политическое Управление (сокращенно ОГПУ).

2. Председатель Объединенного Государственного Политического Управления и заместитель назначаются Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. Председатель или его заместитель входят с правом совещательного голоса в Совет Народных Комиссаров Союза ССР.

3. При председателе Объединенного Государственного Политического Управления Союза ССР образуется Коллегия, члены которой утверждаются Советом Народных Комиссаров Союза ССР и пользуются всеми правами членов коллегий Народных Комиссаров Союза ССР.

4. Объединенное Государственное Политическое Управление Союза ССР ведает:

а) руководством работой Государственных Политических Управлений союзных республик и им подведомственных особых отделов военных округов, а также транспортных органов Государственных Политических Управлений на железных дорогах и водных путях сообщения, на территории соответствующих союзных республик;

б) непосредственным руководством и управлением особыми отделами фронтов и армий;

в) организацией охраны границы Союза ССР;

г) непосредственной оперативной работой в общесоюзном масштабе.

5. Объединенное Государственное Политическое Управление и его местные органы пользуются правами действующих частей Красной армии в вопросах пользования железнодорожными, водными и воздушными путями сообщения, государственными средствами связи (телефон, почта, телеграф и пр.); в отношении снабжения особыми отделами, пограничными отделениями, пограничной охраны и войск Государственного Политического Управления продовольствием, об-

мундированием Объединенное Политическое Управление пользуется правами, присвоенными частям Красной армии.

6. Сотрудники Объединенного Государственного Политического Управления и местных органов в своих правах и обязанностях, а также во всех других отношениях приравниваются к лицам, состоящим на действительной военной службе.

7. Объединенное Государственное Политическое Управление имеет свою самостоятельную смету, утверждаемую Советом Народных Комиссаров Союза ССР, включаемую в бюджет Союза ССР. По смете Объединенного Государственного Политического Управления проходят кроме сметы самого Объединенного Государственного Политического Управления также сметы особых отделов фронтов и армий, равно сметы государственных Политических Управлений союзных республик, с включением в них смет им подведомственных особых отделов военных округов транспортных органов Государственных Политических Управлений.

8. В непосредственном распоряжении Объединенного Государственного Политического Управления состоят особые войска в количестве, устанавливаемом Советом Труда и Оборона Союза ССР и подчиненные во всех отношениях председателю Объединенного Государственного Политического Управления или его заместителю.

9. Объединенное Государственное Политическое Управление Союза ССР руководит работой местных органов Государственных Политических Управлений через своих уполномоченных при Советах Народных Комиссаров союзных республик, действующих на основании специального положения, утвержденного в законодательном порядке.

10. Объединенное Государственное Политическое Управление, Государственные Политические Управления союзных республик, особые отделы, пограничные органы, транспортные органы действуют на основе постановлений Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 6 февраля 1922 г. и 16 октября 1922 г., Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета от 22 марта 1922 г., Центральных Исполнительных Комитетов союзных республик и постановления Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 2 ноября 1923 г.

11. Объединенное Государственное Политическое Управление имеет своего представителя в Верховном Суде Союза ССР, утверждаемого Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, на основании ст. 45 Конституции Союза ССР.

12. Надзор за закономерностью действий Объединенного Государственного Политического Управления Союза ССР осуществляется Прокурором Верховного Суда Союза ССР в порядке и пределах, указанных в положении о Верховном Суде Союза ССР, утвержденном III сессией Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и в специальных постановлениях Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

Председатель ЦИК Союза ССР
Секретарь ЦИК Союза ССР

А. Червяков
А. Енукидзе

Печатается по: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917–1991. Справочник / Составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк [и др.], 2003. С. 461–463.

Документ 11

**Положение о правах Объединенного
государственного политического управления
в части административных высылки, ссылки
и заключения в концентрационный лагерь**

28 марта 1924 г.

В целях борьбы с преступной деятельностью лиц, признаваемых в порядке, установленном ниже, социально опасными, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет:

1. Предоставить Объединенному Государственному Политическому Управлению право в отношении лиц, признаваемых ими на основании ниже перечисленных признаков социально опасными:

а) высылать таковых из местностей, где они проживают, с запрещением дальнейшего проживания в этих местностях на срок не свыше ТРЕХ лет;

б) высылать таковых из тех же местностей с запрещением проживания, сверх того, в ряде местностей или губерний, согласно списка, устанавливаемого Объединенным ГПУ на тот же срок;

в) высылать с обязательством проживания в определенных местностях по специальному указанию Объединенного ГПУ и обязательным в этих случаях гласным надзором местного Отдела ГПУ на тот же срок;

г) заключать в концентрационный лагерь сроком до ТРЕХ лет;

д) высылать за пределы государственной границы Союза ССР на тот же срок.

2. Вынесение постановлений о высылке возложить на Особое Соевещание в составе трех членов Коллегии Объединенного ГПУ по назначению председателя ОГПУ, с обязательным участием Прокурорского надзора, коему предоставить право приостанавливать постановления Совещания при ОГПУ и опротестовывать таковые в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

3. При Союзных Республиках вынесение постановления возлагается на такие же совещания в составе членов Коллегии ГПУ при Союзных Республиках под председательством Уполномоченного Объединенного ГПУ, с предоставлением Особому Совещанию при Объединенном ГПУ права пересмотра и изменений любого постановления Особого Совещания ГПУ при Союзных Республиках.

4. Исключительному ведению Особого Совещания при ОГПУ по высылкам, ссылкам и заключению в концентрационный лагерь принадлежит разрешение вопросов о применении этих мер в отношении лиц:

а) причастных к контрреволюционной деятельности, шпионажу и другим видам государственных преступлений применительно к ст. 57–63 Уголовного Кодекса РСФСР;

б) подозреваемых в контрабандной деятельности по ввозу или вывозу товаров или переходу границы без соответствующего на то разрешения или содействия такому переходу;

в) по подозрению в подделке денежных знаков и государственных бумаг, при отсутствии достаточных оснований для направления дел о них в судебном порядке;

г) спекулирующих золотой монетой, иностранной валютой, драгоценными металлами и сырой платиной и связанных в своей деятельности с иностранными организациями, не имеющих торгового характера.

5. В применении этих мер Особое Совещание Объединенного ГПУ не связано границами Союзных Республик.

Право высылки за границу Союза ССР и заключения в концентрационный лагерь принадлежит исключительно Особому Совещанию при Объединенном ГПУ.

6. Особым Совещаниям ГПУ Союзных Республик предоставить исключительное право высылки лишь в пределах территории данной Республики, причем только в отношении следующих лиц:

а) подозреваемых в совершении бандитских налетов, грабежей, разбоев, а также пособников и укрывателей применительно соответствующим статьям Уголовного Кодекса данной Союзной Республики, в случае отсутствия достаточных данных для направления дел о них в порядке судебного преследования;

б) не имеющих определенных занятий и не занятых производительным трудом, а именно: 1) профессиональных игроков на бегах, скачках и игорных домах; 2) шулеров и аферистов; 3) содержателей всякого рода притонов и домов терпимости; 4) торговцев кокаином, морфием, сантонином, спиртом, самогоном и другими спиртосодержащими веществами без соответствующего на то разрешения; 5) спекулянтов черной биржи, в отношении коих имеются данные об их особой злостности или связи с социально-преступной средой; 6) лиц, социально опасных по своей прошлой деятельности, а именно: имеющих в прошлом не менее двух обвинительных приговоров или четырех приводов по подозрению в имущественных преступлениях или посягательствах против личности и ее достоинств (хулиганство, вовлечение в проституцию, сводничество и т. п.).

Категории лиц, на которые подлежит распространение указанных прав, не могут быть расширяемы без особой санкции каждый раз Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

7. При признании Особым Совещанием ГПУ Союзной Республики необходимости выслать кого-либо из лиц данной категории за пределы данной Республики или заключить их в концентрационный лагерь таковое постановление получает силу лишь по утверждении Особым Совещанием при ОГПУ. Равным образом, при признании Особым Совещанием ГПУ Союзной Республики необходимости выслать кого-либо из лиц, подпадающих под категорию лиц, перечисленных в ст. 4 настоящего Положения, — последнее может лишь возбудить ходатайство о таковой высылке перед Центральным Особым Совещанием при ОГПУ.

8. При вынесении постановления по высылкам обязательно участие Прокурорского надзора данной Союзной Республики, с предоставлением последнему права протеста, как в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союзной Республики, так и непосредственно в Центральную Прокуратуру, наблюдающую за деятельностью Объединенного ГПУ.

9. Постановление о высылке каждого отдельного лица должно сопровождаться мотивированным указанием причины высылки, района и срока ее, причем предварительное выяснение поводов к высылке должно обязательно сопровождаться личным вызовом и допросом выслаемого лица.

Представление же о высылке, исходящее от местных отделов Объединенного ГПУ, должно сверх того сопровождаться прилагаемым к ходатайству заключением местного Прокурорского надзора.

10. Лица, в отношении коих постановления о высылке сопровождаются указанием со стороны Совещания места их обязательного проживания, лишаются на время высылки активных и пассивных избирательных прав, права членства в общественных организациях и права свободного передвижения в районе высылки.

Никаким иным ограничениям в правах, кроме указанных выше, выслаемые не подвергаются. На Объединенное ГПУ и Прокурорский надзор возлагается обязанность выработать инструкцию о порядке и способах гласного надзора со стороны органов ГПУ в отношении различных категорий выслаемых лиц.

11. Правила, изложенные в ст. 8, 9 и 10 настоящего постановления, относятся одинаково как к Особому Совещанию при ОГПУ, так и к Особым Совещаниям ГПУ Союзных Республик.

12. Особое Совещание при ОГПУ отчитывается в своей деятельности перед Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, Особые Совещания ГПУ Союзных Республик — перед Президиумами Центральных Исполнительных Комитетов Союзных Республик и Особым Совещанием при ОГПУ.

Председатель ЦИК Союза ССР

Секретарь Союза ССР

Москва — Кремль, 28/III—24 года

Нариманов

А. Енукидзе

Публикуется по: Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ. 1917—1991. Справочник / Составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк [и др.], 2003. С. 468—470.

Документ 12

**Постановление
ЦИК СССР об образовании
общесоюзного Народного комиссариата
внутренних дел СССР**

10 июля 1934 г.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

1. Образовать общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел со включением в его состав Объединенного государственного политического управления (ОГПУ).

2. На Народный комиссариат внутренних дел возложить:

а) обеспечение революционного порядка и государственной безопасности;

б) охрану общественной (социалистической) собственности;

в) запись актов гражданского состояния (запись рождений, смертей, бракосочетаний и разводов);

г) пограничную охрану.

3. В составе Народного комиссариата внутренних дел образовать следующие управления:

а) Главное управление государственной безопасности;

б) Главное управление рабоче-крестьянской милиции;

в) Главное управление пограничной и внутренней охраны;

д) Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений;

е) Отдел актов гражданского состояния;

ж) Административно-хозяйственное управление.

4. В союзных республиках организовать республиканские народные комиссариаты внутренних дел, действующие на основе Положения об общесоюзном Народном комиссариате внутренних дел, а в РСФСР установить вместо республиканского Народного комиссариата внутренних дел институт Уполномоченного Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР.

В автономных республиках, краях и областях организовать управления Народного комиссариата внутренних дел союзных республик.

5. Судебную коллегия ОГПУ — упразднить.

6. Народному комиссариату внутренних дел Союза ССР и его местным органам дела по расследуемым ими преступлениям по окончании следствия направлять в судебные органы по подсудности в установленном законом порядке.

7. Дела по управлению государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел направлять в Верховный Суд Союза ССР, дела же о таких преступлениях, как измена родине, шпионаж и подобные им, передавать в военную коллегия Верховного Суда Союза ССР или в военные трибуналы по подсудности.

8. При Народном комиссаре внутренних дел Союза ССР организовать Особое совещание, которому на основе Положения о нем, предоставить право применять в административном порядке высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылку за пределы Союза ССР.

9. Поручить Народному комиссариату внутренних дел Союза ССР представить в Совет Народных Комиссаров Союза ССР Положение об общесоюзном Народном комиссариате внутренних дел.

Председатель Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР М. Калинин

Секретарь Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР А. Енукидзе

Москва, Кремль,
10 июля 1934 г.

Публикуется по: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917–1991. Справочник / Составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк [и др.], 2003. С. 545–546.

Документ 13

**Указ
Президиума Верховного Совета Союза ССР
«Об Особом Совещании при Министре
государственной безопасности СССР»**

*Без публикации
« » декабря 1951 г.
гор. Москва*

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Утвердить прилагаемое Положение об Особом Совещании при Министре государственной безопасности СССР.

2. Считать утратившими силу постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 5 ноября 1934 года и пункт 2-й постановления Государственного Комитета Обороны от 17 ноября 1941 года № 903/сс о правах Особого Совещания при Народном Комиссаре внутренних дел СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

**ПОЛОЖЕНИЕ
об Особом Совещании при Министре
государственной безопасности Союза ССР**

1. Особому Совещанию при Министре государственной безопасности СССР предоставляется право рассматривать расследованные органами МГБ СССР дела:

а) о лицах, признаваемых общественно опасными по связям с преступной средой или по своей прошлой деятельности;

б) о преступлениях, доказательства по которым в силу их характера не могут быть оглашены в судебных заседаниях;

в) другие дела — по отдельным Указам Президиума Верховного Совета СССР или постановлениям Правительства СССР.

Дела на рассмотрение Особого Совещания направляются с санкции прокурора.

2. По рассматриваемым делам Особое Совещание при Министре государственной безопасности СССР имеет право применять:

а) высылку с постоянного места жительства под надзор органов МГБ с запрещением проживания в режимных местностях на срок до 5 лет;

б) ссылку в отдаленные местности под надзор органов МГБ на срок до 10 лет;

в) лишение свободы (заключение в лагерь или тюрьму) сроком до 10 лет, а в отношении лиц, привлеченных по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года и 17 ноября 1951 года, — 20 лет каторжных работ;

г) ссылку на поселение под надзор органов МГБ в соответствии со статьей 2-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года;

д) выселение вместе с семьей на постоянное жительство в отдаленные местности (на спецпоселение) под надзор органов МГБ — в случаях, предусмотренных отдельными Указами Президиума Верховного Совета СССР или постановлениями Правительства СССР;

е) высылку за пределы Советского Союза;

ж) принудительное лечение;

з) конфискацию имущества (полную или частичную) в порядке, установленном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 (?) декабря 1940 года.

3. Председателем Особого Совещания является Министр государственной безопасности СССР или его заместитель, членами — заместители Министра государственной безопасности СССР. В заседаниях Особого Совещания обязательно участвует Генеральный прокурор СССР или его заместитель.

Заседания Особого Совещания проводятся в составе председателя, двух членов и прокурора.

4. Дела, по которым имеются лица, взятые под стражу, Особое Совещание рассматривает в срок не более одного месяца со дня их поступления.

Решения Особого Совещания при Министре государственной безопасности СССР считаются окончательными.

Генеральный прокурор СССР или его заместитель, участвовавший в заседаниях Особого Совещания, в случае несогласия с реше-

нием Особого Совещания, имеют право внесения протеста в Президиум Верховного Совета СССР.

В этом случае исполнение решения Особого Совещания приостанавливается до постановления по данному вопросу Президиума Верховного Совета СССР.

5. В решениях Особого Совещания о ссылке, высылке и лишении свободы в отношении каждого отдельного лица должно быть указано основание применения этих мер, а также определен район и срок ссылки или заключения в лагерь (тюрьму).

6. Особое Совещание при Министре государственной безопасности СССР имеет право по представлениям органов Министерства государственной безопасности, Генерального прокурора СССР и его заместителей:

а) пересматривать ранее принятые решения и снижать срок ссылки, высылки, лишения свободы, досрочно освобождать или отменять ранее принятые решения в отношении лиц, осужденных Коллегией ОГПУ, Тройками НКВД–УНКВД и Особым Совещанием;

б) освобождать от дальнейшего пребывания на спецпоселении и в ссылке на поселении;

в) снимать судимость с лиц, судимых Коллегией ОГПУ, Тройками НКВД–УНКВД и Особым Совещанием в порядке, установленном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля 1939 года.

Представления Генерального прокурора СССР рассматриваются Особым Совещанием в течение месячного срока.

Публикуется по: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917–1991. Справочник / Составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк [и др.], 2003. С. 666–668.

Документ 14

**Указ Президиума Верховного Совета
«Об упразднении Особого совещания при министре
внутренних дел Союза ССР»**

1 сентября 1953 г.

В целях дальнейшего укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия Президиум Верховного Совета Союза ССР постановляет:

1. Упразднить Особое совещание при министре внутренних дел СССР.

2. Установить, что жалобы и заявления осужденных коллегией ОГПУ, тройками НКВД–УНКВД и Особым совещанием об отмене решений, сокращении срока наказания, досрочном освобождении и о снятии судимости рассматриваются Прокуратурой СССР с предварительным заключением по этим делам МВД СССР.

3. Представить Верховному суду СССР право пересматривать по протесту Генерального прокурора СССР решения бывших коллегий ОГПУ, троек НКВД–УНКВД, Особого совещания при НКВД–МГБ–МВД СССР.

4. Считать утратившими силу:

а) статью 8 постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 10 июля 1934 г. «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел»;

б) постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. «Об Особом совещании при народном комиссаре внутренних дел СССР».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К. Ворошилов

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Н. Пегов

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 598.

3. Распорядительные документы партийных, государственных и репрессивных органов

Документ 15

Приказ ВЧК № 2

«Об отмене высшей меры наказания (расстрела)»

1 января 1920 г.
(Телеграфно)

Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска, взятие в плен «верховного правителя» — создают новые условия борьбы с контрреволюцией.

Разгром организованных армий контрреволюции подрывает в корне надежды и расчеты отдельных групп контрреволюционеров внутри Советской России свергнуть власть рабочих и крестьян путем заговоров, мятежей и террористической деятельности. В условиях самообороны Советской Республики против двинутых на нее Антантой контрреволюционных сил Рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам подавления шпионской, дезорганизаторской и мятежнической деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной армии.

Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление советской власти дают нам ныне возможность отказаться от применения высшей меры наказания (т. е. расстрела) к врагам советской власти.

Революционный пролетариат и революционное правительство советской власти с удовлетворением констатируют, что взятие Ростова и пленение Колчака дают им возможность отложить в сторону оружие террора.

Только возобновление Антантой попыток — путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов — вновь нарушить устойчивое положение советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устройению социалистического хозяйства неизбежно может выдвинуть возвращение к методам террора.

Таким образом, ныне ответственность за возможное в будущем возвращение советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских капиталистов.

Вместе с тем Чрезвычайные комиссии получают возможность и обязанность обратить усиленное внимание на борьбу с основным нашим врагом данного момента — с хозяйственной разрухой, спекуляцией, преступлением по должности, содействуя всеми находящимися в их распоряжении средствами налаживанию хозяйственной жизни и устранению всех препятствий, создаваемых саботажем, недисциплинированностью и злонамеренностью.

Исходя из вышеизложенного ВЧК постановляет:

1) Прекратить с момента опубликования этого постановления применение расстрела по приговорам ВЧК и всех его местных органов.

2) Поручить тов. Дзержинскому войти в Совет Народных Комиссаров и в ВЦИК с предложением о полной отмене применения высшей меры наказания не только по приговорам Чрезвычайных комиссий, но и по приговорам городских, губернских, а также Верховного при ВЦИК Революционного Трибунала.

3) Постановление это ввести в действие по телеграфу.

Председатель ВЧК Ф. Дзержинский
Секретарь В. Савинов

Публикуется по: Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ. 1917—1991. Справочник / Составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк [и др.], 2003. С. 349.

Документ 16

Приказ ВЧК № 54

«О порядке применения Реввоен трибуналами высшей меры наказания»

18 марта 1920 г.

При сем объявляется для сведения телеграмма Реввоен трибунала Республики за № 588 от 7 марта с. г. об ограничении применения высшей меры наказания.

Зам. Председателя Особого отдела ВЧК
Управляющий делами и Нач. Административно-
Организационного отдела

Менжинский
Г. Ягода

Приложение

ТЕЛЕГРАММА РВТР

Новые условия военной обороны, созданные победоносным выступлением Красной армии и разгром контрреволюции, в связи с от-

казом последней от террористических мер борьбы в тылу, не могут оставаться без влияния на карательную политику в армии, хотя полный отказ от применения высшей меры наказания (расстрел) и не приемлем для Реввоен трибуналов, деятельность которых продолжает подчиняться беспощадным и суровым законам войны. В соответствии с новыми условиями военного и международного положения РСФСР Реввоен трибунал Республики постановил: ограничить применение высшей меры наказания по приговорам Реввоен трибуналов исключительно случаями, когда виновные изобличены в совершении преступлений, непосредственно препятствующих или могущих препятствовать успешному ходу боевых и трудовых операций и разлагающих силу армии на боевом или трудовом фронте. Преступлениями, которые, в зависимости от обстоятельств дела, могут быть признаны Реввоен трибуналами непосредственно препятствующими успешному ходу боевых и трудовых операций и могут повлечь за собой высшую меру наказания, являются: 1) шпионство, 2) измена и предательство, 3) неисполнение боевых приказов, 4) восстание и вооруженное неповиновение войсковых частей, 5) бандитизм и мародерство и 6) дезертирство из боевых линий, а также в трудовых армиях. Только наиболее тяжкие виды дезертирства и саморанения, которые являются разновидностью дезертирства, могут караться высшей мерой наказания. Остальные виды дезертирства и саморанения, приближающиеся по своему значению к общим случаям нарушения дисциплины, не требуют по условиям современной обстановки применения столь суровой меры репрессии, как расстрел. Реввоенжелдор трибуналам оставляется право применять высшую меру наказания: 1) за умышленное истребление или повреждение жел.-дор. путей и сооружений телеграфного и телефонного сообщения, складов воинского вооружения и снабжения, продовольственных и фуражных грузов и запасов, находящихся в полосе отчуждения жел. дорог и 2) в случаях особо тяжкого по своим последствиям саботажа жел.-дор. служащих. В остальных случаях применение меры наказания (расстрелов) по приговорам революционных военных трибуналов отменяется.

Вместе с тем в заключение РВСР указывает, что к каждому конкретному случаю применения расстрелов Реввоен трибуналы должны подходить в высшей степени осторожно, особенно и тщательно взвешивать все предпосылки, мотивы и последствия данного преступления. № 588.

Публикуется по: Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ. 1917—1991. Справочник / Составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк [и др.], 2003. С. 358.

Приказ Объединенного государственного политического управления № 44/21 «О ликвидации кулака как класса»

2 февраля 1930 г.

В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь в районах сплошной коллективизации — в самое ближайшее время кулаку, особенно его богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар. Сопротивление кулака должно быть и будет решительно сломлено.

Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения по всем основным линиям партийной и советской работы. Особо серьезные, сложные и ответственные задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ. От наших органов больше, чем когда-либо, потребуются исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий.

Поставленные задачи будут успешно осуществлены только при условии безусловной поддержки их основной батрацко-бедняцкой и середняцкой массой; только тогда, когда задачи эти будут органически связаны с процессом массовой коллективизации. Поддержка батрацко-бедняцких и середняцких масс будет наиболее полной при условии строгой классовой выдержанности наших мероприятий.

Удару должны подвергнуться исключительно кулаки. Удар по кулацкому активу должен дезорганизовать и обезвредить все кулачество. Мероприятия органов ОГПУ должны развернуться по двум основным линиям:

- 1) Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек. (Первая категория.)
- 2) Массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, из которых формируется контрреволюционный актив, кулацкого антисоветского актива, церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества. (Вторая категория.)

Для наиболее быстрого и безболезненного проведения кампании по выселению кулаков и их семейств в первую очередь необходимо, чтобы наши органы решительно и немедленно ликвидировали все действующие контрреволюционные кулацко-белогвардейские и бандитские кадры и особенно созданные ими и оформленные контрреволюционные организации, группировки и банды.

Ликвидация таких контрреволюционных образований и отдельных наиболее активных лиц уже начата по всем основным районам Союза, согласно телеграфным директивам ОГПУ. Операция эта должна быть в основном закончена к началу развертывания кампании по выселению кулаков и их семейств. Решительные оперативные действия в отношении таких контрреволюционных элементов и особенно проявлений организованной контрреволюционной и бандитской активности, естественно, должны проводиться и в период кампании по выселениям, и после нее. В первую очередь удар должен быть нанесен по активно действующим кулацким элементам первой категории:

1) Кулаки — наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства. Кулаки — бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2) Кулаки — активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты; бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и др., проявляющие сейчас контрреволюционную активность, особенно организованного порядка.

3) Кулаки — активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.

4) Кулаки — наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники.

По отдельным районам СССР намечено для изъятия при операции следующее количество указанных выше активных кулацко-белогвардейских контрреволюционных элементов. (Первая категория.)

Украина	—	15 000
Северный Кавказ	—	6–8 000
Средняя Волга	—	3–4 000
ЦЧО	—	3–5 000
Нижняя Волга	—	4–6 000
Белоруссия	—	4–5 000
Урал	—	4–5 000
Сибирь	—	5–6 000
Казахстан	—	5–6 000

Арестованные по этой категории концентрируются в окружных и областных отделах ОГПУ. Дела на них заканчиваются следствием в срочном порядке и рассматриваются тройками по внесудебному рассмотрению дел, которые будут созданы при ПП ОГПУ. Основное количество таких арестованных заключается в концлагеря; в отношении наиболее злостного и махрового актива контрреволюционных организаций и группировок и одиночек — должны применяться решительные меры наказания, вплоть до ВМН.

Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к ВМН, должны быть высланы в северные районы Союза, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, с учетом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих семейств. Имущество таких семейств конфискуется в том же порядке, как и у выселяемых семейств кулаков.

Кампании по выселению кулаков и их семейств проводятся, в первую очередь, в следующих районах СССР:

УССР	выселяются	30–35 тыс. семейств
Северный Кавказ и Дагестан		20 тыс.
Средне-Волжский край		8–10 тыс.
ЦЧО		10–15 тыс.
Нижне-Волжский край		10–12 тыс.
Белоруссия		6–7 тыс.
Сибирь		25 тыс.
Урал		10–15 тыс.
Казахстан		10–15 тыс.

В отношении остальных областей и республик соответствующие расчеты будут произведены в ближайшее время по согласованию с ПП ОГПУ.

Места поселения для выселяемых кулаков и их семейств и семейств изъятого кулацко-белогвардейского контрреволюционного актива ориентировочно таковы, места отправления и количеств могут быть изменены в зависимости от условий:

из СКК	23 000 на Урал; 5 000 в Казахстан
из УССР	50 000 в Северный край
из ЦЧО	20 000 в Северный край
из НВК	18 000 в Сибирь
из СВК	14 000 в Сибирь
из БССР	12 000 в Сибирь

Ориентировочные сроки начала операции по выселению таковы:

По СКК, СВК, НВК	—	10 февраля 1930 г.
По УССР, ЦЧО	—	15 февраля
По БССР	—	1 марта 1930 г.

Сроки начала отправки выселяемых со сборных пунктов эшелонами таковы:

По СКК, СВК, НВК	—	15 февраля 1930 г.
По УССР, ЦЧО	—	20 февраля
По БССР	—	1 марта 1930 г.

Для выполнения всех указанных задач приказываю:

1. В кратчайший срок закончить ликвидацию всех действующих контрреволюционных организаций, группировок и активных контрреволюционных одиночек. Ликвидировать действующие банды. Обеспечить быстрое проведение следствия по всем таким делам и срочное рассмотрение дел во внесудебном порядке — в тройках ПП ОГПУ. Без малейшего промедления ликвидировать все возникающие дела подобных категорий в период кампании по выселению кулаков.

2. Для рассмотрения дел на лиц, проходящих по этим делам (первая категория) немедленно создать в ПП ОГПУ тройки с представителями от крайкома ВКП(б) и Прокуратуры. Состав тройки выслать на утверждение Коллегии ОГПУ.

3. Для непосредственного руководства операцией по выселению кулаков и их семейств (вторая категория) — во всей ее совокупности; для концентрации всех материалов по операции и для организации постоянной связи с центром и периферией — распоряжением ПП организовать оперативные тройки.

Для той же работы в округах (областях) в окротделах ОГПУ создать оперативные группы во главе с начальником отдела ОГПУ. В районах для непосредственного участия в операции — создать районные оперативные группы. Для приема, учета, бесперебойной отправки выселяемых — создать сборные пункты во главе с комендантом. При пунктах организовать агентурно-следственные группы. Комендантам сборных пунктов непосредственно связаться с ячейками органов ТО ОГПУ на местах, ведающими составлением и отправкой эшелонов.

4. При ПП ОГПУ на случай возможных осложнений обеспечить чекистско-военный резерв. В распоряжение окротделов ОГПУ, особенно в районах наиболее угрожаемых (в смысле возможных осложнений), организовать маневренные группы из частей ОГПУ.

Части Красной армии к операции ни в коем случае не привлекать. Использование их допускать только в крайних случаях, при возникновении восстания; по согласованию с краевыми организациями и РВС—ПП ОГПУ организовать там, где недостаточно частей войск ОГПУ, — в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных особорганами ОГПУ частей Красной армии.

5. ПП ОГПУ — УССР, СКК, НВК, СВО, ЦЧО, БВО — представить не позднее 7 февраля на утверждение окончательно и подробно разработанные планы операции, руководствуясь данными указаниями. Остальным ПП ОГПУ представить план к 20 февраля с. г.

Для окончательного уточнения расположения сборных пунктов и количества подлежащих выселению через эти пункты ПП ОГПУ УССР, СКК, НВК, СВО, ЦЧО — представить не позднее 10 часов 4 февраля с. г. точные, согласованные с краевыми организациями данные. ПП ОГПУ БВО эти данные представить к 20 февраля с. г.

6. Обеспечить (особенно в районах и округах) тщательное соблюдение за составлением списков кулаков и их семейств (для выселения и конфискации имущества), а также за самой кампанией по выселению. Принимать через рай- и окрисполкомы соответствующие меры по линии сигнализации и устранения замеченных дефектов, перегибов и т. п. Следить за точным исполнением сроков операции и размеров ее, в соответствии с имеющимися директивами.

7. ТО ОГПУ организовать бесперебойную перевозку выселяемых эшелонов; срочно разработать инструкцию о порядке следования и охране эшелонов.

При отправке высылаемых им разрешается брать с собой имущество и продовольствие в пределах нормы. Обязать выселяемые кулацкие семьи в части средств производства брать с собой топоры, пилы, лопаты, плотничьи инструменты, по возможности хомуты и шлеи и продовольствие из расчета на два месяца, общим весом не более 25–30 пудов на семью. При посадке топоры, пилы, лопаты и другие средства производства отбираются и грузятся в отдельные вагоны тех же эшелонов. Тара должна быть мягкой.

Органам ТО ОГПУ обеспечить бесперебойное снабжение выселяемых кипятком на всем пути следования эшелонов, а также обслуживание и медицинской помощью по линии НКПС. ТО ОГПУ организовать питательные пункты на станциях (не предназначенные для войсковых частей) с подачей горячей пищи не реже раза в двое суток. Дислокацию питательных пунктов и время прохождения эшелонов своевременно сообщить соответствующим ПП.

8. Принять меры к окончательной разгрузке мест заключения к началу массовой кампании по выселению.

9. ПП ОГПУ Северного края, Урала, Сибири и Казахстана в кратчайший срок закончить организацию приема и расселения выселяемых, а также представить свои соображения о порядке управления выселяемыми.

10. Всемерно усилить информационную и агентурную работу на протяжении всего периода указанных мероприятий, обеспечивающую глубокое и всестороннее освещение районов.

Обеспечить особую бдительность в деле своевременного выявления всех готовящихся активных контрреволюционных выступлений и активных действий банд и контрреволюционных организаций с целью предупреждения таких выступлений, а в случае их возникновения — немедленной и решительной ликвидации.

ТО ОГПУ усилить информационно-агентурную работу по линии желдор. Особым отделам — в армии, особенно в территориальных формированиях и тех частях, которые могут быть привлечены к операции.

На время операции усилить перлюстрацию корреспонденции, в частности обеспечить 100 % просмотр писем, идущих в Красную армию, а также усилить просмотр писем, идущих за границу и из-за границы. Усиление аппаратов Политконтроля провести за счет мобилизуемого чекзапаса.

11. ПП ОГПУ, на территории которых не будут проводиться сейчас выселения кулаков, — обеспечить информационно-агентурную работу со специальной задачей — наиболее полного выявления отражений проводящихся выселений.

12. Всемерно усилить охрану границ. Усилить охрану всех важнейших госсооружений и предприятий. Особое внимание обратить на элеваторы. Усилить охрану и агентурное обслуживание всех тех пунктов, где хранится оружие, артиллерия и т. п.

13. Всемерно усилить работу наших органов в городе для полного выявления настроений городских прослоек, их связей с деревней и ликвидации проявлений организованной контрреволюционной активности.

14. Добиться всемерного усиления борьбы с уголовным бандитизмом и уголовщиной вообще по линии УГРО.

15. Установить четкую и бесперебойную связь всех ПП ОГПУ с Центром. Связь эта должна полно и повседневно отражать ход операций. В деле связи руководствоваться изданными инструкциями. Установить тесную связь между территориально граничащими ПП ОГПУ для полной согласованности действий.

16. Принять все меры к полному выяснению исключительной серьезности и ответственности задач, возложенных на органы ОГПУ, — всем составом наших органов. Особенно заострить внимание на строящейся классовой линии всех мероприятий. Уяснить наряду с этим,

что выполнение всех важнейших линий текущей работы наших органов ни в коей степени не должны в период кампании по выселениям ослабляться.

Копии всех приказов и принципиальных директив, изданных ПП по периферии в связи с кампанией по выселениям, выслать в ОГПУ.

Ориентировочные инструкции об организационной структуре операции, о работе сборных пунктов и агентурно-следственных групп в этих пунктах, а также инструкции по линии ТО ОГПУ прилагаются.

Зам. Председателя ОГПУ

Г. Ягода

Приложение к приказу № 44/21

Организационное построение операции

1. В аппарате ПП ОГПУ, на территории которых будет проходить кампания по выселениям кулачества, создается приказом ПП ОГПУ оперативная тройка из ответственных работников основных оперативных отделов для непосредственной работы по руководству всей операцией в пределах ПП, для согласованности действий по отдельным линиям работы ОГПУ, связи с местами, концентрации всех материалов и ведения отчетности. Все распоряжения тройки идут за подписью ПП ОГПУ или его заместителя. Тройка должна иметь в своем распоряжении оперативно-войсковой резерв, который по мере необходимости выбрасывается в угрожаемые участки. Тройка разрабатывает подробный приказ для периферии, охватывающий всю совокупность вопросов, связанных с операцией.

2. В округах (областях) при окротделах ОГПУ создаются оперативные группы, работающие под непосредственным руководством нач. окротдела. Оперативная группа следит за составлением списков кулацких семейств (списки составляются райисполкомом и утверждаются облисполкомом), подлежащих выселению, внося необходимые дополнения, коррективы и т. д. через окрисполкомы.

Обеспечивает изъятие кулацко-белогвардейского контрреволюционного актива, который концентрируется при окротделах ОГПУ. Проводит в наиболее срочном порядке следствие по делам этих категорий. Дела направляются во внесудебном порядке для рассмотрения на тройках при ПП ОГПУ. Ведет тщательный учет таким делам и арестованным, информируя соответственно ПП ОГПУ.

Обеспечивает максимальное информационное и агентурное освещение районов, особенно своевременное и полное выявление данных об организованной контрреволюционной работе и о готовящихся контрреволюционных и бандвыступлениях в целях всемерного пре-

дупреждения таковых или наиболее быстрой, полной и безболезненной их ликвидации. Применение оружия разрешается только по приказу ПП ОГПУ. Опергруппа располагает оперативно-войсковым резервом, который в случае крайней необходимости и перебрасывается в районы. Группа обеспечивает повседневную бесперебойную связь с районами и с ПП ОГПУ.

3. В районах для работы по изъятию кулацко-белогвардейского контрреволюционного актива и для активного участия в выселениях кулаков и их семейств (тщательное наблюдение за отбором выселяемых и за проведением раскулачивания) создаются райопергруппы. Начальниками райопергрупп назначаются сотрудники ОГПУ не ниже уполномоченных окротделов. В райопергруппу выделяется необходимый состав работников по линии ОГПУ.

Начальник райопергруппы на время операции отвечает за состояние района в целом. Районные уполномоченные входят в опергруппу. Какая бы то ни была загрузка райуполномоченных, отвлекающая их от выполнения своих прямых задач (интенсивное информационно-агентурное обслуживание районов), не должна допускаться.

Особое внимание должно быть уделено своевременному выявлению всех готовящихся контрреволюционных и бандвыступлений в районе с целью их быстрейшей ликвидации.

Выселение кулаков на местах (в населенных пунктах) проводится силами местного партийного, комсомольского, советского, рабочего и батрацко-бедняцкого актива. Соответственное распределение и степень использования этих сил определяется на местах. Вопросы доставки выселяемых на сборные пункты также разрешаются этими силами.

Работники, непосредственно проводящие выселение, составляют на местах личные карточки на выселяемых (на каждую семью). Карточки эти направляются в двух экземплярах вместе с выселяемыми в сборные пункты.

Конфискация имущества выселяемых производится на местах представителями райисполкомов в порядке, устанавливаемом специальными директивами по линии исполкомов. Опергруппа следит за тем, чтобы конфискуемое имущество соответственно охранялось, не расхищалось и т. д. О всех замечаемых дефектах (перегибы и т. д.) — опергруппа, принимая на месте через райсоветы — но не непосредственно меры к устранению их, доводит до сведения округа.

Районная группа тщательно наблюдает за отбором выселяемых, за проведением раскулачивания, следит за соответствующим составлением списков кулаков и их семейств (для выселения и конфискации), за своевременным направлением списков по линии советов

в округ, а также за точным исполнением сроков операции и размеров ее (количеством), в соответствии с имеющимися директивами. Группа обеспечивает бесперебойную связь с населенными пунктами района и округом (регулярная, подробная информация), используя для этого все наличные средства и силы.

Для концентрации кулаков и их семейств, выселяемых в северные районы Союза, а также семейств кулацко-белогвардейского контрреволюционного актива (заключаемого в концлагеря) в соответствующих железнодорожных пунктах организуются так называемые сборные пункты. При организации пунктов нужно, в первую очередь, строго учитывать их положение на железной дороге с тем, чтобы, с одной стороны, здесь могли быть наиболее быстро сконцентрированы выселяемые кулацкие семейства, с другой стороны, чтобы эти семейства могли быть наиболее быстро и в соответствующих количествах вывезены по условиям работы железной дороге.

Под пункты концентрации использовать соответствующие помещения, утя их емкость, пропускную способность, месторасположение и т. д. Стягивание выселяемых на сборные пункты проводится всеми имеющимися способами (путевой транспорт, железнодорожный транспорт и т. п.). Пребывание выселяемых в сборных пунктах должно быть сведено до минимума. Во главе пунктов назначить комендантов из числа работников ОГПУ, придав коменданту двух помощников. Охрана пунктов организуется за счет местных сил советских, партийных и рабочих активистов, милиции и т. д. Комендант пункта ведет учет поступающих на пункт и отправляемых по железной дороге кулацких семейств, обеспечивая среди них агентурное освещение. Комендант действует на основании имеющихся инструкций.

При пункте находится учетно-следственная группа, во главе с уполномоченным — работником органов ОГПУ. Следственная группа действует на основании имеющихся инструкций (смотрите ниже).

На железнодорожных станциях, при которых расположены пункты концентрации, органы ТО ОГПУ организуют посты ТО ОГПУ для приема выселяемых кулаков и их семейств в эшелоны и отправку их по месту назначения. Охрана эшелонов в пути возлагается на органы ТО ОГПУ. На каждый эшелон выделяется комендант — работник ТО ОГПУ. Коменданту эшелона сборный пункт сообщает своевременно все подробные сведения о выселяемых (состав, настроение, лица, подлежащие особому наблюдению и т. п.), следующих с данным эшелоном, а также передает осведомление. Коменданты эшелонов и посты ТО ОГПУ действуют на основании имеющихся специальных инструкций.

Нач. СОУ ОГПУ

Евдокимов

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 94–100.

Документ 18

**Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры
«О прекращении массовых выселений крестьян,
упорядочении производства арестов
и разгрузке мест заключения»**

8 мая 1933 г.

Отчаянное сопротивление кулачества колхозному движению трудящихся крестьян, развернувшееся еще в конце 1929 года и принявшее форму поджогов и террористических актов против колхозных деятелей, создало необходимость применения советской властью массовых арестов и острых форм репрессий в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные и дальние края.

Дальнейшее сопротивление кулацких элементов, вредительство в колхозах и совхозах, вскрытое в 1932 году, широко распространившиеся массовые хищения колхозного и совхозного имущества — потребовали дальнейшего усиления репрессивных мер против кулацких элементов, воров и всякого рода саботажников.

Таким образом, три последних года нашей работы в деревне были годами борьбы за ликвидацию кулачества и победу колхозов.

И эти три года борьбы привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне, к окончательному укреплению наших советских социалистических позиций в деревне.

Подводя итоги, мы можем теперь сказать, что позиции единоличного хозяйства уже преодолены во всех основных районах СССР, колхозы стали повсеместной и господствующей формой хозяйства в деревне, колхозное движение укрепились прочно, полная победа колхозного строя в деревне обеспечена.

Теперь задача состоит уже не в том, чтобы отстоять колхозную форму хозяйства в ее борьбе против частной формы хозяйства, ибо эта задача уже решена с успехом. Теперь задача состоит в том, чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только и могут они уберечь себя от опасности обнищания и голода.

ЦК и СНК СССР считают, что все эти обстоятельства создают в деревне новую благоприятную обстановку, дающую возможность

прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне.

ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников.

Правда, из ряда областей все еще продолжают поступать требования о массовом выселении из деревни и применения острых форм репрессий. В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из областей и краев около ста тысяч семей. В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому только не лень, и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания и действуя по правилу: «Сначала арестовать, а потом разобраться». Но о чем все это говорит?

Все это говорит о том, что в областях и краях имеется еще не мало товарищей, которые не поняли новой обстановки и все еще продолжают жить в прошлом.

Все это говорит о том, что, несмотря на наличие новой обстановки, требующей перенесения центра тяжести на массовую политическую и организаторскую работу, эти товарищи цепляются за отживающие формы работы, уже не соответствующие новой обстановке и создающие угрозу ослабления авторитета советской власти в деревне.

Похоже на то, что эти товарищи готовы подменить и уже подменяют политическую работу в массах в целях изоляции кулацких и антиколхозных элементов административно-чекистскими «операциями» органов ГПУ и милиции, не понимая, что подобная подмена, если она примет сколько-нибудь массовый характер, может свести к нулю влияние нашей партии в деревне.

Эти товарищи, видимо, не понимают, что метод массового выселения крестьян за пределы края в условиях новой обстановки уже изжил себя, что выселение может применяться лишь в частичном и единичном порядке и лишь к главарям и организаторам борьбы против колхозов.

Эти товарищи не понимают, что метод массовых и беспорядочных арестов, если только можно считать его методом, в условиях новой

обстановки дает лишь минусы, роняющие авторитет советской власти, что производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами, что аресты должны применяться лишь к активным врагам советской власти.

ЦК и СНК не сомневаются, что все эти и подобные им ошибки и отклонения от линии партии будут ликвидированы в кратчайший срок.

Было бы неправильно думать, что наличие новой обстановки и необходимость перехода к новым методам работы означают ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне. Наоборот, классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться. Она будет обостряться, так как классовый враг видит, что колхозы победили, он видит, что наступили последние дни его существования, — и он не может не хвататься с отчаяния за самые острые формы борьбы с советской властью. Поэтому не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы с классовым врагом. Наоборот, наша борьба должна быть всемерно усилена, наша бдительность — всемерно заострена. Речь идет, стало быть, об усилении нашей борьбы с классовым врагом. Но дело в том, что усилить борьбу с классовым врагом и ликвидировать его при помощи старых методов работы — невозможно в нынешней новой обстановке, ибо они, эти методы, изжили себя. Речь идет, стало быть, о том, чтобы улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными. Речь идет, наконец, о том, чтобы каждый наш удар был заранее подготовлен политически, чтобы каждый наш удар подкреплялся действиями широких масс крестьянства. Ибо только при подобных способах улучшения методов нашей работы можем добиться того, чтобы окончательно ликвидировать классового врага в деревне.

ЦК и СНК не сомневаются, что все наши партийно-советские и чекистско-судебные организации учтут новую обстановку, созданную в результате наших побед, и соответственно перестроят свою работу применительно к новым условиям борьбы.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют:

I.

О ПРЕКРАЩЕНИИ МАССОВЫХ ВЫСЕЛЕНИЙ КРЕСТЬЯН

Немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян. Выселения допускать только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок.

Выселение допустить только из следующих областей и в следующих предельных количествах:

Украина	2 000 хозяйств	Вост[очная] Сибирь	1 000 хозяйств
Сев[ерный] Кавказ	1 000 -"-	Белоруссия	500 -"-
Н[ижняя] Волга	1 000 -"-	Зап[адная] область	500 -"-
Ср[едняя] Волга	1 000 -"-	Башкирия	500 -"-
ЦЧО	1 000 -"-	Закавказье	500 -"-
Урал	1 000 -"-	Средняя Азия	500 -"-
Горьков[ский] край	500 -"-		
Зап[адная] Сибирь	1 000 -"-	Всего:	12 000 хозяйств

II.

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА АРЕСТОВ

[1)] Воспретить производство арестов лицами, на то не уполномоченными по закону, — председателями РИК, районными и краевыми уполномоченными, председателями сельсоветов, председателями колхозов и колхозных объединений, секретарями ячеек и др.

Аресты могут быть производимы только органами прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции.

Следователи могут производить аресты только с предварительной санкции прокурора.

Аресты, производимые нач. милиции, должны быть подтверждены или отменены районными уполномоченными ОГПУ или прокуратурой по принадлежности не позднее 48 часов после ареста.

2) Запретить органам прокуратуры, ОГПУ и милиции применять в качестве меры пресечения заключение под стражу до суда за мало-важные преступления.

В качестве меры пресечения могут быть заключаемы под стражу до суда только лица, обвиняемые по делам: о контрреволюции, терактах, о вредительстве, о бандитизме и грабеже, о шпионаже, переходе границы и контрабанде, об убийстве и тяжелых ранениях, о крупных хищениях и растратах, о профессиональной спекуляции, о валютчиках, о фальшивомонетчиках, злостном хулиганстве и профессиональных рецидивистах.

3) Установить при производстве арестов органами ОГПУ предварительное согласие прокурорского надзора по всем делам, кроме дел о террористических актах, взрывах, поджогах, шпионаже и перебеж-

чиках, политическом бандитизме и контрреволюционных антипартийных группировках.

Установленный в настоящем пункте порядок вводится в жизнь для ДВК, Средней Азии и Казахстана лишь через 6 месяцев.

4) Обязать прокурора СССР и ОГПУ обеспечить неуклонное исполнение инструкции 1922 г. о порядке прокурорского контроля за производством арестов и содержанием под стражей лиц, арестованных ОГПУ.

III.

О РАЗГРУЗКЕ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1. Установить, что максимальное количество лиц, могущих содержаться под стражей в местах заключения НКЮ, ОГПУ и Главного управления милиции, кроме лагерей и колоний, не должно превышать 400 тысяч человек на весь Союз ССР.

Обязать прокурора СССР и ОГПУ в двухдекадный срок определить предельное количество заключенных по отдельным республикам и областям (краям) исходя из указанной выше общей цифры.

Обязать ОГПУ, НКЮ союзных республик и Прокуратуру СССР немедленно приступить к разгрузке мест заключения и довести в двухмесячный срок общее число лишенных свободы с 800 тысяч фактически заключенных ныне до 400 тысяч.

Ответственность за точное выполнение этого постановления возложить на Прокуратуру СССР.

2. Установить для каждого места заключения максимальную цифру лиц, могущих содержаться в данном месте заключения, исходя из установленной выше цифры 400 тысяч.

Запретить начальникам мест заключения принимать арестованных сверх установленного предела.

3. Определить предельный срок для содержания арестованных в арестных помещениях при милициях не свыше трех суток. Обязательно обеспечить арестованных хлебным пайком.

4. Предложить ОГПУ, НКЮ союзных республик и Прокуратуре СССР немедленно организовать пересмотр личного состава следственных заключенных с тем, чтобы всем, кроме особо опасных элементов, заменить содержание под стражей другой мерой пресечения (поручительство, залог, подписка о невыезде).

5. В отношении осужденных провести следующие мероприятия:

а) Всем заключенным по суду до 3 лет заменить лишение свободы принудительными работами до 1 года, а остальной срок считать условным.

б) Осужденных на срок от 3 до 5 лет включительно — направить в трудовые поселки ОГПУ.

в) Осужденных на срок свыше 5 лет — направить в лагеря ОГПУ.

6. Кулаки, осужденные на срок от 3 до 5 лет включительно, подлежат направлению в трудовые поселки вместе с находящимися на их иждивении лицами.

7. Для разгрузки мест заключения и проведения указанных в п. 5 и 6 мероприятий организовать в каждой республике, области (крае) специальные областные комиссии в составе: краевого (областного) прокурора, председателя краевого (областного) суда, ПП ОГПУ и начальника краевого (областного) управления милиции под председательством краевого (областного) прокурора.

8. В республиках, краях, областях, где общее количество заключенных превышает в данный момент 30 тысяч человек, разрешить областным комиссиям образовывать межрайонные выездные подкомиссии, как вспомогательные их органы, с тем чтобы решения межрайонных комиссий утверждались областными комиссиями.

9. Предоставить право областным комиссиям освобождать от направления в лагеря и поселки, независимо от срока осуждения, нетрудоспособных, инвалидов, стариков, матерей с маленькими детьми, беременных женщин, заменяя им лишение свободы принудительными работами.

В отдельных случаях областные комиссии в праве направлять в лагеря особо опасные элементы, хотя бы и осужденные на срок до 5 лет.

10. Для проведения разгрузки в среднеазиатских республиках, Казахстане и Кара-Калпакии предложить Прокуратуре СССР, ОГПУ и Верховному Суду СССР направить специальные комиссии из Москвы для общего руководства работой республиканских комиссий этих республик.

Обязать НКЮ союзных республик и Наркомздравы союзных республик в месячный срок ликвидировать полностью сыпно-тифозные заболевания в местах заключения.

Председатель Совета Народных

Комиссаров СССР

Секретарь ЦК ВКП(б)

В. МОЛОТОВ (Скрябин)

И. СТАЛИН

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 175–179.

**Решение Политбюро ЦК ВКП(б)
и оперативный приказ наркома внутренних дел
об антисоветских элементах**

**Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/94 от 2 июля 1937 г.
94. — Об антисоветских элементах**

Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму:

«Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки, вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке».

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. СТАЛИН

**Оперативный приказ Народного Комиссара Внутренних дел
С.С.С.Р. № 00447**

**«Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников
и др. антисоветских элементов»**

30 июля 1937 года

Гор. Москва

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бегжавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных уча-

стников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти не тронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаков, муссаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т. п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников — скотоконократов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим — ПРИКАЗЫВАЮ: с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников. В Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР операцию начать с 10 августа с. г., а в Дальневосточном и Красноярском краях и Восточно-Сибирской области — с 15-го августа с. г.

При организации и проведении операций руководствоваться следующим:

I. КОНТИНГЕНТЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских фор-

мированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность.

4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, муссаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность.

5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

7. Уголовники (бандиты, грабители, воров-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконократы), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне — в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях и в городе — на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

II. О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ РЕПРЕССИРУЕМЫМ И КОЛИЧЕСТВЕ ПОДЛЕЖАЩИХ РЕПРЕССИИ

1. Все репресслируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, — РАССТРЕЛУ.

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них — заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. Согласно представленным Вами учетным данным утверждаю Вам следующее количество подлежащих репрессии:

	Первая категория	Вторая категория	Всего
1. Азербайджанская ССР	1500	3750	5250
2. Армянская ССР	500	1000	1500
3. Белорусская ССР	2000	10000	12000
4. Грузинская ССР	2000	3000	5000
5. Киргизская ССР	250	500	750
6. Таджикская ССР	500	1300	1800
7. Туркменская ССР	500	1500	2000
8. Узбекская ССР	750	4000	4750
9. Башкирская АССР	500	1500	2000
10. Бурято-Монгольская АССР	350	1500	1850
11. Дагестанская АССР	500	2500	3000
12. Карельская АССР	300	700	1000
13. Кабардино-Балкарская АССР	300	700	1000
14. Крымская АССР	300	1200	1500
15. Коми АССР	100	300	400
16. Калмыцкая АССР	100	300	400
17. Марийская АССР	300	1500	1800
18. Мордовская АССР	300	1500	1800
19. Немцев Поволжья АССР	200	700	900
20. Северо-Осетинская АССР	200	500	700
21. Татарская АССР	500	1500	2000
22. Удмуртская АССР	200	500	700
23. Чечено-Ингушская АССР	500	1500	2000
24. Чувашская АССР	300	1500	1800
25. Азово-Черноморский край	5000	8000	13000

Подолжение табл.

	Первая категория	Вторая категория	Всего
26. Дальневосточный край	2000	4000	6000
27. Западно-Сибирский край	5000	12000	17000
28. Красноярский край	750	2500	3250
29. Орджоникидзевский край	1000	4000	5000
30. Восточно-Сибирский край	1000	4000	5000
31. Воронежская область	1000	3500	4500
32. Горьковская область	1000	3500	4500
33. Западная область	1000	5000	6000
34. Ивановская область	750	2000	2750
35. Калининская область	1000	3000	4000
36. Курская область	1000	3000	4000
37. Куйбышевская область	1000	4000	5000
38. Кировская область	500	1500	2000
39. Ленинградская область	4000	10000	14000
40. Московская область	5000	30000	35000
41. Омская область	1000	2500	3500
42. Оренбургская область	1500	3000	4500
43. Саратовская область	1000	2000	3000
44. Сталинградская область	1000	3000	4000
45. Свердловская область	4000	6000	10000
46. Северная область	750	2000	2750
47. Челябинская область	1500	4500	6000
48. Ярославская область	750	1250	2000
УКРАИНСКАЯ ССР			
1. Харьковская область	1500	4000	5500
2. Киевская область	2000	3500	5500
3. Винницкая область	1000	3000	4000
4. Донецкая область	1000	3000	4000
5. Одесская область	1000	3500	4500
6. Днепропетровская область	1000	2000	3000
7. Черниговская область	300	1300	1600
8. Молдавская АССР	200	500	700
КАЗАХСКАЯ ССР			
1. Северо-Казахст. область	650	300	950

	Первая категория	Вторая категория	Всего
2. Южно-Казахст. область	350	600	950
3. Западно-Казахст. область	100	200	300
4. Кустанайская область	150	450	600
5. Восточно-Казахст. область	300	1050	1350
6. Актюбинская область	350	1000	1350
7. Карагандинская область	400	600	1000
8. Алма-Атинская область	200	800	1000
Лагеря НКВД	10000	—	10000

3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самочинные увеличения цифр не допускаются.

В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, — во вторую категорию и наоборот — разрешается.

4. Семьи приговоренных по первой и второй категории, как правило, не репрессируются. Исключение составляют:

а) семьи, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Члены такой семьи, с особого решения тройки, подлежат водворению в лагеря или трудпоселки;

б) семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краев и областей;

в) семьи репрессированных по первой категории, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове-на-Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гагры и Сухуми, подлежат выселению из этих пунктов в другие области по их выбору, за исключением пограничных районов.

5. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение.

III. ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ

1. Операцию начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок.

В Туркменской, Таджикской, Узбекской и Киргизской ССР операцию начать 10 августа с. г., а в Восточно-Сибирской области, Красноярском и Дальневосточном краях — с 15-го августа с. г.

2. В первую очередь подвергаются репрессиям контингенты, отнесенные к первой категории.

Контингенты, отнесенные ко второй категории, до особого на то распоряжения репрессии не подвергаются.

В том случае, если нарком республиканского НКВД, начальник управления или областного отдела НКВД, закончив операцию по контингентам первой категории, сочтет возможным приступить к операции по контингентам, отнесенным ко второй категории, он обязан, прежде чем к этой операции фактически приступить, запросить мою санкцию и только после получения ее, начать операцию.

В отношении всех тех арестованных, которые будут осуждены к заключению в лагеря или тюрьмы на разные сроки, по мере вынесения приговоров доносить мне — сколько человек, на какие сроки тюрьмы или лагеря осуждено. По получении этих сведений я дам указания о том, каким порядком и в какие лагеря осужденных направить.

3. В соответствии с обстановкой и местными условиями территория республики, края и области делится на оперативные сектора.

Для организации и проведения операции по каждому сектору формируется оперативная группа, возглавляемая ответственным работником НКВД республики, краевого или областного Управления НКВД, могущим успешно справиться с возлагаемыми на него серьезными оперативными задачами.

В некоторых случаях начальниками оперативных групп могут быть назначены наиболее опытные и способные начальники районных и городских отделений.

4. Оперативные группы укомплектовать необходимым количеством оперативных работников и придать им средства транспорта и связи.

В соответствии с требованиями оперативной обстановки группам придать войсковые или милицейские подразделения.

5. На начальников оперативных групп возложить руководство учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров в исполнение.

Начальник оперативной группы несет ответственность за организацию и проведение операции на территории своего сектора.

6. На каждого репрессированного собираются подробные установочные данные и компрометирующие материалы. На основании последних составляются списки на арест, которые подписываются начальником оперативной группы и в 2-х экземплярах отсылаются на рассмотрение и утверждение Наркому внутренних дел, начальнику управления или областного отдела НКВД.

Нарком внутренних дел, начальник управления или областного отдела НКВД рассматривает список и дает санкцию на арест перечисленных в нем лиц.

7. На основании утвержденного списка начальник оперативной группы производит арест. Каждый арест оформляется ордером. При аресте производится тщательный обыск. Обязательно изымаются: оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, отравляющие и ядовитые вещества, контрреволюционная литература, драгоценные металлы в монете, слитках и изделиях, иностранная валюта, множительные приборы и переписка.

Все изъятое заносится в протокол обыска.

Арестованные сосредотачиваются в пунктах по указаниям Наркомов внутренних дел, начальников управлений или областных отделов НКВД. В пунктах сосредоточения арестованных должны иметься помещения, пригодные для размещения арестованных.

8. Арестованные строго окарауливаются. Организуются все мероприятия, гарантирующие от побегов или каких-либо эксцессов.

IV. ПОРЯДОК ВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ

1. На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке.

В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение.

V. ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА ТРОЕК

1. Утверждаю следующий персональный состав республиканских, краевых и областных троек (данная часть документа опущена. — Е. К.).

2. На заседаниях троек может присутствовать (там, где он не входит в состав тройки) республиканский, краевой или областной прокурор.

3. Тройка ведет свою работу, или находясь в пункте расположения соответствующих НКВД, УНКВД или областных отделов НКВД, или выезжая к местам расположения оперативных секторов.

4. Тройки рассматривают представленные им материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую подлежащую выселению семью в отдельности.

Тройки, в зависимости от характера материалов и степени социальной опасности арестованного, могут относить лиц, намеченных к репрессированию по 2 категории, — к первой категории и лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, — ко второй.

5. Тройки ведут протоколы своих заседаний, в которые и записывают вынесенные ими приговоры в отношении каждого осужденного.

Протокол заседания тройки направляется начальнику оперативной группы для приведения приговоров в исполнение. К следственным делам приобщаются выписки из протоколов в отношении каждого осужденного.

VI. ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ ПРИГОВОРОВ В ИСПОЛНЕНИЕ

1. Приговоры приводятся в исполнение лицами по указаниям председателей троек, т. е. наркомов республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД.

Основанием для приведения приговора в исполнение являются заверенная выписка из протокола заседания тройки с изложением приговора в отношении каждого осужденного и специальное предписание за подписью председателя тройки, вручаемые лицу, приводящему приговор в исполнение.

2. Приговоры по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение.

Документы об исполнении приговора приобщаются в отдельном конверте к следственному делу каждого осужденного.

3. Направление в лагеря лиц, осужденных по 2 категории, производится на основании нарядов, сообщаемых ГУЛАГом НКВД СССР.

1. Общее руководство проведением операций возлагаю на моего заместителя — Начальника главного управления государственной безопасности — комкора тов. ФРИНОВСКОГО.

Для проведения работы, связанной с руководством операций, сформировать при нем специальную группу.

2. Протоколы троек по исполнению приговоров немедленно направлять начальнику 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР с приложением учетных карточек по форме № 1.

На осужденных по 1 категории одновременно с протоколом и учетными карточками направлять также и следственные дела.

3. О ходе и результатах операции доносить пятидневными сводками к 1, 5, 10, 15, 20 и 25 числу каждого месяца телеграфом и подробно почтой.

4. О всех вновь вскрытых в процессе проведения операции контрреволюционных формированиях, возникновении эксцессов, побегов за кордон, образовании бандитских и грабительских групп и других чрезвычайных происшествиях доносить по телеграфу — немедленно.

* * *

При организации и проведении операции принять исчерпывающие меры к тому, чтобы не допустить: перехода репресслируемых на нелегальное положение; бегства с мест жительства и особенно за кордон; образования бандитских и грабительских групп, возникновения каких-либо эксцессов.

Своевременно выявлять и быстро пресекать попытки к совершению каких-либо активных контрреволюционных действий.

Народный комиссар Внутренних дел Союза ССР
генеральный комиссар государственной
безопасности

(Н. Ежов)

Верно: М. Фриновский

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 268–275.

Лубянка, Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: МДФ, 2004. С. 234–235.

Оперативный приказ НКВД СССР № 00439
«Об операции по репрессированию германских подданных,
подозреваемых в шпионаже против СССР»

25 июля 1937 г.

Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский Генеральный штаб и гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших и, в первую очередь, оборонных предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных.

Агентура из числа германских подданных, осуществляя уже сейчас вредительские и диверсионные акты, главное внимание уделяет организации диверсионных действий на период войны и в этих целях подготавливает кадры диверсантов.

Для полного пресечения этой деятельности германской разведки приказываю:

1. В трехдневный срок со дня получения настоящего приказа точно установить и мне донести списки германских подданных:

а) работающих на всех военных заводах и на заводах, имеющих оборонные цеха, согласно прилагаемому списку заводов;

б) отдельно список германских подданных, в разное время работавших и уволенных с этих предприятий и цехов, но оставшихся на территории СССР, вне зависимости от того, где они в настоящее время работают;

в) отдельно список германских подданных, работающих на железнодорожном транспорте;

В списках указать: фамилию, имя и отчество германского подданного, занимаемую им должность и наименование предприятия, на котором он работает.

2. Начиная с 29 июля с. г. приступить к арестам всех установленных вами германских подданных, работающих на военных заводах и на заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте, а также уволенных с этих заводов, в том случае, если они проживают на территории Вашей республики, края или области.

Всю операцию по арестам закончить в пятидневный срок.

3. Германских политических эмигрантов, работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, арестовывать только в случае, если они сохранили германское подданство.

На каждого из германских политических эмигрантов, принявшего советское гражданство, представить мне не позже 5 августа 1937 года подробный меморандум с изложением компрометирующих материалов для решения вопроса об аресте.

4. Следствие по делам арестованных вести особо тщательно. Добиваться исчерпывающего вскрытия не разоблаченной до сих пор агентуры германской разведки и окончательного разгрома диверсионной низовки, заложенной ею на промышленных предприятиях.

Дела арестованных по окончании следствия направлять в НКВД СССР для последующего рассмотрения их Военной коллегией или Особым совещанием НКВД.

5. Вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов, как из числа советских граждан, так и подданных других государств, немедленно арестовывать, независимо от места их работы.

6. Одновременно с проведением операции приступить к проведению тщательного учета всех германских подданных, работающих на всех других промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве и советских учреждениях, а также бывших германских подданных, принявших советское гражданство и работавших ранее на военных заводах и оборонных цехах других промышленных предприятий.

К 1 сентября (Дальневосточный край и Восточно-Сибирская область к 15 сентября) с. г. представить мне на каждого из указанных лиц подробный меморандум с изложением в нем установочных данных и подробных компрометирующих материалов для решения вопроса об аресте.

7. Ежедневно к 12 часам за истекшие сутки доносить мне телеграфом ход и результаты операции и все добытые следствием материалы.

8. Приказ ввести в действие по телеграфу.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР,
генеральный комиссар
государственной безопасности

Н. Ежов

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 267–268.

Оперативный приказ НКВД СССР № 00485
«Об операции по репрессированию членов Польской военной организации (ПОВ) в СССР»

11 августа 1937 г.
Совершенно секретно

Рассылаемое вместе с настоящим приказом закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР, а также материалы следствия по делу ПОВ вскрывают картину долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы польской разведки на территории Союза.

Из этих материалов видно, что подрывная деятельность польской разведки проводилась и продолжает проводиться настолько открыто, что безнаказанность этой деятельности можно объяснить только плохой работой органов ГУГБ и беспечностью чекистов.

Даже сейчас работа по ликвидации на местах польских диверсионно-шпионских групп и организации ПОВ полностью не развернута. Темп и масштаб следствия крайне низкие. Основные контингенты польской разведки ускользнули от оперативного учета (из общей массы перебежчиков из Польши, насчитывающей примерно 15 000 человек, учтено по Союзу только 900 человек). В Западной Сибири из находящихся на ее территории около 5000 перебежчиков учтено не более 1000 человек. Такое же положение с учетом политэмигрантов из Польши.

Недостаточно решительная ликвидация кадров польской разведки тем более опасна сейчас, когда разгромлен московский центр ПОВ и арестованы многие активнейшие его члены. Польская разведка, предвидя неизбежность дальнейшего своего провала, пытается привести, а в отдельных случаях уже приводит в действие свою диверсионную сеть в народном хозяйстве СССР и в первую очередь на его оборонных объектах.

В соответствии с этим основной задачей органов ГУГБ в настоящее время является разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация не затронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 20 августа 1937 года начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций ПОВ и, прежде всего, ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах.

Вся операция должна быть закончена в 3 месячный срок, т. е. к 20 ноября 1937 г.

2. Аресту подлежат:

а) выявленные в процессе следствия и до сего времени неразысканные активнейшие члены ПОВ по прилагаемому списку;

б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;

в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;

г) политэмигранты и политобмененные из Польши;

д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий;

е) наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов.

3. Операцию по арестам провести в две очереди:

а) в первую очередь подлежат аресту перечисленные выше контингенты, работающие в органах НКВД, в Красной армии, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, в электросиловом хозяйстве всех промышленных предприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах;

б) во вторую очередь подлежат аресту все остальные, работающие в промышленных предприятиях не оборонного значения, в совхозах, колхозах и учреждениях.

4. Одновременно с развертыванием операции по арестам начать следственную работу. Основной упор следствия сосредоточить на полном разоблачении организаторов и руководителей диверсионных групп с целью исчерпывающего выявления диверсионной сети.

Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов — **НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ.**

Для ведения следствия выделить специальную группу оперативных работников.

5. Все арестованные по мере выявления их виновности в процессе следствия — подлежат разбивке на две категории:

а) первая категория, подлежащая расстрелу, к которой относятся все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки;

б) вторая категория, менее активные из них, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 5 до 10 лет.

6. На отнесенных в процессе следствия к первой и второй категории каждые 10 дней составляются списки с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, которые направляются на окончательное утверждение в НКВД СССР.

Отнесение к первой или второй категории на основании агентурных и следственных материалов производится народным комиссаром внутренних дел республики, начальником УНКВД области или края, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края.

Списки направляются в НКВД СССР за подписью народного комиссара внутренних дел республики, начальников УНКВД и прокурора соответствующих республик, края и области.

После утверждения списков в НКВД СССР и прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение, т. е. осужденные по первой категории — расстреливаются и по второй — отправляются в тюрьмы и лагеря, согласно нарядов НКВД СССР.

7. Прекратить освобождение из тюрем и лагерей оканчивающих срок заключения осужденных по признакам польского шпионажа. О каждом из них представить материал для рассмотрения на Особое совещание НКВД СССР.

8. Всю работу по разгрому ПОВ и всех остальных контингентов польской разведки умело и обдуманно использовать для приобретения новой агентуры по польской линии.

При отборе агентуры особо тщательное внимание обратить на меры, обеспечивающие органы НКВД от проникновения в сеть двойников — агентов польской разведки.

9. О ходе операции телеграфно доносить каждые пять дней, т. е. 1, 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Генеральный комиссар госбезопасности

Ежов

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 275–277.

**Шифротелеграмма НКВД СССР № 49990
о проведении операции по репрессированию латышей**

30 ноября 1937 г.

Совершенно секретно
Всем наркомам внаудел республик
начальникам УНКВД
начальникам ДТО ГУГБ

В Москве и ряде областей вскрыты крупные шпионско-диверсионные и националистические контрреволюционные организации латышей, созданные латвийской разведкой и связанные с разведками других стран. Эти контрреволюционные формирования латышей в ряде случаев входили в состав право-троцкистских организаций и военно-троцкистского заговора в качестве националистических латышских филиалов и центров.

В целях ликвидации работы латвийской разведки и разгрома националистической, антисоветской деятельности латышей на территории СССР, приказываю:

1. 3 декабря 1937 года одновременно во всех республиках, краях и областях произвести аресты всех латышей, подозреваемых в шпионаже, диверсии, антисоветской националистической работе.

2. Аресту подлежат все латыши:

- а) находящиеся на оперативном учете и разрабатываемые,
- б) политэмигранты из Латвии, прибывшие в СССР после 1920 года,
- в) перебежчики из Латвии,
- г) руководители, члены правлений и штатные сотрудники местных филиалов общества «Прометей» и латышских клубов,
- д) руководители и члены бюро местных отделений Общества латышских стрелков при Осоавиахиме,
- е) бывшие руководители и члены правлений ранее функционировавших акционерных обществ «Продукт» и «Лесопродукт»,
- ж) латвийские подданные, за исключением сотрудников дипломатических учреждений,
- з) латыши, прибывшие из Латвии в качестве туристов и осевшие в СССР.

3. При проведении операции особое внимание обратить на тщательную очистку от перечисленных выше контингентов предприятий оборонного значения, оборонных цехов, электросиловых предприя-

тий и сооружений, всех видов транспорта, спецсекторов и отделов наркоматов и госучреждений, ведающих оборонными и мобилизационными вопросами и шифрработой армии, флота, войск НКВД, аппаратов органов НКВД, также колхозов, совхозов и населенных пунктов, располагающихся в пределах зон особого режима и запретных и прилегающих к укрепленным районам и оборонительным сооружениям.

4. Одновременно с развертыванием операции по арестам начать энергичную следственную работу, с основным упором на разоблачение организаторов и руководителей контрреволюционной работы, исчерпывающее вскрытие всех ответвлений и участников шпионско-диверсионных и националистических контрреволюционных групп и организаций.

5. При необходимости производства арестов лиц командного и начальствующего состава, имеющих военные и специальные звания, а также лиц, входящих в номенклатуру ЦК, запрашивать санкцию НКВД СССР.

6. Оформление дел и их рассмотрение производить в порядке пункта 6 оперприказа 00485.

7. О результатах операции по арестам донести 5 декабря. О ходе следствия доносить пятидневными сводками с сообщением итоговых цифровых данных и наиболее существенных и важных показаний. Одновременно выслать списки арестованных с полными установочными данными.

Ежов

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 285–286.

Документ 23

**Оперативный приказ НКВД СССР № 00486
«О репрессировании жен и размещении детей
осужденных “изменников Родины”»**

15 августа 1937 г.

С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников Родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и

военными трибуналами по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 года.

При проведении этой операции руководствуйтесь следующим:

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ:

1. В отношении каждой намеченной к репрессированию семьи производится тщательная ее проверка, собираются дополнительные установочные данные и компрометирующие материалы.

На основании собранных материалов составляются:

а) подробная общая справка на семью с указанием: фамилии, имени и отчества осужденного главы семьи, за какие преступления, когда, кем и какому наказанию подвергнут; именной список состава семьи (включая и всех лиц, состоявших на иждивении осужденного и вместе с ним проживавших), подробных установочных данных на каждого члена семьи; компрометирующих материалов на жену осужденного; характеристики в отношении степени социальной опасности детей старше 15-летнего возраста; данных о наличии в семье престарелых и нуждающихся в уходе родителей, наличии детей, по своему физическому состоянию требующих ухода;

б) отдельная краткая справка на социально-опасных и способных к антисоветским действиям детей старше 15-летнего возраста;

в) именные списки детей до 15 лет отдельно дошкольного и школьного возраста.

2. Справки рассматриваются соответственно наркомками внутренних дел республик и начальниками управлений НКВД краев и областей. Последние:

а) дают санкцию на арест и обыск жен изменников Родины;

б) определяют мероприятия в отношении родителей и других родственников, состоявших на иждивении осужденного и совместно с ним проживавших.

ПРОИЗВОДСТВО АРЕСТОВ И ОБЫСКОВ

3. Намеченные к репрессированию арестовываются. Арест оформляется ордером.

4. Аресту подлежат жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста.

Аресту подлежат также и жены, хотя и состоявшие с осужденным к моменту его ареста в разводе, но:

а) участвовавшие в контрреволюционной деятельности осужденного;

б) укрывавшие осужденного;

в) знавшие о контрреволюционной деятельности осужденного, но не сообщившие об этом соответствующим органам власти.

5. Аресту не подлежат:

а) беременные; жены осужденных, имеющие грудных детей; тяжело или заразно больные; имеющие преклонный возраст.

В отношении таких лиц временно ограничиваются одобрением подписки о невыезде с установлением тщательного наблюдения за семьей;

б) жены осужденных, разоблачившие своих мужей и сообщившие о них органам власти сведения, послужившие основанием к разработке и аресту мужей.

6. Одновременно с арестом производится тщательный обыск. При обыске изымаются: оружие, патроны, взрывчатые и химические вещества, военное снаряжение, множительные приборы (копирующие аппараты, стеклоглафи, пишущие машинки и т. п.), контрреволюционная литература, переписка, иностранная валюта, драгоценные металлы в слитках, монетах и изделиях, личные документы и денежные документы.

7. Все имущество, лично принадлежащее арестованным (за исключением необходимого белья, верхнего и нижнего платья, обуви и постельных принадлежностей, которые арестованные берут с собой), конфискуется. Квартиры арестованных опечатываются.

В случаях, когда совместно с арестуемыми проживают их совершеннолетние дети, родители и другие родственники, то им помимо их личных вещей оставляется в пользование необходимые: жилая площадь, мебель и домашняя утварь арестуемых.

8. После производства обыска арестованные жены осужденных конвоируются в тюрьму. Одновременно порядком, указанным ниже, вывозятся и дети.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ ДЕЛ

9. На каждую арестованную и на каждого социально-опасного ребенка старше 15-летнего возраста заводится следственное дело, в которое помимо установленных документов помещаются справки (см. пункты «а» и «б» ст. 1) и краткое обвинительное заключение.

10. Следственные дела направляются на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР.

Начальникам управлений НКВД по Дальневосточному и Красноярскому краям и Восточно-Сибирской области следственных дел на арестованных Особому совещанию не высылать. Вместо этого сообщать по телеграфу общие справки на семьи осужденных (пункт «а» ст. 1), которые и будут рассматриваться Особым совещанием. Последние свои решения по каждой семье с одновременным указанием

мест заключения (лагеря) сообщают начальникам перечисленных УНКВД также по телеграфу.

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ И МЕРЫ НАКАЗАНИЯ

11. Особое совещание рассматривает дела на жен осужденных изменников Родины и тех их детей старше 15-летнего возраста, которые являются социально-опасными и способными к совершению антисоветских действий.

12. Жены осужденных изменников Родины подлежат заключению в лагеря на сроки, в зависимости от степени социальной опасности, не менее как 5–8 лет.

13. Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик.

14. Приговоры Особого совещания сообщаются для приведения их в исполнение наркомам республиканских НКВД и начальникам Управлений НКВД краев и областей по телеграфу.

15. Следственные дела сдаются в архив НКВД СССР.

ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ ПРИГОВОРОВ В ИСПОЛНЕНИЕ

16. Осужденных Особым совещанием жен изменников Родины направлять для отбытия наказания в специальное отделение Темниковского исправительно-трудового лагеря по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД СССР.

Направление в лагеря производить соответствующим порядком.

17. Осужденные жены изменников Родины, не подвергнутые аресту в силу болезни и наличия на руках больных детей, по выздоровлению арестовываются и направляются в лагерь.

Жены изменников родины, имеющие грудных детей, после вынесения приговора немедленно подвергаются аресту и без завоза в тюрьму направляются непосредственно в лагерь.

Так же поступать и с осужденными женами, имеющими преклонный возраст.

18. Осужденные социально-опасные дети направляются в лагеря, исправительно-трудовые колонии НКВД или в дома особого режима Наркомпросов республик по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД для первой и второй группы и АХУ НКВД СССР — для третьей группы.

РАЗМЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ ОСУЖДЕННЫХ

19. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещать:

а) детей в возрасте от 1–1,5 лет и до трех полных лет — в детских домах и яслях Наркомздравов республик в пунктах жительства осужденных;

б) детей в возрасте от 3 полных лет и до 15 лет — в детских домах Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов.

20. В отношении детей старше 15 лет вопрос решать индивидуально. В зависимости от возраста, возможностей самостоятельного существования собственным трудом или возможностей проживания на иждивении родственников такие дети могут быть:

а) направлены в детские дома Наркомпросов республик в соответствии с п. «б» ст. 19;

б) направлены в другие республики, края и области (в пункты, за исключением перечисленных выше городов) для трудового устройства или определения на учебу.

Грудные дети направляются вместе с их осужденными матерями в лагерь, откуда по достижении возраста 1–1,5 лет передаются в детские дома и ясли Наркомздравов республик.

Дети в возрасте от 3 до 15 лет принимаются на государственное обеспечение.

В том случае, если оставшихся сирот пожелают взять другие родственники (не репресслируемые) на свое полное иждивение, — этому не препятствовать.

ПОДГОТОВКА К ПРИЕМУ И РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ДЕТЕЙ

24. В каждом городе, в котором производится операция, специально оборудуются:

а) приемно-распределительные пункты, в которые будут доставляться дети тотчас же после ареста их матерей и откуда дети будут направляться затем по детским домам;

б) специально организуются и оборудуются помещения, в которых будут содержаться до решения Особого совещания НКВД социально-опасные дети.

Для указанных выше детей используются там, где они имеются, детские приемники отделов трудовых колоний НКВД.

Начальники органов НКВД пунктов, где расположены детские дома Наркомпросов, предназначенные для приема детей осужденных, совместно с заведующими или представителями Облоно произ-

водят проверку персонала домов и лиц, политически неустойчивых, антисоветски настроенных и разложившихся — увольняют. Взамен уволенного персонал домов доукомплектовывается проверенным, политически надежным составом, могущим вести учебно-воспитательную работу с прибывающими к ним детьми.

Начальники органов НКВД определяют, в каких детских домах и яслях Наркомздравов можно разместить детей до 3-летнего возраста, и обеспечивают немедленный и безотказный прием этих детей.

27. Наркомы внутренних дел республик и начальники управлений НКВД краев и областей сообщают по телеграфу лично заместителю начальника АХУ НКВД СССР т. Шнеерсону именные списки детей, матери которых подвергаются аресту. В списках должны быть указаны: фамилия, имя, отчество, год рождения ребенка, в каком классе учится. В списках дети перечисляются по группам, комплектуемым с таким расчетом, чтобы в один и тот же дом не попали дети, связанные между собой родством или знакомством.

28. Распределение детей по детским домам производит заместитель начальника АХУ НКВД СССР. Он телеграфом сообщает наркомам республиканских НКВД и начальникам управлений НКВД краев и областей, каких детей и в какой дом направить. Копию телеграммы посылают начальнику детского дома. Для последнего эта телеграмма должна являться основанием к приему детей.

29. При производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и вместе с их личными документами (свидетельства о рождении, ученические документы) в сопровождении специально наряженных в состав группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД отвозятся:

а) дети до 3-летнего возраста — в детские дома и ясли Наркомздравов;

б) дети от 3-х до 15-летнего возраста — в приемно-распределительные пункты;

в) социально-опасные дети старше 15-летнего возраста — в специально предназначенные для них помещения.

Порядок отправки детей в детские дома:

30. Детей на приемно-распределительном пункте принимают заведующий пунктом или начальник детского приемника ОТК НКВД и специально выделенный оперработник (работница) УГБ.

Каждый принятый ребенок записывается в специальную книгу, а документы его запечатываются в отдельный конверт.

Затем дети группируются по местам назначения и в сопровождении специально подобранных работников отправляются группами по

детским домам Наркомпросов, где сдаются вместе с их документами заведующему домом под личную его расписку.

31. Дети до 3-летнего возраста сдаются лично заведующим детскими домами или яслями Наркомздравов под их личную расписку. Вместе с ребенком сдается его свидетельство о рождении.

УЧЕТ ДЕТЕЙ ОСУЖДЕННЫХ

32. Дети осужденных, размещенные в детских домах и яслях Наркомпросов и Наркомздравов республик, учитываются АХУ НКВД СССР.

Дети старше 15-летнего возраста и осужденные как социально-опасные дети учитываются 8-м отделом ГУГБ НКВД СССР.

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ДЕТЬМИ ОСУЖДЕННЫХ

33. Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагаю на наркомов внутренних дел республик, начальников Управления НКВД краев и областей.

ОТЧЕТНОСТЬ

34. О ходе операции доносить мне 3-дневными сводками по телеграфу. О всех эксцессах и чрезвычайных происшествиях — немедленно.

35. Операцию по репрессированию жен уже осужденных изменников Родины закончить к 25 октября с. г.

36. Впредь всех жен изблеченных изменников Родины, правотроцкистских шпионов арестовывать одновременно с мужьями, руководствуясь порядком, устанавливаемым настоящим приказом.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Генеральный комиссар
государственной безопасности

Ежов

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 277–281.

Приказ НКВД СССР № 00606

«Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др.»

17 сентября 1938 г.

1. В целях быстрейшего рассмотрения следственных материалов дел на лиц, арестованных в порядке приказов НКВД СССР №№ 00485, 00439 и 00593 1937 года и №№ 202 и 326 — 1938 г., создать при Управлениях НКВД краев и областей Особые тройки, на которые и возложить рассмотрение указанных дел.

2. Особые тройки образовывать в составе: первого секретаря обкома, крайкома ВКП(б) или ЦК нацкомпартии, начальника соответствующего управления НКВД и прокурора области, края, республики.

В Украинской и Казахской ССР и Дальневосточном крае Особые тройки образовывать по областям.

3. Особые тройки рассматривают дела в отношении лиц, арестованных только до 1 августа 1938 года, и заканчивают работу в 2-месячный срок.

4. Дела на всех лиц указанных национальных контрреволюционных контингентов, арестованных после 1 августа 1938 года, направлять для рассмотрения в соответствующие судебные органы, по подсудности (военные трибуналы, линейные и областные суды, Военную коллегия Верховного Суда), а также на Особое совещание НКВД СССР.

5. Особые тройки не рассматривают дел на иностранных подданных. Эти дела подлежат направлению в 3-й отдел 1-го Управления НКВД СССР — для рассмотрения в центре и направления по подсудности.

6. Особые тройки рассматривают дела УНКВД (НКВД), а также ДТО НКВД и третьих отделов лагерей НКВД, находящихся в месте расположения соответствующих УНКВД (НКВД).

7. Особые тройки выносят приговоры в соответствии с приказом НКВД № 00485 от 25 августа 1937 года по первой и второй категориям, а также возвращают дела на доследование и выносят решения об освобождении обвиняемых из-под стражи, если в делах нет достаточных материалов для осуждения обвиняемых.

8. Решение Особых троек по первой категории приводить в исполнение НЕМЕДЛЕННО.

9. Особые тройки ведут протоколы своих заседаний, в которые записывают вынесенные ими решения в отношении каждого осужденного. По каждой национальной линии (польской, немецкой, латышской и т. д.) ведутся отдельные протоколы. Протоколы подписываются в 2-х экземплярах всем составом тройки. Один экземпляр протокола направлять в 1-й Специальный отдел НКВД СССР.

10. К следственным делам приобщаются выписки из протокола в отношении каждого осужденного в отдельности. По исполнении приговоров, как по первой, так и по второй категориям, дела немедленно направлять в 1-й Специальный отдел НКВД СССР.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Генеральный комиссар государственной безопасности Ежов

Печатается по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 286–287.

Документ 25

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)

«Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»

17 ноября 1938 г.

№ П 4387

Наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам окружных, городских и районных отделений НКВД

Прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей, окружным, городским и районным прокурорам

Секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечают, что за 1937–1938 гг. под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Одновременно органами НКВД проделана большая работа также и по разгону шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, переброшенных в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, латышей, эстонцев, харбинцев и проч.

Очистка страны от диверсионных повстанческих и шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства.

Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено.

Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов.

Это тем более необходимо, что массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда — не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры. Больше того, враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД, как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности засевших в органах НКВД.

Главнейшими недостатками, выявленными за последнее время в работе органов НКВД и прокуратуры, являются следующие.

Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов.

Это привело к тому, что и без того слабая агентурная работа еще более отстала и, что хуже всего, многие наркомвнудельцы потеряли вкус к агентурным мероприятиям, играющим в чекистской работе исключительно важную роль.

Это, наконец, привело к тому, что при отсутствии надлежаще поставленной агентурной работы следствию, как правило, не удавалось

полностью разоблачить арестованных шпионов и диверсантов иностранных разведок и полностью вскрыть все их преступные связи.

Такая недооценка значения агентурной работы и недопустимо легкомысленное отношение к арестам тем более нетерпимы, что Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в своих постановлениях от 8 мая 1933 года, 17 июня 1935 года и, наконец, 3 марта 1937 года давали категорические указания о необходимости правильно организовать агентурную работу, ограничить аресты и улучшить следствие.

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и проч.).

Часто арестованный не допрашивается в течение месяца после ареста, иногда и больше. При допросах арестованных протоколы допроса не всегда ведутся. Нередко имеют место случаи, когда показания арестованного записываются следователем в виде заметок, а затем спустя продолжительное время (декада, месяц и даже больше) составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование статьи 138 УПК о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения.

Следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний, помещаются не подписанные допрашиваемым и не заверенные следователем протоколы показаний, включаются неподписанные и неутвержденные обвинительные заключения и т. п.

Органы прокуратуры, со своей стороны, не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконяют эти нарушения.

Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы

НКВД и прокуратуры — как в центре, так и на местах, — враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах.

Все эти отмеченные в работе органов НКВД и прокуратуры совершенно нетерпимые недостатки были возможны только потому, что пробравшиеся в органы НКВД и прокуратуры враги народа всячески пытались оторвать работу органов НКВД и прокуратуры от партийных органов, уйти от партийного контроля и руководства и тем самым облегчить себе и своим сообщникам возможность продолжения своей антисоветской, подрывной деятельности.

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и прокуратуры **СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:**

1. Запретить органам НКВД и прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению.

В соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора.

Выселение из погранполосы допускается в каждом отдельном случае с разрешения СНК СССР и ЦК ВКП(б) по специальному представлению соответствующего обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, согласованному с НКВД СССР.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских Управлениях РК милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР.

3. При арестах органам НКВД и прокуратуры руководствоваться следующим:

а) согласование на аресты производить в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года;

б) при истребовании от прокурора санкций на арест — органы НКВД обязаны представить мотивированное постановление и все обосновывающие необходимость ареста материалы;

в) органы прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверить обоснованность постановлений органов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий или представления дополнительных следственных материалов;

г) органы прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований.

Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор.

4. Обязать органы НКВД при производстве следствия в точности соблюдать все требования Уголовно-процессуальных кодексов.

В частности:

а) заканчивать расследование в сроки, установленные законом;

б) производить допросы арестованных не позже 24-х часов после их ареста; после каждого допроса составлять немедленно протокол в соответствии с требованием статьи 138 УПК с точным указанием времени начала и окончания допроса.

Прокурор при ознакомлении с протоколом допроса обязан на протоколе делать надпись об ознакомлении с обозначением часа, дня, месяца и года;

в) документы, переписку и другие предметы, отбираемые при обыске, печатывать немедленно на месте обыска, согласно ст. 184 УПК, составляя подробную опись всего опечатанного.

5. Обязать органы прокуратуры в точности соблюдать требования Уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД.

В соответствии с этим обязать прокуроров систематически проверять выполнение следственными органами всех установленных законом правил ведения следствия и немедленно устранять нарушения этих правил: принимать меры к обеспечению за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав и т. п.

6. В связи с возрастающей ролью прокурорского надзора и возложенной на органы прокуратуры ответственностью за аресты и проводимое органами НКВД следствие — признать необходимым:

а) установить, что все прокуроры, осуществляющие надзор за следствием, производимым органами НКВД, утверждают ЦК ВКП(б) по представлению соответствующих обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий и прокурора Союза ССР;

б) обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в 2-месячный срок проверить и представить на утверждение в ЦК ВКП(б) канди-

датуры всех прокуроров, осуществляющих надзор за следствием в органах НКВД;

в) обязать прокурора Союза ССР т. Вышинского выделить из состава работников центрального аппарата политически проверенных квалифицированных прокуроров для осуществления надзора за следствием, проводимым центральным аппаратом НКВД, и в двухнедельный срок представить их на утверждение ЦК ВКП(б).

7. Утвердить мероприятия НКВД СССР по упорядочению следственного производства в органах НКВД, изложенные в приказе от 23 ноября 1938 г. В частности, одобрить решение НКВД об организации в оперативных отделах специальных следственных частей.

Придавая особое значение правильной организации следственной работы органов НКВД, обязать НКВД СССР обеспечить назначение следователями в центре и на местах лучших, наиболее проверенных политически и зарекомендовавших себя на работе квалифицированных членов партии.

Установить, что все следователи органов НКВД в центре и на местах назначаются только по приказу народного комиссара внутренних дел СССР.

8. Обязать НКВД СССР и прокурора Союза ССР дать своим местным органам указания по точному исполнению настоящего постановления.

* * *

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращают внимание всех работников НКВД и прокуратуры на необходимость решительного устранения отмеченных выше недостатков в работе органов НКВД и прокуратуры и на исключительное значение организации всей следственной и прокурорской работы по-новому.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. Молотов
Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 305–308.

Приказ НКВД СССР № 00762
«О порядке осуществления постановления СНК СССР
и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.»

26 ноября 1938 г.
г. Москва

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» вскрывает серьезные недостатки и извращения в работе органов НКВД и прокуратуры и указывает пути подъема работы нашей советской разведки в деле окончательного разгрома врагов народа и очистки нашей страны от шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, от всех предателей и изменников родины.

Правильное проведение в жизнь этого постановления, требующее от всех работников НКВД центра и его местных органов дружной, энергичной и самоотверженной работы, приведет к коренному улучшению агентурно-осведомительной и следственной работы, к решительному исправлению и устранению имевших место в работе НКВД ошибок и извращений.

В целях обеспечения неуклонного проведения в жизнь постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года ОБЯЗЫВАЮТСЯ все органы НКВД при осуществлении этого постановления руководствоваться следующими указаниями:

1) немедленно прекратить производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, понимая под массовыми операциями групповые аресты или выселение без дифференцированного подхода к каждому из арестуемых или выселяемых лиц и предварительно всестороннего рассмотрения всех имеющихся на него материалов;

2) аресты производить в строго индивидуальном порядке, вынося на каждое подлежащее аресту лицо специальное постановление, в котором должна быть подробно и конкретно обоснована необходимость производства ареста. Отменить практику составления так называемых справок или меморандумов на арест. Аресты должны быть предварительно согласованы с прокурором;

3) начальники районных и городских отделений НКВД для производства ареста предварительно представляют начальникам соответствующих УНКВД или НКВД союзных и автономных республик мотивированное постановление и получают санкцию на арест;

4) производство арестов в районах без предварительной санкции вышестоящих органов НКВД допускать лишь в исключительных случаях, когда есть опасение, что подлежащий аресту может скрыться или замести следы своего преступления, или в случае если преступник застигнут на месте преступления. О каждом таком аресте начальник районного или городского отделения НКВД немедленно извещает вышестоящий орган.

Примечание: 1) Районные отделения НКВД, расположенные в местностях, отдаленных от областных, краевых или республиканских центров (список прилагается), имеют право производства арестов по согласованию с районным прокурором, без предварительной санкции, но с последующим немедленным извещением вышестоящих органов НКВД о произведенном аресте.

2) Органы РК милиции производят аресты по своей линии по постановлению начальника районного или городского отделения РК милиции и с санкции районного прокурора;

5) задержание лиц органами НКВД и РК милиции производится в строгом соответствии со статьями 100, 103 и 104 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР или соответствующими статьями Уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик с последующим должным оформлением ареста или освобождением задержанного в 48-часовой срок;

6) считать утратившими силу приказы, циркуляры и инструкции НКВД СССР: № 00439 от 25 июля 1937 г.; № 00447 от 30 июля 1937 г.; № 00485 от 11 августа 1937 г.; № 00593 от 20 сентября 1937 г.; № 49990 от 30 ноября 1937 г.; № 50 215 от 11 декабря 1937 г.; № С-74 от 13 января 1938 г.; № 202 от 29 января 1938 г.; № 326 от 16 февраля 1938 г.; № 00606 от 17 сентября 1938 г.; № 189 от 21 сентября 1938 г.

И в соответствии с п. 1 и 2 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года отменить ныне действующие указы и циркуляры НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г.; № 00693 от 23 октября 1937 г.; № 234 от февраля 1938 г.; № 63 от 31 марта 1938 г.; № 860 от 23 апреля 1938 г.; № 00319 от 21 мая 1938 г.;

7) при разрешении вопроса о направлении законченных следствием дел руководствоваться следующим:

а) все дела, как правило, направлять через прокурора на рассмотрение суда в соответствии с законами о подсудности;

б) на Особое совещание при НКВД СССР направлять дела с заключением прокурора в случаях, когда имеются в деле обстоятельства, препятствующие передаче дела в суд (опасность расшифровки ценного агента, невозможность в судебном порядке использовать

доказательства, изобличающие виновность арестованного, в то время как виновность арестованного несомненна, и т. д.). Максимально сократить количество дел, направляемых на Особое совещание, подвергая эти дела тщательному отбору;

8) Установить, что дела направляемых на Особое совещание при НКВД СССР оформляются в полном соответствии с Уголовно-процессуальными кодексами, в частности со статьей 206 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик о предъявлении подследственному после окончания следствия всего следственного материала.

Примечание: Агентурные материалы в следственные дела не подшиваются, а хранятся особо, в отдельном деле и подследственному не предъявляются;

9) Установить, что дела, направляемые на Особое совещание, докладываются на заседании Особого совещания лично народными комиссарами внутренних дел союзных и автономных республик и начальниками краевых и областных УНКВД или их заместителями.

Обязать начальников соответствующих отделов и управлений НКВД СССР присутствовать при обсуждении дел на Особом совещании при НКВД СССР.

10) организовать при Особом совещании секретариат, на который возложить предварительную проверку и подготовку к заседанию дел, направляемых на Особое совещание.

Утвердить Положение о Секретариате Особого совещания при НКВД СССР, структуру и штаты (прилагается).

11) Следственные дела на иностранноподданных расследуются на местах соответствующими органами НКВД и, как правило, через прокурора направляются в суды, в соответствии с действующими приказами НКВД об арестах и порядке ведения дел иностранноподданных.

Дела об иностранноподданных направлять на Особое совещание при НКВД СССР лишь в исключительных случаях.

Примечание: Пункт 5 приказа НКВД СССР за № 00606 о представлении всех дел на иностранноподданных в 3-й отдел ГУГБ НКВД СССР — отменен пунктом 6 настоящего приказа.

12) В отношении советских граждан, посещающих иностранные посольства и консульства, практиковать задержание и выяснение личности задержанных. Задержание не должно длиться более 48 часов, в течение которых при наличии компрометирующих материалов необходимо оформлять арест задержанных с точным соблюдением

соответствующих статей УПК, или освобождать их, если нет необходимых оснований для ареста.

13) Все следственные дела, находящиеся ныне в производстве в органах НКВД, должны оформляться и в дальнейшем направляться в суды или на Особое совещание при НКВД с точным соблюдением соответствующих статей постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года и настоящего приказа.

Всем народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам областных и краевых УНКВД немедленно разработать конкретный план и сроки направления на рассмотрение ныне имеющихся следственных дел и приступить к их осуществлению.

Для обеспечения окончания этой работы в установленные сроки в случае необходимости создать специальные группы квалифицированных работников оперативных отделов.

О принятых мероприятиях доложить НКВД СССР и каждую декаду информировать НКВД СССР о ходе выполнения настоящего пункта приказа.

14) Рассмотрению в установленном пункте 13 настоящего приказа порядке подлежат также те следственные дела, которые уже были рассмотрены на Особом совещании или на тройках при НКВД и УНКВД и милиции, но по которым приговор еще не приведен в исполнение. Дела на этих лиц возвращаются в соответствующие НКВД и УНКВД и отделы НКВД СССР для доследования и дальнейшего направления в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.

15) Отменить практику продления наказания находящимся в ссылке и лагерях. Лица, отбывающие установленный для них срок наказания, освобождаются. Если в отношении лиц, отбывающих наказание, получены новые компрометирующие материалы за время их нахождения в лагере, то дела на них должны возбуждаться вновь, с точным соблюдением постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.

16) Снабдить весь состав оперативных работников НКВД центра и на местах экземплярами Уголовных кодексов и Уголовно-процессуальных кодексов.

Заместителю начальника первого спецотдела НКВД СССР т. ПЕТРОВУ в декадный срок договориться с центральным юридическим издательством, а также с издательствами национальных республик о выделении (или переиздании) необходимого количества экземпляров УК и УПК.

17) Предложить лично народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам областных и краевых УНКВД по получении настоящего приказа провести с вызовом начальников районных и городских отделений НКВД специальные совещания оперативных работников НКВД, на которых зачитать постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, приказы за №№ 701 и 702 от 23 октября 1938 года и настоящий приказ и дать необходимые разъяснения.

Аналогичные совещания должны быть проведены в аппаратах районных и городских отделений НКВД лично начальниками этих отделений.

18) О порядке развертывания агентурно-осведомительной работы указания будут даны дополнительно.

Неуклонно осуществляя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, органы НКВД под руководством партии и правительства должны добиться скорейшего и решительного устранения всех недостатков и извращений в своей работе и коренного улучшения организации дальнейшей борьбы за полный разгром всех врагов народа, за очистку нашей родины от шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, обеспечив тем самым дальнейшие успехи социалистического строительства.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Л. Берия

Публикуется по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 т. Том 1: Массовые репрессии в СССР / Ответственные редакторы Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 309–312.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник	8
Глава 2. Органы репрессии: их полномочия и деятельность	33
2.1. Смоленский революционный трибунал	33
2.2. Смоленская ЧК	40
2.3. Полномочные представительства (ПП) ГПУ/ОГПУ	49
2.3.1. Главная операция ОГПУ: ликвидация кулачества как класса	54
2.4. НКВД	91
2.4.1. НКВД и другие репрессивные органы Смоленщины 1930-х гг.	95
2.4.2. Большой террор на Смоленщине: показательные судебные процессы	113
2.4.3. Приказ НКВД № 00447: реализация в регионе	129
2.4.4. «Национальные операции» на Смоленщине	146
Приложения	
1. Репрессии в документах	179
Уголовный кодекс РСФСР. Статьи о контрреволюционных преступлениях, 1922–1953 гг.	179
Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. Особенная часть	179
Об изменениях и дополнениях уголовного кодекса РСФСР.	182

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. Особенная часть	183
Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)	187
Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов	191
2. Репрессивные органы и их полномочия	196
О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний	196
Выписка из протокола № 21 заседания СНК об организации ВЧК	197
Приказ ВЧК № 64 «Об упразднении ВЧК»	198
Положение о Государственном политическом управлении, утвержденное постановлением президиума ВЦИК	201
Положение об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах	204
Положение о правах Объединенного государственного политического управления в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь	206
Постановление ЦИК СССР об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел СССР	209
Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «Об Особом Совещании при Министре государственной безопасности СССР»	211
Указ Президиума Верховного Совета «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел Союза ССР»	213

3. Распорядительные документы партийных, государственных и репрессивных органов	215
Приказ ВЧК № 2 «Об отмене высшей меры наказания (расстрела)»	215
Приказ ВЧК № 54 «О порядке применения Реввоентрибуналами высшей меры наказания»	216
Приказ Объединенного государственного политического управления № 44/21 «О ликвидации кулака как класса»	218
Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения»	227
Решение Политбюро ЦК ВКП(б) и оперативный приказ наркома внутренних дел об антисоветских элементах	233
Оперативный приказ НКВД СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР» ..	243
Оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «Об операции по репрессированию членов Польской военной организации (ПОВ) в СССР»	245
Шифротелеграмма НКВД СССР № 49990 о проведении операции по репрессированию латышей ...	248
Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 «О репрессировании жен и размещении детей осужденных “изменников Родины”»	249
Приказ НКВД СССР № 00606 «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др.»	256
Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»	257
Приказ НКВД СССР № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.»	263

Научное издание

История сталинизма

Кодин Евгений Владимирович

**Репрессированная российская провинция.
Смоленщина. 1917–1953 гг.**

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*

Редактор *А. В. Воеводский*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*

Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.03.2011

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 17,0.

Тираж 1500 экз. Заказ 2221

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14